

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ

ИНСТИТУТ ЕВРОПЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**ОТНОШЕНИЯ СТРАН ВИШЕГРАДСКОЙ
ЧЕТВЕРКИ И РОССИИ В НОВЫХ ЕВРОПЕЙСКИХ
РЕАЛЬНОСТЯХ**

*Сборник статей участников
XII международной научной конференции*

***«Россия и Центральная Европа
в новых геополитических реальностях»***

Москва, 30 ноября 2017 года

**ИЕ РАН
Москва, 2018**

УДК 327(470:4-191.2)(063)
ББК 66.4(2Рос),9(44),03я431
О-84

Ответственный редактор д.и.н. Л.Н. Шишелина

Редакторы:

к.и.н. М.В. Ведерников, д.и.н. Н.В. Коровицына

Рецензенты:

Щербакова Юлия Александровна, кандидат исторических наук

Швейцер Владимир Яковлевич, доктор политических наук

*Издание осуществлено на средства Российского фонда фундаментальных исследований,
проект № 17-07-00016 «Россия и Центральная Европа: проблемы и перспективы
взаимоотношений в условиях мирового политического кризиса».*

О-84 Отношения стран Вишеградской четверки и России в новых европейских реальностях = Relations between the Visegrad countries and Russia in the new European realities: сб. ст. участников XII междунар. науч. конф. Россия и Центральная Европа в новых геополитических реальностях, Москва, 30 ноября 2017 г. / Федеральное гос. бюджетное учреждение науки Ин-т Европы Российской акад. наук; [ред. Л.Н. Шишелина]. — М.: ИЕ РАН, 2018. — 196 с. — Парал. тит. л. англ. — ISBN 978-5-98163-111-5.

Л. Шишелина, Любовь Николаевна, ред.

В сборник вошли доклады, представленные участниками XII международной научной конференции «Россия и Центральная Европа в новых геополитических реальностях», состоявшейся в Москве, в Посольстве Венгрии, в Институте Европы РАН 30 ноября 2017 г. Главными темами конференции были задачи председательства Венгрии в Вишеградской группе, внешняя политика вишеградских стран и их отношения с Россией, политика Восточного партнерства ЕС.

Высказанные в статьях мнения отражают исключительно личные взгляды и профессиональные исследовательские позиции участников конференции.

УДК 327(470:4-191.2)(063)
ББК 66.4(2Рос),9(44),03я431

ISBN 978-5-98163-111-5

© Институт Европы РАН, Л.Н. Шишелина, 2018

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

INSTITUTE OF EUROPE

**RELATIONS BETWEEN THE VISEGRAD COUNTRIES
AND RUSSIA IN THE NEW EUROPEAN REALITIES**

Proceedings of the XII International Scientific Conference

***“Russia and Central Europe in the
New Geopolitical Realities”***

Moscow, November 30, 2017

**IE RAS
Moscow 2018**

Edited by Dr. L. Shishelina

Publication of the Conference's materials is being financed by Russian Foundation for Fundamental Studies, project № 17-07-00016 "Russia and Central Europe: Problems and Perspectives of Relations under Conditions of World Political Crisis".

Minds presented in the articles reflect exclusively private points of view and professional research positions of the conference participants.

ISBN 978-5-98163-111-5

© RAS Institute of Europe, L. Shishelina, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Любовь Шишелина</i> ВИШЕГРАДСКАЯ ЕВРОПА В ВИХРЕ ПЕРЕМЕН	9
<i>Максим Саморуков</i> РОССИЯ-ВИШЕГРАД. КАК РАЗВИВАТЬ ОТНОШЕНИЯ В НОВОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ	32
<i>Владимир Гандл</i> ОТ НОРМАЛИЗАЦИИ ДО ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ: НЕРАВНОМЕРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ВИШЕГРАДСКИМИ СТРАНАМИ И ГЕРМАНИЕЙ	40
<i>Иво Гонта</i> РОЛЬ ВИШЕГРАДСКОЙ ГРУППЫ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ СЛОВАКИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ ...	51
<i>Михаил Ведерников</i> ВИШЕГРАДСКОЕ (ЦЕНТРАЛЬНОЕВРОПЕЙСКОЕ) ИЗМЕРЕНИЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	63
<i>Анатолий Бажан</i> РОССИЯ И ВИШЕГРАДСКАЯ ГРУППА: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ОТНОШЕНИЙ	73
<i>Рафаль Лисякевич</i> ВОЗМОЖНОСТИ ЭНЕРГОДИАЛОГА В ОТНОШЕНИЯХ РОССИИ И ПОЛЬШИ В СВЕТЕ ЛИБЕРАЛЬНЫХ ТЕОРИЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТЭКОНОМИИ	82
<i>Игорь Юшков</i> ЛИБЕРАЛИЗМ VS КЕЙНСИАНИЗМ В ЭНЕРГЕТИКЕ. ЧТО ВЫБИРАЮТ РОССИЯ И ЗАПАДНЫЕ СТРАНЫ?	95
<i>Ирина Болгова</i> НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКЕ ЕС ...	109

<i>Каролина Котулевич-Вишиньска</i> ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ВИШЕГРАДСКОЙ ГРУППЫ И РЕСПУБЛИКИ МОЛДАВИИ	127
<i>Michal Vít</i> COOPERATION FRAMEWORK BETWEEN THE CZECH REPUBLIC AND V4 TOWARDS WESTERN BALKAN	141
<i>Павел Кандель</i> ЗАПАДНЫЕ БАЛКАНЫ МЕЖДУ «СТАРОЙ» И «НОВОЙ ЕВРОПОЙ»	147
<i>Анджей Габарта</i> ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СТРАН ВИШЕГРАДСКОЙ ГРУППЫ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	154
<i>Егор Сергеев</i> ДИНАМИКА ОСНОВНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ФИСКАЛЬНЫХ СИСТЕМ СТРАН ВИШЕГРАДСКОЙ ГРУППЫ В ПОСТКРИЗИСНЫЙ ПЕРИОД	166
<i>Наталья Коровицына</i> ОСОБЕННОСТИ ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ (НА ПРИМЕРЕ ПОЛЬШИ)	178
Об авторах	193
About authors	195

Дорогие Коллеги!

Представляем Вашему вниманию 12-й том серии «Россия и Центральная Европа в новых геополитических реальностях» на тему «*Отношения стран Вишеградской четверки и России в новых европейских реальностях*». Конференцию с таким названием Институт Европы РАН организовал и провел в партнерстве с Посольством Венгрии в Москве в декабре 2017 года, когда Венгрия председательствовала в Вишеградской группе. Мы благодарны Послу Венгрии в Москве Господину Яношу Балла за выбор нашего Института Европы и нашего проекта в качестве партнера в проведении в Москве столь важного мероприятия в рамках председательства его страны. Главными темами конференции стали *История центрально-европейского / вишеградского региона в свете юбилейных для Европы дат (1918, 1968, 1988 гг.)* и приближающегося 25-летия создания Европейского союза. Уже традиционной для наших конференций является тема *Вишеградские страны и Россия как часть европейского энергетического диалога*. Мы также рассмотрели состояние и перспективы экономических, научных и культурных контактов между Россией и странами региона. Особенный интерес вызвала тема, поставленная на нашей постояннодействующей конференции «Россия и Центральная Европа в новых геополитических реальностях» уже во второй раз и получившая дальнейшее развитие в дискуссиях и статьях — *Вишеградские страны, Россия и наше «общее соседство»: пути к преодолению кризиса*. В связи с возросшей в последнее время актуальностью, мы вновь вернулись к теме Балкан, главным образом, чтобы выяснить где мифы, а где реальности о вмешательстве в дела молодых государств различных геополитических субъектов мировой политики, а также обсудить их готовность к вступлению в общеевропейскую интеграцию.

В этот сборник мы отобрали статьи известных ученых и начинающих исследователей региона, экономистов, историков и политологов, размышляющих о самом явлении Вишеградской группы, о политических и экономических аспектах ее возникновения и развития, о политике отдельных стран центральной Европы, об их отношениях с соседними регионами на современном этапе. Интерес читателя вызовут статьи, посвященные нашим двусторонним отношениям, политике «Восточного партнерства» ЕС — рассмотренной со стороны России и со стороны Польши, политике России и Европейского союза на Балканах и многие другие. В соответствии с многолетней традицией наших изданий, мы публикуем выступления без изменений, сохраняя стилистику изложения авторов, позволяя читателю почувствовать остроту и напряженность дискуссии, хотя и не разделяем некоторых из точек зрения, которые кажутся нам недостаточно аргументированными. Открытый и прямой диалог — особенность наших конференций. Какими бы ни были точки зрения — большим достижением является то, что диалог наш длится уже третье десятилетие, вселяя надежду на улучшение и самих отношений между нашими странами и регионами.

В традициях нашего издания все статьи снабжены резюме на русском или английском языках.

Автор и руководитель проекта
«Россия и Центральная Европа в новых
геополитических реальностях»,
доктор исторических наук

Любовь Шишелина

*Любовь Шишелина*¹

ВИШЕГРАДСКАЯ ЕВРОПА В ВИХРЕ ПЕРЕМЕН²

В 2019 году исполнится пятнадцать лет со времени вступления стран Вишеградской группы (В4) и Прибалтики в Европейский союз. Это более чем удачный повод оценить последствия самого масштабного и сложного в истории Европейской интеграции расширения в границах и населении, синхронизированного с политическим и идеологическим реформированием новых членов объединения. Последний брюссельский проект, названный «расширением ЕС на Восток» близок по юбилейным датам с «первым постимперским» американским проектом для Европы, которому в нынешнем, 2018 году исполнилось 100 лет. Даты несопоставимые по протяженности, но позволяющие отследить тенденции европейского и заодно мирового развития, которое можно сформулировать в понятиях идеологических устремлений и чаяний, разрушающихся в столкновении с экономическими и геополитическими реалиями, «своеобразием» международного права и навязываемыми мифологемами. В нашем видении два проекта объединяет то, что они развивались в русле евроатлантической тенденции с попыткой воплощения в европейском пространстве общей иерархии управления и системы ценностей. Оба не до конца ориентировались в центральноевропейских реальностях, порождая в регионе стремление к противодействию, на начальном этапе выражавшемся как поиск баланса. Корректировки первого проекта окружены насилием и войнами. Произошедшее 15 лет назад осуществление почти панъевропейской идеи,

¹ Шишелина Любовь — доктор исторических наук, заведующая Отделом исследований Центральной и Восточной Европы Института Европы РАН.

² *Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 17-07-00016 «Россия и Центральная Европа: проблемы и перспективы взаимоотношений в условиях мирового политического кризиса».*

как бы ни оценивались результаты сегодня, стало первым пока позитивным опытом в центре Европы. И хочется надеяться, что уроки XX столетия помогут избежать крайностей в попытках его корректировки.

Новая европейская система, созданная в феврале 1992 г. в Маастрихте как ответ на новые послевоенные геополитические реальности, связанные с распадом СССР и роспуском его «сателлитных структур», и вступившая в действие в ноябре 1993 г., спустя 25 лет также, похоже, подошла к закономерному этапу обновления в соответствии с очевидными новыми реальностями и окружающего, и внутреннего мира. После распада «восточной» системы, ее «западная альтернатива» практически четверть века совершенно беспрепятственно расширялась, не встречая никакого сопротивления со стороны Москвы. Даже наоборот, некоторое время присутствовали вполне осуществимые намерения по эффективному взаимодействию ЕС и России, в русле которых могли родиться более удачные проекты и для государств нашего «общего соседства». Вступление же ЕС в жесткую конфронтацию с Россией, вершиной которого стал Вильнюсский саммит 2013 г., не пошло на пользу маастрихтскому проекту. Нарастание конфронтации заставило ядро Европейского союза углубиться в проблемы стабилизации своего центрального пространства, поспешно (по мнению авторов идеи¹) расширившегося на восток. На этом фоне стал нарастать конфликтный потенциал в отношениях Брюсселя с вишеградскими странами, пришло время смены элит в стержнеобразующих странах Евросоюза, появился прецедент выхода из европейской системы. Все это не могло остаться без последствий и попы-

¹ Например, нашумевшая статья одного из разработчиков идеи ЕС Жака Делора в журнале Альтернативные экономики: Alternatives Economiques. 2009. №81. URL: http://www.alternatives-economiques.fr/-l-europe-des-etats-n-est-pas-la-solution-_fr_art_838_43072.html

ток переосмысления происходящего. Юбилейные даты 2018 года разной величины явно способствуют этому.

Главная мысль, складывающаяся из предварительного анализа бурно развивающихся событий, заключается в том, что у региона Центральной Европы в намечающейся конфигурации появляется шанс. Очевидно, что она не хочет быть ни периферией, ни Европой второго сорта, что следует из последнего плана ЕС, озвученного в Брюсселе. Центральная Европа и ее организованный центр — Вишеградская четверка — совершенно очевидно встанут перед новым вызовом совмещения региональных, национальных интересов с прогрессом, достигнутым ими за полтора десятилетия на пути в западноевропейскую интеграцию. В недавнем докладе о проблемах конвергенции Вишеградской четверки и Европейского союза мы скрупулезно исследовали эту проблему согласования интересов «новых» и «старых» членов, связав достижение конвергенционной симметрии с истинными ожиданиями восточноевропейских стран от ЕС.¹ Попытки отстаивания национальных интересов в «государстве Европа» в Брюсселе зачастую переносятся на определенные политические течения, либо на конкретные личности центрально-европейских лидеров, и постепенно перерастает в общеевропейскую борьбу с ними.

Формирование нынешнего Вишеграда началось по всем законам общеевропейской интеграции — с закладывания основ общего рынка, единого экономического пространства, которое в дальнейшем позволило этим странам ускорить свое присоединение к большому Европейскому союзу. Затем это направление было дополнено поисками региональных закономерностей, позволяющих выделить вишеградский регион на пространстве большой Европы. Этим начали заниматься культурологи, исто-

¹ Вишеградская четверка в Европейском союзе: дилеммы конвергенции / ред. Л. Н. Шишелина. Доклады ИЕ РАН № 342. М., 2017.

рики, экономисты, политологи. Многие исследователи вишеградского регионального феномена придерживаются мнения, что одним из факторов, позволившем четырем странам оформиться в регион, стал общий опыт по выходу из коммунизма, т.е. опыт постсоциалистической трансформации.¹ Этот опыт совместился с общим глобализационным трендом, одной из особенностей которого в конце 1980 — начале 1990-х гг. стало стремление к преодолению границ.

Отметим, что сходство начавшихся на рубеже 1990-х гг. в Восточной Европе процессов, их взаимозависимость реально были настолько высоки, что оппозиционные политические движения, круглые столы и весь процесс — названный впоследствии «бархатными революциями» — в регионе возникали и приводили в действие механизмы перемен практически одновременно. К тому же, страны В4 сразу же объединились вокруг магистральной цели вступления в Европейский союз.

Как отмечает, например, Артур Волек из Польской академии наук² Вишеград в 1990-е гг. служил инструментом борьбы за Европу. Одновременно он утверждает, что в известном смысле вишеградское сотрудничество не укладывается в рамки теории регионализации. Прежде всего это касается отсутствия структуры, органов управления и вообще каких-либо определенных скреп. И тем не менее, несмотря на очевидные противоречия между его членами, В4 продолжает жить. Возможно навыкам неформальной консолидации усилий «четверку» научил опыт существования в жесткой тоталитарной системе. Одновременно, полная свобода и добровольность

¹ Šuška P. Regional trajectories and regional policies an V4: consequences of scalar restructuring of neoliberal globalization // Internal cohesion of the Visegrád Group [Ed. J. Marušiak] Publishing House of the Slovak Academy of Sciences. Bratislava. 2013. P. 35–47.

² Wolek A. Precipices beneath Summits? Visegrád cooperation seen from the middle policy levels // Internal cohesion of the Visegrád Group [Ed. J. Marušiak] Publishing House of the Slovak Academy of Sciences. Bratislava. 2013. P. 86–99.

участия может рассматриваться и как основной объединяющий механизм «четверки».

Если же говорить о конкретных результатах перемен, с которыми регион идет к юбилейным датам, то здесь следует отметить очевидные экономические успехи. Вишеградский регион за время трансформаций и спустя уже 10 лет членства в ЕС превратился в седьмую экономику Европы и 15-ю в мире с территорией 5,3 млн км² и населением 64,3 млн.¹

Однако среди российских аналитиков укоренилась точка зрения, что отличительной особенностью социально-экономических моделей стран Вишеградской Европы в результате их длительной адаптации к условиям рынка ЕС стала ориентация на внешние источники экономического роста, в результате чего произошла переориентация промышленного производства с внутреннего рынка на внешний. Этим можно объяснить высокий уровень открытости экономик и их вовлеченность в мировое хозяйство, интеграцию промышленного сектора стран данной группы в производственные звенья прежде всего европейских ТНК.² Как отмечает А. Габарта, формирование рыночных отношений в странах региона и процессы приватизации проходили более быстрыми темпами, чем формирование класса частных собственников. Поэтому современные бизнес элиты сформировались на основе находящихся у власти технократов, части интеллигентского сообщества и преуспевающих предпринимателей.³

В то время, как европейские экономисты делают акцент на том, что за годы адаптации и членства в ЕС вишеградский регион развивался темпами выше средних для переход-

¹ Štiblar F. Economic legitimacy of Visegrad Group // Internal cohesion of the Visegrad Group [Ed. J. Marušiak] Publishing House of the Slovak Academy of Sciences. Bratislava. 2013. P. 48–85.

² Габарта А. Социально-экономическая модель стран Центральной Европы // Современная Европа. № 7. 2017.

³ Вишеградская четверка в Европейском союзе: дилеммы конвергенции / ред. Л. Н. Шишелина. Доклады ИЕ РАН № 342. М., 2017.

ных стран,¹ российские исследователи углубляются в анализ природы этого явления. Так, А. Габарта приходит к выводу, что характерной чертой социально-экономической модели стран Вишеградской группы является подчинение экономического развития стран региона интересам ТНК.² В результате, в странах В4 сложился дуализм экономики, который заключается в существовании двух видов экономических агентов, представленных, с одной стороны, крупными предприятиями, находящимися в руках иностранных ТНК, а с другой стороны, низкопроизводительными отечественными предприятиями. Национальный капитал в странах Вишеградской Европы представлен преимущественно малыми и средними предприятиями.³

Таким образом, подтверждается тезис о том, что западные компании выиграли от расширения рынка ЕС на восток, в то время как национальные компании этого региона скорее проиграли. Этот процесс мы назвали «асимметричной конвергенцией».⁴ Фактически на начальном этапе происходила асимметричная конвергенция этих стран, их адаптация к стандартам и нормам Европейского союза. В процессе слияния с единым экономическим пространством ЕС в жертву была принесена существенная часть национальной специфики. С другой стороны, они получили финансовую поддержку ЕС, а также некоторые новые технологические разработки. К этому стоит еще добавить такие показатели, как снижение вовлеченности государства в экономику при одновременном повышении эффективности государственных инвестиций.

¹ Štiblar F. Economic legitimacy of Visegrad Group...

² Габарта А. Социально-экономическая модель стран Центральной Европы // Современная Европа. № 7. 2017.

³ Там же.

⁴ Шишелина Л.Н. Расширение Европейского союза на восток и интересы России. М.: Наука. 2006.

Франьо Штиблар¹ считает, что по этим важным показателям страны еще отстают от передовых стран ЕС, хотя в целом движутся в правильном направлении.

Как мы уже писали, за 25 лет Венгрия, Польша, Словакия и Чехия прошли путь преобразований отличный как от той Европы, к которой они стремились, так и от той, от которой уходили. Касательно происходящего в этих странах не совсем корректно ставить вопрос в плоскости, что они потеряли и что обрели. Они просто стали другими.² Очевидно, что этот переход на другую модель развития сопровождался неизбежной перегруппировкой показателей и факторов. Потому необходима принципиально новая шкала оценки результата.

Важным итогом, с которым они подходят к юбилеям, связанным с ЕС, является и рост самостоятельности региона, который выражается в том, что в процессе экономической перестройки и адаптации к нормам Евросоюза, но особенно, преодолевая кризис, страны региона параллельно начинают все больше полагаться на себя, на свой регион. С ростом удельного веса взаимных поставок растет резервная самостоятельности региона.³ В тоже время Словакия в 2010 г. вступила в зону евро, что несколько отстранило ее от финансовых проблем региона. Остальные вишеградские страны все еще сомневаются в целесообразности подобного шага, однако опыт согласования вопросов энергетической безопасности, экологичности производства, патентования авторства технических разработок и т. п. выводит страны на формирование единой политики по всё расширяющемуся кругу вопросов.

¹ Štiblar F. Economic legitimacy of Visegrad Group...

² Шишелина Л. Н. Вишеградская группа: четверть века по пути реформ // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. №4. С. 100–104.

³ Дрыночкин А. Экономические аспекты функционирования вишеградских стран в рамках ЕС // Вишеградская Европа. 2012. С. 91.

Новые логистические проекты (среди которых огромная роль принадлежит польской инициативе Междуморья, горячо поддержанной нынешней американской администрацией, но встреченная с настороженностью в Германии и ЕС), ориентированные на строительство новой сетевой инфраструктуры Север-Юг, также в итоге будут способствовать росту самостоятельности региона, так как помогут облегчить сообщение и между самими странами «четверки». Это также укрепит региональные связи, а далее, возможно, будет способствовать и обретению ими новой роли в ЕС.

Ценностные ориентиры, партийно-политическая система

Сегодня много говорится о т. н. «поправении» этих стран. На самом деле речь может идти о стремлении к балансу. Либерализм стал эффективным инструментом разрушения социалистической системы, но не был способен консолидировать разорванное пространство. Потому сегодня представительство этого спектра в парламентах стран неуклонно снижается до чисто символических показателей. В самом деле, за почти три десятилетия партийная система стран Вишеградской группы, а также ценностная система центральноевропейских обществ, пережили разительную эволюцию. Они прошли путь от разрушения однопартийной модели и довлеющего идеологического диктата к созданию многопартийных демократий; от весьма идеализированных представлений о европейских ценностях, на которые ориентировались оппозиционные силы бывшей Восточной Европы в 1980-е гг., к пониманию собственных демократических национальных интересов. Параллельный путь прошло и объединение вишеградских стран, которое стало более последовательным и решительным в отношениях с Брюсселем.

Однако проблема состоит в том, что сломав старую систему, страны региона устремились к членству в евроструктурах слишком быстро, не укрепив толком свои национальные институты управления. А когда относительная экономическая стабилизация и приход к власти консервативных сил, создали для этого возможности, то Брюссель стал рассматривать эти попытки как противоречащие общим европейским ценностям.

О том, как на самом деле ощущали себя в Евросоюзе граждане этих государств спустя пять и десять лет после вступления в ЕС, говорят исследования известного словацкого ученого Юрая Марушыяка.¹ Согласно проанализированным им данным, в вишеградских странах по-разному оценивали как необходимость, так и результаты смены экономической и политической системы, хотя за ту или иную степень изменений суммарно выступали свыше 80% респондентов. При этом наибольшее одобрение реформы получили в Чехии, а наименьшее — в Венгрии.² В то же время, лишь 19% чехов посчитали, что спустя 20 лет реформ и более 5 лет в ЕС можно считать, что демократизация страны прошла успешно и еще 44% в целом согласились, что «скорее успешно». В Польше этот показатель составил соответственно 18% и 44%, в Словакии 16% и 43%, в Венгрии — 2% и 26%. В начале 2010-х гг. 47% венгров признавали, что демократический эксперимент в их стране провалился, а 50% считали, что «до» было лучше.

Люди стремились «вернуться в Европу», а то, какой ценой это может быть достигнуто, осознали позже, когда пришлось признать неудачу на поле реальной демократизации, прово-

¹ Marušiak J. Visegrad Group — an unstable periphery of the European Union? // Internal cohesion of the Visegrad Group [Ed. J. Marušiak] Publishing House of the Slovak Academy of Sciences. Bratislava. 2013. P. 122–124.

² Ibid. P. 122, 124–125.

димой по дорожной карте ЕС. Это недовольство прежде всего обернулось против Брюсселя, который постепенно стал оказывать все больше давления на эти страны, стремясь воспрепятствовать тем реформам, которые не соответствовали либеральным ценностям.

Другой причиной для недовольства населения стало то, что по сравнению с Европой 15-ти, в этих странах значительно меньше средств выделялось на социальные нужды населения, отбрасывая их по этому показателю, а также по показателям занятости на периферию ЕС. То же относится к сферам образования, науки и культуры.

Не удивительно, что на этом фоне большой популярностью в странах стали пользоваться правоцентристские и неоконсервативные силы. Частично это была плата за ускоренную и беспринципную либерализацию начала 1990-х годов. В ряде стран либеральные партии вообще маргинализировались будучи не представлены вовсе — или представлены чрезвычайно малым числом — в парламентах. Как утверждает Марушьяк,¹ в странах региона из-за отсутствия прозрачности процесса приема решений и социальной разобщенности произошло отчуждение населения от политических элит, приведшее к усилению правых настроений.

Тем не менее, европейский выбор вишеградских стран в нынешних геоэкономических и геополитических условиях остается в пользу ЕС в силу его безальтернативности. К востоку от «четверки» — на Украине — возникло пространство нестабильности. Вокруг бывшего СНГ так и не сложилось действенной и эффективной новой интеграции. Поэтому ради собственного развития, даже несмотря на обостряющиеся противоречия, эти страны будут продолжать участвовать именно в западной интеграции. В итоге это может привести

¹ Marušiak J. Visegrad Group — an unstable periphery of the European Union...

к расширению представительства правоцентристских партий в парламенте ЕС уже на ближайших выборах. Это, в свою очередь, будет неуклонно трансформировать сам брюссельский союз, а ситуация в Европе какое-то время будет оставаться нестабильной, но не безнадежной. В конце концов, помимо пути «государство Европа» есть еще модель «Европы государств».

Чем могут быть полезны юбилеи? Или «магические восьмерки»

Европа и мир находятся сейчас перед важными событиями, осмыслению которых могут способствовать юбилеи 2018 года, ставшие символами эпохи решительных континентальных перемен, нового порядка, надежд, разочарований, а также предвестниками зарождения новых судьбоносных идей. События 1918, 1968 и 1988–1989, 1993 годов повлияли на судьбу государств, народов, альянсов, став своеобразными точками отсчета циклов осмысления и воплощения идей о возможности справедливых перемен и надежд на длительный мир и лучшее будущее. События 1938 года, связанные с молчанием Европы по поводу захвата нацистами центральноевропейских государств, выпадают из этого ряда, но преподносят важный урок европейской солидарности перед угрозами мирового масштаба.

Есть некая символика (а, может фатализм?) в том, что председателем Совета ЕС на время множественных юбилейных торжеств становится Вена, имеющая долгий исторический интеграционный опыт, особенно важный и поучительный для вишеградского региона, некогда составлявшего часть Австро-Венгерской империи. Может, это своеобразный знак и путевой указатель для переосмысления основ интеграции, который позволит ей продвигаться дальше?

К тому же сегодня окрепшие «новые члены» Евросоюза оказались одним из источников идей обновления всего ЕС. Невозможно в этой связи не вспомнить закон, выведенный нашим соотечественником Н. Я. Данилевским, о временной локализации явлений культуры с версией о том, что ядро больших многосоставных образований имеет тенденцию в кризисные времена перемещаться на периферию и, подхватив оттуда новые, идеи вновь возвращаться в центр.¹ Многие кажущиеся нам вполне разумными идеи, которые исходят из столиц В4 и ищут внимания в Брюсселе, приближают нас к выводу о том, что как только стабилизируется политический процесс в Германии, начнется серьезный этап реформирования трансъевропейской структуры. Вызовы обновления непременно востребуют осмысление опыта прошлого.

Помимо 25-летия ЕС, в 2018 г. нас ждет череда знаковых центральноевропейских событий. Попробуем перечислить те из них, которые повлияли не только на судьбу региона.

100-летие создания новых государств в Европе после завершения Первой мировой войны и распада крупнейших европейских империй. В 1918 г. на карте Европы появились новые государства — Чехословакия, Польша, Югославия, Эстония, Латвия, Литва и другие; изменились границы, началось практическое осуществление планов объединения Европы.

Нельзя не вспомнить и о том, что в основе этих событий лежал обнародованный в январе 1918 г план американского президента Вудро Вильсона. Следовательно, столетие прошло под знаком удержания этого рожденного за океаном европейского проекта «Палаты цивилизованной вселенной».² На самом деле проект, решая одни проблемы, создавал мно-

¹ Н. Я. Данилевский. Россия и Европа. Москва, Книга, 1991.

² Jacobs D. An American Conscience Woodrow Wilson's Search for World Peace. Harper&Row Publishers. 1973.

жество других. Никогда не бывавший до того в Центральной Европе «профессор-идеалист» Вильсон ориентировался преимущественно на советы центральноевропейских оппозиционных политиков, проживавших в то время в США, а то и попросту плохих советников.¹ Среди них был и созданный Т.Г. Масариком в эмиграции Чешско-Словацкий национальный совет, к осени 1918 г. после долгих колебаний признанный державами Антанты в качестве «союзного правительства *de facto*».² Однако не он выносил окончательные решения. Как пишет чешский политик Петр Питхарт, «Послевоенные рациональности создавались не только в соответствии с тем, где в итоге остановились фронты, хотя в основном это условие преобладало. Зачастую они создавались на основе идей или даже лозунгов».³

К нашему анализу относятся пункты 10, 11, 13 Плана, трактующие право бывших субъектов империй на автономию. Однако даже те нации, которые получили государственность и оказались в «территориальном выигрыше», не испытывали полного удовлетворения результатами, поскольку в Плане совершенно не была учтена почва, куда «вершители судеб» европейских народов высеивали свои «зерна справедливости». Как пишет в своем исследовании американский историк Дэвид Джейкобс, «Безусловно, карта Европы, созданная на Парижской мирной конференции, по большинству параметров более реалистично отражала национальные границы, нежели довоенная, однако в ней присутствовали и совершенно очевидные изъяны, как мир мог убедиться двадцать лет

¹ Pithart P. The foolish dream of a clean slate? A common past acting as both a burden and an inspiration. What to do with borders and with minorities? // Transregional versus national perspectives on contemporary Central European history. Studies on the Building of Nation-States and Their Cooperation in the 20th and 21st Century [Eds. Vit M., Baran M.M.]. Verlag Stuttgart. 2017. P. 25

² Шимов Я. Праздник, который всегда. День рождения Чехословакии и чешская национально-государственная мифология // Неприкосновенный запас. 2015. №2 (100).

³ Pithart P. The foolish dream of a clean slate? ...

спустя».¹ Все закончилось печально 80 лет назад, в 1938 г. Мюнхенским сговором, аншлюсом Австрии, разделом Чехословакии, началом Венских арбитражей, а затем и Второй мировой войной.

С расстояния времени очевидно, что план Вильсона подводил черту под эпохой европейских многонациональных империй и открывал дверь в новый век воплощения европейских объединительных планов, построения подобия самим США — Соединенных штатов Европы. Однако одновременно он открывал и опасный ящик Пандоры недовольств и региональной вражды. В межвоенный период европейские державы, увлеченные большим проектом Панъевропы отказались поддержать центральноевропейскую конфедерацию, основанную на планах Милана Годжи, Рихарда Николаса Куденхова-Калерги и других региональных политиков и мыслителей, заменив их своей системой Антант.

Дилемму поиска общих объединяющих ценностей и построения новой Центральной Европы, в данных условиях, как часть Европейского союза, европейцы решают уже не то что 100 лет: не одно столетие. На сегодняшний день наиболее эффективно в этом направлении продвигается как раз Вишеградская группа. Также наметилась тенденция к укреплению Центральноевропейской инициативы; встает на ноги Славковское взаимодействие Австрии, Словакии и Чехии; укрепляются связи В4 и балканских государств. Таким образом, можно констатировать, что тенденция к возобновлению взаимодействия народов бывшей центральноевропейской империи сохраняется. Значит, в этом есть определенная логика. Последние несколько лет, с приходом к власти в Польше партии Я. Качиньского, активно обсуждается проект Междуморья или Тримариума. Однако, будучи инте-

¹ Jacobs D. An American Conscience Woodrow Wilson's Search for World Peace. Harper&Row Publishers. 1973. P. 123.

ресной с точки зрения современного развития центрально-европейской логистики, в которой с советских времен отсутствуют вертикальные связи Север—Юг, она настораживает Центральную Европу, поскольку исходит от самой крупной страны региона — Польши, к тому же активно поддерживаемой в ее трансконтинентальных амбициях Вашингтоном.

Еще один важный юбилей ***100-летие образования в центре Европы Чехословакии*** — государства, которое многие историки считали и считают наиболее «демократичной демократией» первой половины столетия, предпринимавшей серьезные попытки реформирования той системы, в которой она прожила большую часть второй его половины.

Преодолев 100 лет, Чехословакия, а вот уже 25 лет как Чехия и Словакия, сберегли этот имидж и даже преумножили, приблизившись к ассоциации со Швейцарией относительно демократичности своей политической системы, стремления к мирному решению споров, минуя конфронтацию и жертвы. Даже развод чехов и словаков в 1992 г. и начало ими с 1 января 1993 г. раздельного существования воспринимается как пример мирного и конструктивного решения споров и сохранения добрых отношений на последующие годы.

Когда назревал конфликт на Украине, у многих были надежды на «бархатный развод» между востоком и западом этой страны. Однако, Чехия и Словакия расхотелись без перспективы присоединения куда-либо, т.е. не присоединяясь к какой-либо соседней нации. В случае Украины, раздел бросал вес на чашу соседнего государства — России, а возможность усиления РФ была неприемлемой как для самой Украины, так и для Запада. Хотя сама Россия вполне мирно, и даже без брекзитовских экономических требований возмещения разошлась с бывшими республиками в 1991 году. Таким образом, история анализируемого столетия дала важный

урок: государства могут делиться сколько угодно, но только не в пользу третьей стороны.

Следующее событие, юбилей которого приходится на 2018 год — это *50-летие Пражской весны*. После Второй мировой войны, помимо проблем, оставленных Первой, на страны Центральной Европы пришелся еще и всеобъемлющий социальный эксперимент.

Интеллектуальная и культурная элита этих стран почти однозначно не приняла новую систему, ставшую миникалькой советской. Без отказа от общих принципов социализма попытки ее реформирования завершались неудачно. В Москве не особенно хотели вникать в их суть, беспокоясь исключительно о единстве социалистического пространства. Восточноевропейские авторы сегодня практически единогласно выделяют факторы чужеродности, навязанности идеи регионального социалистического содружества.¹ Сложившаяся во второй половине XX в. москвacentричную советскую модель достаточно часто называют «неорганичной интеграцией».²

И хотя Пражской весне предшествовал печальный опыт венгерского восстания 1956 г., все же перед глазами был и опыт косыгинской реформы 1965 г., и особые отношения Л.И. Брежнева и А. Дубчека, следовательно, была надежда на то, что еще одна попытка реформы социализма возможна.

Требования творцов Пражской весны сводились в политической области — к демократизации самой Коммунистической партии Чехословакии (КПЧ), ликвидации идеологического диктата над политикой, возрождению партийного плюрализма. В первой половине 1968 г. стали стремительно возрождаться традиционные чешские партии, возникать дискуссионные клубы. Реформа началась и внутри КПЧ. На вос-

¹ Niederhauser E. Kelet-Europa története. Bp.: Historia-MTA. 2001. O. 276.

² Gazdag F. Az Európai Unió közös kül- és biztonságpolitikája. Bp.: Osiris. 2002. O. 43.

токе Словакии была восстановлена в правах греко-католическая церковь.¹

В области экономики замышлялось введение рыночных элементов, либерализация цен, ограничение центрального планирования в пользу самоуправления предприятий. И тем не менее, посягательств на социализм не было. В центре политической мобилизации была мысль о том, что общество можно сделать лучше.²

Были и требования национального плана. В случае Чехословакии — это было стремление словаков к полному равенству в составе федерации. Так в программном заявлении правительства от 24 апреля 1968 года говорилось, что оно считает своей «первоочередной задачей» урегулирование государственно-правовых отношений чехов и словаков.³ И действительно, даже несмотря на подавление реформы, требование федерализации получило свое развитие и завершилось спустя 25 лет окончательным распадом страны.

В это же время в Венгрии, испытавшей неудачу реформы 1956 г., в том же 1968 г. была предпринята попытка масштабной экономической реформы, имевшей схожие очертания, но касавшиеся исключительно экономических устоев социализма. *Венгерская реформа хозяйственного механизма*, по оценке западных экспертов, шла гораздо дальше аналогичных реформ в остальных восточноевропейских государствах и была воспринята на Западе как победа «технократов»

¹ Задорожник Э. Контуры нового формата государственности в документах чешского и словацкого протестных течений (1969–1989 гг.): общее и особенное // Инакомыслие в условиях «реального социализма». Поиски новой государственности. Конец 60-х — 80-е гг. XX в. М., 2014.

² Коровичина Н. Новая государственность в чешском общественном сознании до и после 1989 г. // Инакомыслие в условиях «реального социализма». Поиски новой государственности. Конец 60-х — 80-е гг. XX в. М., 2014.

³ Марьина В. Реабилитация Г. Гусака и возрождение идеи федерализации Чехословакии // Инакомыслие в условиях «реального социализма». Поиски новой государственности. Конец 60-х — 80-е гг. XX в. М., 2014

над «идеологами». Снижение роли центрального планирования, либерализация цен, поощрение инициативы субъектов производства и т. п. В стране создавалась многоукладная практически рыночная экономика, которая в начале 70-х гг. способствовала повышению жизненного уровня населения страны, а в 1990-х гг. значительно облегчила переход к рынку.¹

Если венгерская реформа последовательно воплощалась в жизнь, то чехословацкая в силу первоочередности политических и идеологических задач, была воспринята в Москве как угроза миру социализма и стала первым прецедентом задействования сил Организации Варшавского договора (ОВД) для подавления восстания в стране-участнице. События в Праге в августе 1968 г. встали в один ряд с событиями 1956 г. и в Польше 1980 г. Впоследствии они обрели символическое отождествление с сопротивлением системе, в которой отсутствовал плюрализм мнений, а руководящая роль принадлежала коммунистическим партиям. Они стали символами свободомыслия и сплоченности в борьбе с тоталитарной системой, одним из проявлений которого была и Хартия-77, объединившая диссидентские движения региона.

Эти события в свою очередь приблизили перестройку в самом СССР, а затем, волна «нового мышления» вернулась в центр Европы с горбачевской перестройкой, создав здесь атмосферу, в которой стали возможны куда более радикальные реформы, не до конца оцененные сегодня с точки зрения национальных интересов осуществивших их государств. Еще не доступны все архивные материалы, позволяющие сложить окончательную мозаику тех событий. Отдельные же разорванные утверждения вызывают порой неадекватную реакцию.

¹ Lóránt K. A gazdasági rendszerváltáshoz vezető út. Antológia Kiadó, Lakitelek. 2015.

Как пишет польский исследователь Петр Вандыч: «Прошлым можно очень легко манипулировать. Иногда это происходит непреднамеренно из-за выделения одних событий на фоне других. Однако, чаще, манипуляции носят преднамеренный характер из побуждений умиротворения, либо наоборот, смятения душ».¹ О том же уже сегодня пишет Ольга Дярфашова, касаясь такого явления переходных обществ как «политика памяти» (и предание забвению), «которая подчеркивает роль политики в формировании коллективной памяти, задействуя и возвышая особые исторические события и личности, в то же время отрицая другие, что приводит подчас к коллективной амнезии»².

25-летие раздельного существования Чехии и Словакии, которое выпадает на начало января 2018 г. можно представить и как следствие решений плана Вильсона. В эти дни уже ведутся жаркие дискуссии о том, насколько неизбежен был распад Чехословакии в 1992 году? Только ли невозможность лидеров договориться? Ведь и сегодня, и ранее чехи и словаки демонстрировали пример взаимного уважения и завидного добрососедства. Их попытка в 2015 г. создать региональное славковское сотрудничество с Австрией говорит о том, что как бы не развивалась судьба Вишеградской четверки, Чехия и Словакия всегда будут вместе. По этому поводу министр иностранных дел Чехии Карл Шварценберг сказал, что Чехия и Словакия — это самая счастливая разведенная пара, которую он когда-либо встречал.³ Думается, что еще появится немало исследований вопроса чехословац-

¹ Wandycz P. The Myths and Complexes of East Central Europe // The Polish Foreign Affairs Digest. 2001, № 1. P. 133.

² Gyárfašová O. Historical Consciousness in the Visegrád Four // Transregional versus national perspectives on contemporary Central European history. Studies on the Building of Nation-States and Their Cooperation in the 20th and 21st Century [Eds. Vít M., Baran M.M.] / Ibidem-Verlag Stuttgart. 2017. P. 75.

³ Ibid. P. 86.

кого «развода» и судеб этих двух государств в современной Европе.

В сослагательном наклонении всегда размышлять проще. Например, были ли шансы на сохранение единого пространства политически преобразованной Австро-Венгерской империи, имея в виду, прежде всего, ее территориальный и этнокультурный состав. Ведь планы центральноевропейской федерации рождались здесь и пополняли арсеналы политиков еще долгие и долгие годы, возродившись в завершающий период Второй мировой войны, а после — на гребне исторических европейских бархатных революций конца XX века. Автор уже писал,¹ что феномен Центральной Европы имеет обыкновение возрождаться на гребне кризисных моментов в европейской истории. Похоже сегодня перед нашими глазами разворачивается один из них. Как преодолет его Европа?

Перспективы на будущее

Безусловно многое будет зависеть от состояния уже образовавшихся структур. В том числе от того, станет ли Брекзит последним добровольным выходом из ЕС. От того, останутся ли члены Вишеградской четверки вместе, как ядро первой скорости в Центральной Европе.

Одним из факторов сохранения В4 на сегодня является наличие общих подходов в экономике, политике, ценностных ориентирах, единство взглядов на внешнюю политику.

Объединению внешнеполитических усилий способствует еще целый ряд геополитических факторов, среди которых выделяются:

¹ Шишелина Л. Н. Расширение Европейского союза на восток и интересы России. М.,: Наука. 2006.

— во-первых, необходимость объединения усилий по отражению реальных (а не мнимых типа российской угрозы) вызовов на границах В4. Прежде всего, это миграционная волна с южного направления и нестабильность в восточном соседстве (в первую очередь на Украине). Здесь важно сближение политики вишеградцев с Брюсселем, а также на восточном направлении — с теми государствами, с которыми можно конкретно обсуждать урегулирование ситуации в общем соседстве. Особую роль в процессе сближения внешнеполитических устремлений сыграло вовлечение этих стран Евросоюзом в разработку и формирование политики в отношении Восточной и Юго-Восточной Европы.¹ Собственно, кому как не этим странам, оказавшимся на юго-восточной периферии Евросоюза, решать вопросы соприкосновения со своими непосредственными соседями.

— во-вторых, это вопросы обеспечения стабильности энергопоставок, которая исчезла примерно с середины 2000-х гг., превратив эти государства из практически прямых получателей газа с востока и входных ворот для дальнейшего транзита российского газа в Европу, в зависимых от других направлений и мировой энергоборьбы конечных получателей жизненно важного продукта.

Если по первому вопросу можно наблюдать существенные различия в критериях и подходах, то по второму Венгрия, Польша, Словакия и Чехия практически достигли единства взглядов и действий.

В целом же регион сегодня представляет собой один из наиболее оживленных европейских перекрестков. Внимание к нему как части мирового сценария возобновилось после визита американского президента Дональда Трам-

¹ Wolek A. Precipices beneath Summits? Visegrad cooperation seen from the middle policy levels // Internal cohesion of the Visegrad Group [Ed. J. Marušiak] Publishing House of the Slovak Academy of Sciences. Bratislava. 2013. P. 86–99.

па летом 2017 г. в Варшаву. Китайцы в 2017–2018 гг. основали в Будапеште центр взаимодействия «16+1», который можно рассматривать как базу для распространения в регионе интересов крупнейшей азиатской державы. Участие России, несмотря на многократные, но не столь эффективные визиты в Будапешт, а в 2018 г. и в Австрию, президента России В.В. Путина, пока не могут составить конкуренцию этим проектам. Да и вряд ли смогут, пока нас разделяет нестабильность на Украине. Она положила конец большим российским логистическим проектам не только по транспортировке газа в Европу через вишеградский регион, но и заложенному проекту трансконтинентальной ширококолейной дороги до Дуная в центре Европы. Поэтому главной задачей здесь является поиск взаимоприемлемых решений для всей восточной Европы, куда географически входит и Россия.

Одно время планы реформирования Европейского союза объединяли Вишеградскую четверку и Великобританию. Однако они не последовали примеру Лондона на выход. Вступить в подобную дискуссию с Брюсселем им не позволяет пока ни состояние экономики, ни реальный политический вес, а главное — ситуация в регионе. Сегодня, тем не менее, вишеградцы нашли союзника в лице Австрии, также оппозиционно настроенной к многим решениям Еврокомиссии, и не на много раньше самих стран В4 вступившей в ЕС. Благоприятную почву для доведения своего видения разрешения сложной европейской ситуации до Брюсселя создает то обстоятельство, что во второй половине 2018 г. Вена председательствует в Совете ЕС. Союз с Австрией более традиционен для стран региона, нежели с Великобританией. К тому же с этой страной у стран В4 уже раньше сформировались разнообразные формы регионального сотрудничества. Таким образом, и с этой точки зрения для стран В4 наступает удачный период.

Lyubov Shishelina

VISEGRAD EUROPE IN THE VORTEX OF CHANGE

The passing 2018 year will be remembered for the further deepening of the EU crisis. In fact, this is not surprising: the larger world systems had been experiencing crises that occurred at about the same time intervals. Examples might be taken from the European history of the twentieth century — century of searching for solutions, their revision and endless reformations. The European world, based on 14 points of American President Wilson, has been crumbling and recovering for 100 years. Today, the European Union, having behind a quarter of a century of existence, is facing a serious claim for reform. Central Europe in this process has a significant role as a region that reminded the rest of Europe about its special place, status and character. The European anniversaries, that fall to the symbolic figure of «eight», contribute to a deep analysis of what is happening currently as well as allow us to predict the further development of the region.

*Максим Саморуков*¹

РОССИЯ-ВИШЕГРАД. КАК РАЗВИВАТЬ ОТНОШЕНИЯ В НОВОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Новая геополитическая реальность, сформировавшаяся в Европе после украинского кризиса 2014 года, не могла не повлиять на то, как выстраиваются отношения России с государствами Вишеградской группы. Взаимодействие между странами резко политизировалось, став частью глобальной конфронтации между Россией и Западом.

В результате степень контроля сторон над этими отношениями, их свобода маневра сильно снизились. И России, и Вишеградским странам стало намного труднее отделять практическое двустороннее сотрудничество от общих идеологических вопросов, а прагматический подход к взаимодействию начал все чаще уступать место склонности к пропагандистским жестам, которые предназначены не для диалога с противоположной стороной, а рассчитаны на внутреннюю или внешнюю аудиторию.

Представляется, что такое положение дел не отвечает интересам ни одной из сторон. Отношения России и Вишеграда обладают большим потенциалом и способны принести обеим сторонам немалые экономические и политические выгоды, а не просто служить объектом для пропагандистских манипуляций. Поэтому в интересах и России, и Вишеградской четверки следовало бы провести прагматическое оздоровление отношений, снизить их зависимость как от внешних обстоятельств, так и от внутривнутриполитической целесообразности.

¹ Саморуков Максим — зам. главного редактора Carnegie.ru, Московский центр Карнеги.

Единство Вишеграда

Для государств Вишеградской группы одно из главных препятствий для более динамичного развития отношений с Россией состоит в том, что эти страны очень ограниченно участвуют в формировании политики Евросоюза на российском направлении. Решения по ключевым вопросам взаимоотношений с Россией (например, о сроках и масштабах европейских санкций) оказываются делегированы на уровень Брюсселя, где влияние Вишеградских государств по-прежнему невелико.

В результате, ведущие страны ЕС (прежде всего Германия и Франция) имеют возможность выработать для себя тот формат отношений с Россией, который их устраивает, в то время как страны Вишеграда вынуждены подстраиваться под уже принятые решения, даже если они с ними не согласны — о чем некоторые из них не раз заявляли публично. И все это в ситуации, когда значение отношений с Россией, особенно в области энергетики, остается для всей Вишеградской группы гораздо выше, чем для большинства других стран ЕС.

Конечно, для Вишеградских стран было бы крайне неразумно пытаться саботировать общую внешнюю политику ЕС и бросать еще один вызов Брюсселю — особенно на чувствительном российском направлении. Они слишком глубоко интегрированы в европейскую экономику, а потенциальные выгоды от более тесного сотрудничества с Россией вряд ли способны компенсировать риски от прямого конфликта с Евросоюзом по российскому вопросу. Но в таких радикальных шагах нет никакой необходимости. Вишеградским странам ни к чему открывать новый фронт в их спорах с Брюсселем ради Москвы. Достаточно повысить свою роль в принятии ключевых внешнеполитических решений ЕС.

Вишеграду необходимо научиться конвертировать свою возросшую роль в европейской экономике в политическое

влияние в Брюсселе. Ведь за последние 15 лет их экономический вес в ЕС значительно вырос. Это уже не бедные депрессивные страны, с трудом выбирающиеся из-под руин плановой экономики, которые рады любой поддержке ЕС — особенно финансовой. За последние полтора десятилетия Вишеградская группа смогла значительно сократить свое отставание от Западной Европы и превратиться в один из главных центров экономической активности в ЕС.

Темпы роста вишеградских экономик уже много лет остаются выше среднеевропейских.¹ Многие другие макроэкономические показатели, типа бюджетного дефицита, уровня госдолга и безработицы, у них тоже значительно лучше, чем у большинства европейских государств. Несколько лет назад Вишеградская четверка стала крупнейшим внешнеторговым партнером лидера ЕС — Германии, обогнав Францию, США и Китай.² По своему совокупному экономическому и демографическому потенциалу Вишеград вполне может претендовать на роль одного из главных центров влияния в ЕС, наряду с Германией и Францией — особенно сейчас, когда Великобритания занята переговорами о выходе из Союза, а Южная Европа погрузилась в затяжной экономической и политической кризис.

Однако пока политическое влияние Вишеградской четверки в Евросоюзе явно отстает от её экономического значения. Главная причина этого отставания в том, что четверка очень редко демонстрирует способность отстаивать свои позиции в Европе единым фронтом. Польша, Чехия, Словакия и Венгрия представляют из себя на редкость однородную группу стран, схожих и исторически, и экономически, и культурно. Они занимают очень близкие позиции по большинству обще-

¹ Eurostat. National Accounts. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/web/national-accounts/data/main-tables>

² Foreign Trade. Ranking of Germany's Trading Partners in Foreign Trade — DeStatis Statistisches Bundesamt. URL: https://www.destatis.de/EN/FactsFigures/NationalEconomyEnvironment/ForeignTrade/Tables/OrderRankGermanyTradingPartners.pdf?__blob=publicationFile

европейских вопросов: от миграции и борьбы с изменениями климата до энергетики и структуры бюджета ЕС.

Казалось бы, такая близость открывает широкие возможности для объединения потенциалов и скоординированного отстаивания совпадающих интересов. Но на практике гораздо чаще происходит противоположное: Вишеградские страны доверяют друг другу меньше, чем Западной Европе, и легко готовы отказаться от поддержки своих партнеров по четверке, чтобы лишний раз не вызвать раздражения у ведущих стран ЕС. Пока государства Вишеградской группы скорее склонны не к взаимной поддержке, а к тому, чтобы использовать друг друга как выгодный фон, на котором можно выделиться и добиться для себя каких-то индивидуальных уступок.

Словакия, несмотря на все оговорки, согласилась принять сто беженцев по системе квот из Италии и Греции.¹ Чехия встала на сторону Франции в её споре с Польшей и Венгрией о социальных сборах с трудовых мигрантов внутри ЕС.² Венгрия отказала польскому руководству в символической поддержке во время выборов президента Евросовета.³ Можно найти немало примеров дефицита солидарности в Вишеградской четверке. И в ближайшее время их, скорее всего, станет еще больше. В Евросоюзе начнутся переговоры о новом семилетнем бюджете ЕС, где у государств Вишеграда очень похожие интересы, но надежды на выработку единой позиции четверки пока слабые.

¹ Na Slovensku sa momentálne nachádza deväť relokovaných osôb [В Словакию вскоре прибудет девять перемещенных лиц]. — SME — 31.07.2017. URL: <https://domov.sme.sk/c/20615803/slovensko-prislubilo-ze-prijme-dalsich-sestdesiat-novych-utecencov.html>

² Can France's Macron reform EU rules on 'posted workers'? [Может ли лидер Франции Макрон реформировать правила ЕС по внутриевропейским трудовым мигрантам] — France24 — 23.10.2017. URL: <http://www.france24.com/en/20171023-eu-luxembourg-french-president-emmanuel-macron-posted-workers-directive-reforms>

³ Orban tłumaczy, dlaczego nie dotrzymał obietnicy złożonej Kaczyńskiemu [Орбан объясняет, почему он не сдержал обещание, данное Качиньскому] — Dziennik.pl — 10.03.2017. URL: <http://wiadomosci.dziennik.pl/swiat/artykuly/544676,viktor-orban-donald-tusk-szczyt-ue-rada-europejska-jaroslaw-kaczynski-pis-rzad-beata-szydlo.html>

Такая ситуация не может не сказываться и на отношениях Вишеградских стран с Россией. Объективно вопросы экспорта в Россию, поставок российских энергоносителей, сотрудничества в области атомных технологий, совместных инфраструктурных проектов и правового режима для взаимных инвестиций для Вишеградской четверки значительно более чувствительны, чем для большинства других государств ЕС. Но украинский кризис привел к тому, что базовые принципы отношений Евросоюза с Россией стали определяться на уровне Брюсселя. И пока Вишеградские страны не добьются того, чтобы их голос слышали на общеевропейском уровне, в отношениях с Россией (и не только в них) они будут вынуждены подстраиваться под решения, принятые другими.

Образ России

России для развития сотрудничества с Вишеградом также было бы целесообразно задуматься о собственном международном позиционировании, о том, какую нишу она хочет занять в отношениях с Венгрией, Польшей, Словакией и Чехией. К сожалению, после украинского кризиса 2014 года и особенно после американских президентских выборов 2016 года Москва во многом оказалась заложником репутации глобального спойлера — чисто деструктивной силы, которая охотно и активно вмешивается в политическую жизнь других государств в стремлении посеять рознь, обострить внутренние проблемы и даже привести к власти более удобных для России лидеров.

Подобные обвинения сильно преувеличены, а порой совсем ни на чем не основаны, но невозможно игнорировать то, что трудная история отношений с Россией делает страны Вишеградской четверки особенно восприимчивыми к таким разговорам. Поэтому Москве будет очень трудно выстраивать сотрудничество с государствами Вишеграда до тех пор, пока

они видят в России не столько внешнего партнера, сколько внутреннюю угрозу.

Малейший намек на российское участие во внутренней политике Вишеградских стран воспринимается там чрезвычайно болезненно и на уровне политических элит, и обществом в целом. Поэтому Москве необходимо избавиться от иллюзии, что контакты с местными радикалами или пропагандистские усилия по формированию внутренней повестки в странах Вишеграда могут дать России какой-то реальный рычаг влияния на их внешнюю политику.

Такие шаги уже доказали свою контрпродуктивность. Вместо того, чтобы сделать идею сотрудничества с Россией более популярной и приемлемой для Вишеградских государств, они, наоборот, мобилизуют эти страны против Москвы. Любое сотрудничество с Россией становится токсичным, подается как предательство национальных интересов и самым активным образом используется во внутривнутриполитической борьбе.

Преувеличенные описания могущества России и степени её влияния на ситуацию в Вишеградских странах могут показаться лестными, но на деле это приводит к тому, что любые проблемы в регионе начинают объяснять злокозненным российским вмешательством. Причем этот подход стали широко применять как власти, так и оппозиция.

В Польше правящая партия «Право и справедливость» может обвинять оппозицию в том, что она вступила в сговор с Москвой и подстроила катастрофу президентского самолета под Смоленском в 2010 году. А оппозиция в ответ будет обвинять бывшего министра обороны и одного из лидеров «Права и справедливости» Антония Мацеревича в том, что он российский шпион и целенаправленно дискредитирует Польшу в евроатлантических структурах по заданию Москвы.¹ В Вен-

¹ Sekrety Macierewicza — Polityka — 11.10.2016. URL: <https://www.polityka.pl/tagodnikpolityka/kraj/1678806,1,tajemnicze-powiazania-ministra-obrony.read>

грии оппозиция уверяет, что власти закрывают Центрально-Европейский университет по указанию Путина,¹ а власти в свою очередь выдвигают обвинения в работе на российские спецслужбы против политиков оппозиционного «Йоббика».² Каждая из сторон при этом может преследовать собственные, очень разные интересы, но для всех именно Россия оказывается тем объектом, который удобнее всего представить как главный источник интриг и внутренних конфликтов. В итоге Россия превращается в глазах общества в абсолютное зло, а любое сотрудничество с ней приравнивается к предательству.

В такой ситуации работа над улучшением своего имиджа должна стать одним из приоритетов российской политики на вишеградском направлении. России необходимо избавляться от образа циничной и разрушительной силы, которая стремится сеять хаос ради хаоса. Нынешнему деструктивному образу страны нужно противопоставить что-нибудь конструктивное и созидательное.

В случае Вишеградских стран таким конструктивом могло бы стать позиционирование России как большого и плохо освоенного рынка для вишеградского экспорта, где конкуренция по-прежнему гораздо ниже, чем на западных рынках. Сейчас, когда многие экономики Западной Европы находятся в многолетнем застое, а в Восточной Европе нарастает разочарование в европейской интеграции, экономическое и деполитизированное предложение со стороны России могло бы быть очень востребованным у вишеградского бизнес-сообщества. А его благожелательная заинтересованность дала бы Москве несравнимо большие лоббистские возможности,

¹ Attack on Central European University is Part of an Ideological Struggle — Hungarian Spectrum — 4.04.2017. URL: <http://hungarianspectrum.org/2017/04/04/attack-on-central-european-university-is-part-of-an-ideological-struggle/>

² Hungary charges Jobbik MEP with spying on EU for Russia — Reuters — 6.12.2017. URL: <https://www.reuters.com/article/us-hungary-jobbik-prosecution/hungary-charges-jobbik-mep-with-spying-on-eu-for-russia-idUSKBN1E01CH>

чем контакты с местными радикалами и маргинальными про-российскими партиями.

Уход от пропаганды, геополитики и идеологии в сторону экономики и бизнеса мог бы серьезно оздоровить отношения России с Вишеградской четверкой. Вместо того чтобы обвинять эти страны в русофобии и полной зависимости от Вашингтона, Москва могла бы предложить им сотрудничество не как альтернативу, а как важное дополнение к их связям с евроатлантическими структурами. Дополнение, которое позволит им поддержать свой экспортный потенциал, диверсифицировать международные связи и усилить позиции в западных институтах. Тем более, что развитие сотрудничества с Вишеградом сулит примерно такие же выгоды и самой России: от новых экономических возможностей до снижения враждебности общеевропейских структур.

Maxim Samorukov

RUSSIA-VISEGRAD. HOW TO DEVELOP RELATIONS IN A NEW GEOPOLITICAL REALITY

The new standoff between Russia and the West, ushered in by the Ukraine crisis in 2014, has significantly altered Moscow's international contacts, and its relations with Visegrad Group (V4) are no exception. Russia's cooperation with V4 states has grown more politicized, vulnerable to propaganda manipulations and dependent on the overall relations between Moscow and Brussels. Still, both parties are capable to address the negative aspects of the process and enhance mutual interest. V4 states rather than undermine the EU's common foreign policy should coordinate their efforts so as to make the Group more visible on the European level and have greater impact on formulating the core principles of the EU relations with Russia. While Moscow should make away with its image of an international spoiler and meddler and offer V4 new opportunities for economic cooperation deprived of geopolitics and compliant with their engagement in Euro-Atlantic structures.

*Владимир Гандл*¹

ОТ НОРМАЛИЗАЦИИ ДО ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ: НЕРАВНОМЕРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ВИШЕГРАДСКИМИ СТРАНАМИ И ГЕРМАНИЕЙ

В основе внешней политики Германии после 1990 года в отношении Вишеградской группы (Польша, Чешская Республика, Словакия, Венгрия — далее В4) лежал интерес к обеспечению демократизации, модернизации и стабилизации восточных соседей — курса, который соответствовал немецкой политике безопасности, а также её экономическим интересам. Послевоенный опыт показал, что интересы Германии обеспечивались стабильностью и процветанием Европы, когда страна окружала себя благоприятной средой — демократическими государствами с прозрачным либеральным рынком.

Основные цели стран В4 были схожими: догнать Западную Европу в политическом и экономическом развитии, увеличивая, таким образом, свою безопасность и процветание; получить доступ к европейским инструментам принятия решений в сферах нормативно-правового, политического, экономического регулирования и обеспечения безопасности. Отношения с Германией стали важнейшей частью данного процесса.

Однако ряд проблем усложнил этот процесс. Очевидно, что большой дисбаланс между Германией и странами В4, а также между самими членами этой группы, ухудшил их отношения. Кроме того, различия в происходящих внутренних событиях и во внешней политике стран В4 ограничивают их согласованность и функционирование как группы; более того — сама ценность Вишеграда оказалась под вопросом как никогда прежде.

¹ Гандл Владимир — научный сотрудник Института международных исследований Факультета социальных наук Карлова университета.

Успех нормализации

Тем не менее, отношения Германии со странами В4 характеризуются в целом впечатляющими успехами вплоть до 2014 года. Их развитие можно обозначить как двойную нормализацию и многосторонность.

Примирение с прошлым стало первым аспектом процесса нормализации. Существовал большой дисбаланс в отношении восприятия исторического наследия в отдельных странах. Поляки и венгры (в отличие от чехов и словаков) традиционно воспринимались немцами как исторически сложившиеся нации. Чехов же часто рассматривали как «членов семьи», а не как суверенный народ. Восприятие Польши как жертвы нацистского террора неоспоримо в Германии, в то время как в отношении чешских земель это было менее очевидно. Кроме того, послевоенная высылка и переселение немцев (учитывая ее масштабы и характер) обременяют германо-польские и германо-чешские отношения. Но, самое главное, для чехов и поляков отношения с Германией (и немецкими национальными меньшинствами) всегда имели экзистенциальное значение; наблюдение за Германией и ее прошлым очень тесно связаны с «генетическим кодом» их национальной политики. В свою очередь такого никогда не наблюдалось с германской стороны; в Германии взаимные проблемы, берущие начало в прошлом, воспринимались в первую очередь, как моральные аспекты политики и в политической повестке дня рассматривались (по крайней мере, на федеральном уровне) как урегулированные.

Хотя на момент вступления в ЕС в 2004 году вопросы прошлого, казалось, были в значительной степени закрыты, некоторые чешские представители (в основном президент Вацлав Клаус до 2013 года), а недавно и польское руководство, предприняли попытку снова включить эту тематику в повест-

ку дня, подняв вопрос о возмещении ущерба. Сама Германия относилась к прошлому с осторожностью — за исключением некоторых отдельных субъектов с маргинальными взглядами (например, представители немецких организаций, депортированные и изгнанные из Польши и Чехословакии в 1945–1947 гг.) В результате прошлое в значительной степени исчезло из поля зрения — до той поры пока центральноевропейские страны вновь не подняли вопрос об этом.

Вторым аспектом нормализации является ее материальная и институциональная часть. Она предусматривает модернизацию (и институционализацию) взаимоотношений до уровня, соответствующего географической и культурной близости, а также технологической совместимости. Результатом стало развитие во многом деполитизированных, децентрализованных, горизонтальных отношений — нормализация двусторонних отношений, по примеру западной Европы.

Многосторонность в отношениях между Германией и В4 была достигнута главным образом за счет вступления в НАТО и ЕС. Обе организации стали не только новой платформой сотрудничества на многостороннем уровне. Помимо этого, процесс присоединения включал в себя значительное количество мероприятий по передаче политического опыта. Страны В4 должны были «загрузить» нормативные и институциональные структуры ЕС (и НАТО), имитируя таким образом не только «модель Европы», но и «модель Германии». Кроме того, совместное членство в НАТО и ЕС стало лучшим «способом укрепления доверия» для германо-польских и германо-чешских отношений. Кроме того, фактор многосторонности представляет собой наилучшую возможность сократить дисбаланс между Германией и странами В4. Восточное расширение некоторым образом снизило доминирующее присутствие Германии в регионе, поскольку другие государства-члены ЕС начали более активно взаимодействовать с Вишеградской

группой. Несомненно, Германия стала важнейшим экономическим партнером всех стран В4. Еще до антироссийских санкций торговля с Германией составляла 25% польского, 30% чешского, 20% словацкого и 25% венгерского внешне-торгового оборота.¹ В свою очередь страны В4 играли значительную роль в немецкой экономике еще до 2014 года. Польская доля в немецкой торговле (3,9%) была выше, чем доля России (3,8%), следом шла Чешская Республика (3,2%); Венгрия (1,9%) и Словакия (1,2%) также играли свою роль, наращивая положительные тенденции.²

Современное искажение динамики и проблемы

Однако после того, как основные цели — нормализация и многосторонность — были достигнуты, вновь возник вопрос о будущих отношениях между Германией и Центральной Европой. Различия в интересах (например, в сфере энергетической безопасности) и культуре между Германией и отдельными странами В4 (например, увеличение значимости национального государства) стали проявляться более отчетливо.

Несомненно ключевые вопросы развития ЕС — например, решение проблем еврокризиса, Европейская политика в области безопасности и обороны, недавний кризис с беженцами, — повлияли на уровень политического сотрудничества между Германией и странами В4 после расширения ЕС. Очевидно, что степень европеизации стран В4 должна оцениваться с большой дифференциацией. Недавние внутренние события в Польше и Венгрии вызывают беспокойство в равной степени как в ЕС, так и в Германии, а также в Чешской Республике и Словакии.

¹ Gawrich, Stepanow A. German Foreign Policy toward the Visegrad countries. DGAP Analyse, Berlin. 2014. P. 9.

² Gehöe-Dechant S. Der Deutsche Außenhandel im Jahre. 2014. P. 240.

В результате мы являемся свидетелями, с одной стороны, динамичного развития фактического сотрудничества и, с другой стороны, отсутствия согласованности в отношениях между Германией и В4. Более того, отношение Польши к Германии ухудшилось: Ярослав Качиньский утверждал, что канцлер Меркель стремится «восстановить имперскую власть Германии» и подчинить Польшу с помощью «стратегической оси с Москвой».

Хотя Германия и является, возможно, единственной глобализированной экономикой Европы, ей нужен сильный и функционирующий ЕС. Этот непреложный факт является целью Лиссабонского договора, но потенциал его использования, однако, по-прежнему ограничен. Самое главное, что кризис еврозоны подтолкнул Германию к тому, чтобы стать «вынужденным гегемоном» Европы.

До миграционного кризиса развитие ЕС делало страны В4 очень важными для Германии. После Лиссабона предполагалось создание коалиций стран-единомышленников для принятия коллективных решений. В ситуации разделения стран по линии «север—юг» ЕС немецкое руководство нуждается в поддержке со стороны группы северных стран. Страны В4 по большому счету разделяют немецкую либеральную экономическую культуру, основанную на сбалансированном бюджете, низкой инфляции и ориентированной на экспорт экономике.

Тем не менее, существовали и пределы сотрудничества: страны В4 всегда были дифференцированными, если говорить об углублении ЕС и Еврозоне (Словакия является единственным членом Еврозоны). Кроме того, они никогда не были едины в своем подходе ни к Германии, ни к США, ни к России. Сама Германия играла относительно малозаметную роль в военном и оборонном сотрудничестве вплоть до российско-украинского кризиса. Однако в наибольшей степени различия между Германией и странами В4 проявились

во время кризиса с беженцами: страны В4 прямо и открыто выступили против Германии.

Таким образом, мы являемся свидетелями ситуации, когда, с одной стороны, Германия и Вишеградские страны предрасположены к географическому, политическому, экономическому и культурному сотрудничеству. Поскольку доверительные отношения с другими европейскими странами традиционно представляли собой важный источник легитимности немецких политических действий и влияния Германии в рамках ЕС. С другой стороны, однако, наблюдается растущая дистанция прежде всего между Польшей, Венгрией и Германией.

Кроме того, никогда не было ясно, необходимо ли в двусторонних отношениях между Германией и В4 сотрудничество в региональных многосторонних мероприятиях. Вопрос о том, почему, как и с какой целью такое сотрудничество должно продвигаться вперед всегда был нерешенным и в последнее время практически исчерпан. Сама Германия (как и Европейская комиссия) никогда не отдавала предпочтение блоковому строительству ЕС. Такие группы могли бы внести разлад в игровое поле, необходимое для гибкого построения коалиций по различным проблемам.

Подводя итоги, можно сказать, что два фактора сыграли ключевую роль в нынешних отношениях между Германией и странами В4.

Во-первых, волатильный характер политики в государствах В4. Учитывая пределы национального консенсуса по европейской и внешней политике, отношения отдельных государств В4 с Германией меняется в зависимости от того, какая коалиция находится у власти.

Во-вторых, Германия и отдельные страны В4 часто реагировали по-разному на события в Европейском союзе, вызовы внешней безопасности и меняющуюся политику как США, так и России. Таким образом, в контексте евро-

пейской политики Германия часто воспринимала страны В4 со времени их вступления в ЕС как довольно «неловких партнеров», которые, однако, должны быть вовлечены в процесс. Тем не менее, сотрудничество не было интенсивным. А во время миграционного кризиса В4 (неожиданно действующая как группа) впервые оказалась в прямой конфронтации с Германией.

Министр иностранных дел Чехии Л. Заоралеk отметил необходимость «восстановить доверие и вновь сблизить Германию и Вишеград», а также «отвергнуть любые стремления позиционировать Вишеград как противовес Германии или ядру интеграции с ЕС».¹ Виктор Орбан приветствовал «окончание многосторонности» и объявил «эпоху двусторонности».² Политическое лидерство Ярослава Качиньского (партия «Право и Справедливость» — ПиС) превратило Польшу в оппонента Германии в ЕС, поскольку последняя стремится уравновесить Германию и ее «усилия, направленные на тотальную гегемонию в Европе».³ ПиС соглашается с Дональдом Трампом в том, что ЕС работает только в пользу Германии; компетенции ЕС должны быть сокращены, в то время как роль государств-членов — возрасти.⁴ Польская борьба с переизбранием Дональда Туска на пост председателя Европейского Совета была связана с жалобами на «Берлинский

¹ Rede des Außenministers Zaořalek an der Humboldtuniversitat, 15 June 2016. URL: http://www.mzv.cz/public/d8/fa/d8/1984500_1532102_Humboldt_Uni_Rede.docx, (дата доступа: 3 December 2016).

² Prime Minister's Orban Speech at the Lamfalussy Conference, 23 January 2017. URL: <http://www.kormany.hu/en/the-prime-minister/the-prime-minister-s-speeches/prime-minister-viktor-orban-s-speech-at-the-lamfalussy-conference>, (дата доступа: 10 February 2017).

³ Buras, P. Pariah No More, ECFR Commentary. URL: http://www.ecfr.eu/article/commentary_pariah_no_more_poland_weighs_its_options).

⁴ Eine Atom-Supermacht EU wurde ich begruen'. Jaroslaw Kaczynski's interview in Frankfurter Allgemeine Zeitung, 6 February 2017. URL: <http://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/polen-kaczynski-macht-werbung-fuer-angela-merkel-14859897.html> (дата доступа: 12 February 2017).

диктат».¹ По этому вопросу Варшава не была поддержана даже другими странами В4.

Пожалуй, самой большой проблемой здесь является растущий разрыв в культурных и ценностных предпочтениях: «консервативные революционеры» в Польше и Венгрии открыто отвергают вестернизацию своих стран.² Вдохновленный авторитаризмом, нелиберальной и централизованной политической системой, которыми восхищается Виктор Орбан, Ярослав Качиньский стремится создать «Будапешт в Варшаве».³ По мнению Гнездовского, обе страны кажутся ближе к российскому культурному консерватизму, чем к Германии.⁴

Отношение к России

Отношение к России было важным вопросом дифференциации отношений между Германией и Вишеградской группой задолго до российско-украинского кризиса.

Политика Германии основывалась на уверенности в том, что европейская безопасность не может быть гарантирована без России и что Россия не представляет никакой внешней угрозы, кроме возможности ее имплозии. Стремясь участвовать в российской модернизации, Берлин эффективно придерживался политики «Russia-first». Даже после грузинской войны 2008 года Россия по-прежнему воспринималась как государство, стремящееся к модернизации и участию в существующей после окончания Холодной войны между-

¹ Poland Says EU Is Under Berlin Diktat After Election of Tusk', The Guardian, 9 March 2017. URL: <https://guardian.ng/news/poland-says-eu-under-berlins-diktat-after-tusk-re-election/>

² Buras P. Op. cit.

³ Kucharczyk J., Fuksiewicz A. The Long Shadow of Kremlin. Polish Domestic Relations to the Russian/Ukrainian Conflict // J. Kucharczyk and G. Mesežnikov (eds.), Diverging Voices, Converging Policies: The Visegrad States' Reactions to the Russia-Ukraine Conflict. 2015. P. 107.

⁴ Gniazdowski M. Visegrad Group and Germany: Partnership of Convenience. Aspen Review Central Europe, 4. URL: <http://www.aspeninstitutece.org/en/article/4-2016-visegrad-group-and-germany-a-partnership-of-convenience/>, (дата доступа: 12.12.2016).

народной системе. Поэтому Германия предложила России «партнерство для модернизации».

Напротив, отношение стран В4 к России зачастую представляло собой лоскутное полотно в виде разнородных позиций, отражающих историческое разнообразие стран Восточного блока. Вишеградская группа в целом так и не выработала единой российской стратегии; приоритетом всегда было сохранение хотя бы некоторого уровня единства и сотрудничества внутри самой группы. В основном атлантисты в странах В4 отличались от германской позиции своим отношением к России. Они с подозрением и скептицизмом рассматривали немецкую стратегию включения России в процедуры совместного урегулирования европейской безопасности. Помимо атлантистов, внешняя политика и отношение к России играли сравнительно небольшую роль в странах В4. Их основной интерес представляет собой прагматическое сотрудничество и экономические выгоды. Виктор Орбан объявил о «партнерстве 21 века» с Россией после 2009 года во внешнеполитической доктрине «Открытие на Восток».⁵ Также он подписал в Москве первый контракт по Пакш II, направленный на расширение единственной венгерской АЭС, за несколько недель до того, как Крым перешёл к России.

После присоединения Крыма к России и российско-украинского кризиса, официальная позиция группы В4 во многом была схожа с позицией Германии. Учитывая заметную роль Польши в киевских переговорах в феврале 2014 г., группа В4 ощущала себя частью процесса. Однако Польша осталась в стороне от «Нормандского формата», после чего активность В4 снизилась. Группа превратилась из игрока в наблюдателя и разделилась (в том числе и на национальном уровне) по вопросу, касающемуся прямой военной поддержки Укра-

⁵ Rácz A. Multi-vectorialism Failing? The Russian Policy of Orbán Government // Russkij Vopros. № 1. 2015. P. 1.

ины. Более того, для трех стран В4 после кризиса с беженцами в 2015–2016 гг. значимость украинского кризиса постепенно ослабла. Однако, главным образом в оборонной сфере (как в НАТО, так и в ЕС), страны В4 следовали четкой многосторонней линии. Вишеград стал более сплоченным как группа, и постепенно появились новые возможности для сотрудничества и координации с Германией. Рамочное национальное соглашение между Германией и Чешской Республикой свидетельствует о новой динамике в военных отношениях.

Выводы

Германия и страны В4 достигли высокого уровня «стандарта ЕС» с точки зрения прагматичного, децентрализованного, горизонтального и деполитизированного сотрудничества во всех сферах социально-экономической жизни.

Политические отношения, однако, были дифференцированными и весьма неоднозначными. Между тем, нынешняя критическая ситуация в Европе является стимулом для сотрудничества по вопросам политической и многосторонней повестки дня («эффект Трампа», «Брекзит», российско-украинский конфликт).

Вне зависимости от давления внешних факторов, до тех пор, пока страны В4 не проведут более четкую границу между партийной политикой, а также краткосрочными экономическими выгодами и внешней политикой, пока они не разовьют более устойчивую внешнеполитическую линию, даже всеобщее признание растущей роли Германии не сможет привести к эффективной близости между ФРГ и В4 — ни как между отдельными странами, ни как группой в целом.

Vladimir Handl

FROM NORMALISATION TO DIFFERENTIATION: UNCOHERENT RELATIONS BETWEEN THE VISEGRÁD STATES AND GERMANY

The article deals with the development of relations between Germany and Visegrad Four (V4) countries after 1990. The author focuses on the key factors that contributed to the establishment of a pragmatic dialogue between these states. He notes that steps of parties were aimed at stabilizing the region after the beginning of the transformation processes in Central and Eastern Europe in the late 80s and early 90s. XX century. The first stage is described as «normalization» within the framework of which it was possible to resolve questions concerning the perception of peoples' common past. The second one was aimed to depoliticise, decentralize and establish horizontal bilateral relations, which led to its «multilateralism». However, the achievement of «normalization» and «multilateralism» in the context of eurocrisis and migration issues led to a «differentiation» of the relations between V4 and Germany. Author characterizes it as a clash of interests of the parties in the dynamic development of actual cooperation. In turn, long before the Russian-Ukrainian crisis an important aspect of «differentiation» was the attitude toward Russia, which is characterized by a wide palette of positions reflecting the historical diversity of countries.

*Иво Гопта*¹

РОЛЬ ВИШЕГРАДСКОЙ ГРУППЫ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ СЛОВАКИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Вишеградская группа, или так называемая Вишеградская четверка (далее — В4), представляющая собой неформальное региональное объединение четырех государств Восточно-Центральной Европы (Словакии, Чехии, Польши и Венгрии), является неотъемлемой составной частью регионального направления внешней политики Словакии.

С ретроспективной точки зрения непосредственное влияние на создание благоприятной среды для реализуемого в настоящий момент сотрудничества между Словакией и остальными государствами-членами Вишеградской группы оказали не только общая история, культура, близкое географическое расположение, но и одинаковые внешнеполитические приоритеты начала 90-х гг., направленные на «возвращение» в Европу. Речь идет о стремлении достижения поставленных целей и выполнения задач, которые были утверждены в совместной «Декларации о сотрудничестве Чешской и Словацкой Федеративной Республики, Республики Польша и Венгерской Республики на пути к европейской интеграции».² К таковым относятся:

- полная реституция государственной независимости, демократии и свободы;
- устранение всех существующих социальных, экономических и духовных аспектов тоталитарной системы;
- построение парламентской демократии, современного правового государства, уважение прав и свобод человека;

¹ Гопта Иво — аспирант Дипломатической академии МИД России по направлению «Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития».

² Данная декларация была подписана 15 февраля 1991 г. в венгерском городе Вишеград президентами В. Гавлом (Чешская и Словацкая Федеративная Республика), Й. Анталлом (Венгерская Республика), и Л. Валенсой (Республика Польша).

- создание современной рыночной экономики;
- полное вовлечение в европейскую политическую и экономическую систему, а также систему безопасности и законодательства.¹

В результате мирного разделения единого чехословацкого государства на два суверенных субъекта — Словакию и Чехию — 1 января 1993 г. Вишеградская тройка трансформировалась в Вишеградскую четверку.² Несмотря на официальные внешнеполитические намерения — сотрудничества и интеграции с европейскими и трансатлантическими структурами в сферах политики, экономики и безопасности, пришедшее к власти словацкое правительство во главе с В. Мечьяром уделяло гораздо больше внимания внутренней политике, прежде всего построению политической и экономической власти. Это негативно отразилось не только на восприятии Словакии международными партнерами,³ но и на качестве ее сотрудничества с государствами-членами В4, которое реализовывалось на протяжении 1993–1997 гг. в минимальной степени.⁴

Важной вехой во внешней политике Словакии оказался 1998 г., когда к власти пришло прозападно-ориентированное правительство во главе с М. Дзуриной. Новоизбранный премьер-министр сразу подверг критике представителей предыдущей исполнительной власти, в первую очередь В. Мечья-

¹ Deklarace o spolupráci České a Slovenské Federativní Republiky, Polské republiky a Maďarské republiky na cestě evropské integrace. URL: www.visegradgroup.eu/documents/visegrad-declarations/deklacz-110412, (дата обращения: 17.07.2018).

² Подробную информацию об эволюции Вишеградской группы см.: Вишеградская Европа: откуда и куда? Два десятилетия по пути реформ в Венгрии, Польше, Словакии и Чехии / Под ред. Л. Н. Шишлиной. М.: Весь мир, 2010.

³ В 1997 г. на саммитах НАТО в Мадриде и ЕС в Люксембурге, посвященных расширению НАТО и ЕС, Словакия не была включена в «список» кандидатов, претендующих на членство в этих структурах.

⁴ Nováková M. Analýza zahraniční politiky Slovenské republiky 1994–1998. URL: www.e-polis.cz/clanek/analiza-zahranicni-politiky-slovenske-republiky-1994-1998.html, (дата обращения: 17.07.2018).

ра, выдвигая обвинения в провале внешней политики государства, в том числе по вопросу интеграции государства в западные структуры, и взял на себя обязательство изменить данную ситуацию.¹

Прозападный внешнеполитический курс Словакии под руководством М. Дзуринды придал новый импульс и сотрудничеству Словакии с остальными государствами-членами Вишеградской группы. Уже в 1999 г. на саммите В4 в Братиславе Словакия участвовала в принятии стратегически важного документа — «Содержания Вишеградского сотрудничества», а спустя три года и «Приложения к Содержанию Вишеградского сотрудничества». Эти документы составили организационный фундамент для будущего сотрудничества на межправительственном уровне. В первом из них были определены не только конкретные области взаимного сотрудничества, но и уровни встреч политических представителей и экспертов, и интенсивность их проведения.² Второй документ ввел практику попеременного председательства в В4,³ а также рассматривал роль государства-председателя в двух измерениях — внутреннем и внешнем.⁴

Кроме того, в основополагающем документе — «Программном заявлении Правительства Словацкой Республики на период 2002–2006 гг.» — словацкое правительство декларировало, что Словакия «готова активно участвовать

¹ Programové vyhlásenie vlády Slovenskej republiky od 30. 10. 1998 do 15. 10. 2002. URL: www.vlada.gov.sk/data/files/981_programove-vyhlasenie-vlady-slovenskej-republiky-od-30-10-1998-do-15-10-2002.pdf, (дата обращения: 17.07.2018).

² Contents of Visegrad Cooperation 1999. URL: www.visegradgroup.eu/cooperation/contents-of-visegrad-110412, (дата обращения: 17.07.2018).

³ Во главе В4 всегда находится одно государство-председатель с действующим мандатом на один год. Принцип ротации осуществляется в соответствии со следующим порядком — Словакия, Чехия, Польша, Венгрия.

⁴ Annex to the Content of Visegrad Cooperation (2002). URL: www.visegradgroup.eu/cooperation/annex-to-the-content-of (дата обращения: 17.07.2018).

в эффективном и прагматичном функционировании Вишеградского сотрудничества»¹.

Принятая документальная база позволила Словакии и остальным государствам-членам В4 вывести взаимное сотрудничество и кооперацию на новый уровень. Основные цели первого десятилетия стран В4 были выполнены благодаря успешному осуществлению социально-экономических преобразований путем углубления регионального сотрудничества и интеграции государств-членов В4 в европейские и трансатлантические структуры, прежде всего в ЕС и НАТО.

В 2004 г. Словакия, являясь уже полноправным государством-членом ЕС и НАТО, совместно с остальными участниками В4 должна была решить вопрос дальнейшего существования В4, поскольку ее основные цели — трансформация и интеграция в европейские структуры — были достигнуты. 12 мая 2004 г. словацкий премьер-министр М. Дзуринда, а также его чешский, польский и венгерский коллеги приняли так называемую «Кромержижскую декларацию», в которой подчеркнули важность продолжения вишеградского сотрудничества в новых реалиях после вступления в ЕС и НАТО. В данном документе говорилось о том, что «сотрудничество стран Вишеградской группы будет по-прежнему сосредоточено на региональной деятельности и инициативах, направленных на укрепление самобытности региона Центральной Европы. В этом контексте их (Словакии, Чехии, Польши и Венгрии — Прим. автора) сотрудничество будет основываться на конкретных проектах и будет сохранять гибкий и открытый характер».² Речь, прежде всего, идет о пред-

¹ Programové vyhlásenie vlády Slovenskej republiky. November 2002. URL: www.vlada.gov.sk/data/files/980_programove-vyhlasenie-vlady-slovenskej-republiky--od-16-10-2002-do-04-07-2006-.pdf, (дата обращения: 17.07.2018).

² Declaration of Prime Ministers of the Czech Republic, the Republic of Hungary, the Republic of Poland and the Slovak Republic on cooperation of the Visegrad Group countries after their

метных областях сотрудничества на уровнях Вишеградской группы, ЕС, НАТО и других международных организаций.

Внешнеполитический курс Словакии, установленный в отношении В4, не изменился и после смены исполнительной власти в стране в 2006 г., когда словацкое правительство возглавил представитель лево-ориентированного крыла словацкой политической сцены, председатель победившей на выборах политической партии «Направление — Социальная демократия» Р. Фицо. Свидетельством этого является и следующий факт: в «Программном заявлении Правительства Словацкой Республики на период 2006–2010 гг.» указывалось, что «правительство будет развивать региональное сотрудничество прежде всего в рамках Вишеградской группы».¹ Кроме того, в данном документе также оговаривалось, что «правительство СР будет стремиться к тому, чтобы это объединение служило инструментом для развития совместно определенных интересов, в том числе в ЕС. Внимание сосредоточится на реализации региональных проектов в области инфраструктуры, энергетики, окружающей среды и культуры».²

Помимо этого, в период председательства Словакии в В4 с 1 июля 2006 г. по 30 июня 2007 г. ей удалось внести существенный вклад в развитие таких процессов, как:

- интенсификация встреч на политическом уровне, особенно на уровне глав внешнеполитических ведомств, с использованием европейских форумов;
- создание регулярной формы сотрудничества со странами Балтии;

accession to the European Union, 12 May 2004. URL: www.visegradgroup.eu/2004/declaration-of-prime, (дата обращения: 18.07.2018).

¹ Programové vyhlásenie vlády Slovenskej republiky. August 2006. URL: www.vlada.gov.sk/data/files/979_programove-vyhlasenie-vlady-slovenskej-republiky-od-04-07-2006-do-08-07-2010.pdf, (дата обращения: 18.07.2018).

² Ibid.

— содействие регулярному политическому, культурному и экономическому диалогу В4 с Японией;

— продвижение предложений В4 в европейскую политику относительно заявлений более высокого уровня, прежде всего в политических дискуссиях ЕС по ключевым европейским вопросам;

— принятие конкретных мер, направленных на укрепление Европейской политики добрососедства (англ. European Neighbourhood Policy), вступление стран В4 в Шенгенскую зону в первоначально установленные сроки, и отмену виз в США.¹

Достаточно конструктивная и плодотворная деятельность по отношению к В4 осуществлялась и последующим словацким правительством во главе с И. Радичовой, пришедшей на смену Р. Фицо. В «Программном заявлении Правительства Словацкой Республики на период 2010–2014 гг.» декларируется намерение активно содействовать стабильному развитию Центрально-Европейского региона на основе хороших отношений и регионального сотрудничества. Речь, прежде всего, шла о повышении уровня доверия и эффективности в деятельности В4, в использовании потенциала В4 для укрепления стабильности в регионе, повышении престижа и веса государств-членов В4 в ЕС.

Кроме того, в данном документе словацкое правительство обратило внимание и на расширенный формат В4+, в рамках которого внимание фокусировалось на укреплении сотрудничества по приоритетным секторальным вопросам (инфраструктура, энергетика, фонды) и на поддержке политики расширения ЕС.²

¹ Zhodnotenie slovenského predsedníctva V4 (1.7.2006–30.6.2007). URL: www.visegradgroup.eu/download.php?docID=293, (дата обращения: 18.07.2018).

² Programové vyhlásenie vlády Slovenskej republiky na obdobie rokov 2010–2014. URL: www.vlada.gov.sk/data/files/18_programove-vyhlasenie-2010.pdf (дата обращения: 18.07.2018).

Значимой вехой для словацкого правительства во главе с И. Радичовой стало председательство Словакии в В4 с 1 июля 2010 г. по 30 июня 2011 г., которое совпало с годовщинами 20-летия образования В4 и 10-летия со дня основания Международного Вишеградского фонда. Приоритетными задачами и целями словацкого председательства в В4 было следующее:

— активизация диалога в процессе поиска синергетического подхода к деятельности правительств в формате В4 для реализации намерений в рамках ЕС (прежде всего, в области энергетической и транспортной инфраструктуры, энергетической безопасности, политики сплочения, окружающей среды и укрепления конкурентоспособности), а также в более широком международном формате;

— продвижение общих ценностей стран В4, разделяющих геополитическое пространство, с целью стабилизации и углубления взаимного сотрудничества в области соседства, прежде всего, с западнобалканскими странами, государствами Восточного партнерства, имеющими интеграционные и реформенные амбиции;

— поддержка гражданского аспекта сотрудничества, укрепление гражданского комфорта и безопасности граждан государств-членов В4;

— культурный обмен и сохранение культурного наследия с обращением особого внимания на его разнообразие.¹

Бесспорно, значимым событием во время словацкого председательства в В4 стало проведение саммита премьер-министров государств-членов В4 15 февраля 2011 г. в Братиславе. На нем была принята «Братиславская декларация премьер-министров Чешской Республики, Венгерской Республики,

¹ Výročná správa o plnení programu predsedníctva Slovenskej republiky vo Vyšehradskej skupine/V4 (1. júl 2010–30. jún 2011). URL: www.visegradgroup.eu/download.php?docID=151, (дата обращения: 18.07.2018).

Республики Польша и Словацкой Республики по случаю 20-летия образования Вишеградской группы», где были продемонстрированы результаты деятельности В4 за весь период ее существования, а также определены ее основные задачи на будущее. Словакия совместно с Чехией, Польшей и Венгрией обязались «продолжать и развивать взаимное сотрудничество, целью которого являлось содействие созданию сильной, стабильной и демократической Европы и укрепление ее положения на мировой арене в интересах мира и устойчивого развития».¹

Таким образом, благодаря четко поставленным целям программы словацкого председательства в В4 в период 2010–2011 гг., которые отражали потребности и интересы региона и его граждан в контексте европейских и глобальных проблем и вызовов, а также благодаря соблюдению остальными государствами-членами В4 четырех основных принципов (непрерывности, последовательности, солидарности и осознанности), можно было наблюдать возрастающий уровень внешнеполитической значимости и уважения к В4 со стороны международных партнеров.

Спустя год после словацкого председательства в В4 правительство во главе с И. Радичовой было вынуждено досрочно сложить свои полномочия вследствие турбулентности внутривнутриполитической жизни страны. Должность новоизбранного премьер-министра СР после «двухлетнего перерыва» опять занял Р. Фицо. Несмотря на смену главы исполнительной власти, словацкая внешняя политика по отношению к В4 практически не изменилась. Об этом свидетельствует и «Программное заявление Правительства Словацкой Респу-

¹ Bratislavská deklarácia predsedov vlád Českej republiky, Maďarskej republiky, Poľskej republiky a Slovenskej republiky pri príležitosti 20. výročia vzniku Vyšehradskej skupiny. URL: archiv.vlada.gov.sk/old.uv/24396/bratislavska-deklaracia-predsedov-vlad-ceskej-republiky-madarskej-republiky-polskej-republiky-a-slovenskej-republiky-pri-prilezitosti-20-vyrocia-vzniku-vysehradskej-skupiny.html, (дата обращения: 18.07.2018).

блики на 2012–2016 гг.». В документе говорится, что «Словацкая Республика будет продолжать активно действовать в рамках группы В4, где основное внимание будет уделяться поиску тем, которые страны В4 могут совместно продвигать на почве Европейского Союза и других соответствующих площадках».¹

Важную роль в региональном направлении внешней политики Словакии сыграло ее председательство в В4 с 1 июля 2014 г. по 30 июня 2015 г., проходившее под девизом «Динамичный Вишеград в ЕС и мире». Основными приоритетами Словакии в рамках данного председательства являлись сохранение преемственности в вопросах энергетической безопасности, транспортной инфраструктуры, оборонного сотрудничества, внешней политики. Внимание также уделялось социальным вопросам, вопросам окружающей среды, цифровизации, инновации и поддержки начинающих компаний, или так называемых «стартапов».² За 12-месячный период словацкого председательства Министерство иностранных и европейских дел СР как главный руководитель и координатор председательства, совместно с остальными центральными органами государственного управления Словакии организовало и провело более 140 мероприятий разного уровня. Во время данного председательства Словакия оказала непосредственное содействие в принятии нескольких важных решений.³

Сегодня, через 27 лет после образования Вишеградской группы, Словакия воспринимает данное объединение не только как гарант региональной стабильности и добро-

¹ Programové vyhlásenie vlády Slovenskej republiky. Máj 2012. URL: www.vlada.gov.sk/data/files/2008_programove-vyhlasenie-vlady.pdf, (дата обращения: 19.07.2018).

² Program slovenského predsedníctva vo Vyšehradskej skupine V4 (2014–2015). URL: www.mosr.sk/data/files/3032_program_sk_v4_pres_sk.pdf, (дата обращения: 19.07.2018).

³ Словакия инициировала проект В4 «Roadshow» и «Сеть экспертов для Западных Балкан», создание рабочей группы «V4 Innovation Task Force»; было принято несколько важных документов: «План действий по сотрудничеству в области обороны», «Стратегия В4 для обучения и учений», «Техническое соглашение о создании Боевой группы В4» и др.

соседских отношений в Центрально-Европейском регионе, но и как эффективную и плодотворную региональную платформу, в рамках которой реализуется и продвигается сотрудничество и кооперация в области внешней и европейской политики, приграничного, межграничного и регионального развития, экономического и культурного сотрудничества, а также в сфере безопасности. Это подтверждается действующим стратегическим документом словацкого внешнеполитического ведомства — «Отчетом о выполнении задач внешней и европейской политики СР в 2017 г. и ее направленности на 2018 г.», согласно которому «В4 по-прежнему является одной из форм стратегического значения для создания коалиционного потенциала и продвижения интересов Словацкой Республики в Европе и мире».¹ Согласно Министерству иностранных и европейских дел СР, В4 «является ценностью, которую нужно культивировать для поиска точек проникновения, которые принесут результаты с добавленной стоимостью».²

Особое внимание при реализации сотрудничества в рамках В4 уделяется также актуальным вызовам и угрозам регионального и глобального характера, которые прямо или косвенно затрагивают национальные интересы государств-членов В4, в том числе Словакию. На сегодняшний момент к наиболее актуальным вопросам, которым Словакия уделяет пристальное внимание в рамках В4, можно отнести европейский миграционный кризис, политическую и экономическую интеграцию/дезинтеграцию ЕС, украинский конфликт и связанные с ним антироссийские санкции, а также вопросы энергетической безопасности и двойных стандартов в качестве товаров,

¹ Správa o plnení úloh zahraničnej a európskej politiky SR v roku 2017 a jej zameranie na rok 2018. URL: www.mzv.sk/documents/10182/2686701/2017+Spr%C3%A1+o+plnen%C3%AD+%C3%BAloh+zahrani%C4%8Dnej+a+eur%C3%B3pskej+politiky+SR+v+roku+2017+a+jej+zameranie+na+rok+2018, (дата обращения: 19.07.2018).

² Ibid.

поставляемых в страны В4. Данные предметные темы прямо или косвенно затрагиваются и сегодня, во время очередного словацкого председательства под девизом «Динамичный Вишеград для Европы». Согласно «Программе председательства Словацкой Республики в Вишеградской группе в период с 1 июля 2018 г. по 30 июня 2019 г.», целью данного председательства является: принести конкретные результаты на благо граждан стран В4 в трех приоритетных областях: сильная Европа, безопасная среда, интеллектуальные решения.¹

На основании выше изложенного можно заключить, что Вишеградская группа занимает важное и весомое место в региональном направлении внешней политики Словакии. Словакия, являющаяся государством-членом Вишеградской группы с момента обретения суверенитета и независимости,² уделяет на протяжении всего своего членства (за исключением периода правительств В. Мечьяра) данному региональному объединению существенное внимание, что официально подтверждают и основополагающие документы государственной деятельности словацкой исполнительной власти — программные заявления правительств Словацкой Республики, а также документы внешнеполитического ведомства Словакии. В4 является для Словакии не только одним из важнейших инструментов продвижения интересов словацкого государства в региональном измерении, но и эффективной и весьма ценной платформой прагматичного сотрудничества, направленного на развитие и процветание всего региона. В4 воспринимается Словакией как конструктивный и уважаемый игрок общего европейского пространства, который приносит свои собственные взгляды и решения в динамич-

¹ Program predsedníctva Slovenskej republiky vo Vyšehradskej skupine na obdobie 1. júl 2018–30. jún 2019. URL: www.mzv.sk/documents/10182/276214/Program+predsedn%C3%ADctva+Slovenskej+republiky+vo+Vy%C5%A1ehradskej+skupine, (дата обращения: 19.07.2018).

² До 1993 г. была Словакия представлена в В4 в лице Чехословакии.

но развивающийся мир. Именно происходящие трансформации в нем имеют и будут оказывать существенное влияние на качество и уровень отношений Словакии с остальными тремя государствами-членами В4, и следовательно, на будущее всей В4.

Ivo Hopta

THE ROLE OF VISEGRÁD GROUP IN SLOVAKIA FOREIGN POLICY AT THE PRESENT STAGE

This article is devoted to the analysis of the role of the Visegrad Group in the foreign policy of Slovakia. The main attention is paid to the implementation of foreign policy activities of specific Slovak governments in relation to this regional association, starting from the moment of gaining independence and the sovereignty of the state, up to the present time. In the context of the subject area, the author compared and analyzed the official documents of the Slovak executive power (primarily governments, as well as foreign ministries), containing the positions and views of Slovakia on the Visegrad group.

*Михаил Ведерников*¹

ВИШЕГРАДСКОЕ (ЦЕНТРАЛЬНОЕВРОПЕЙСКОЕ) ИЗМЕРЕНИЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ²

Взаимодействие Российской Федерации с Вишеградской четверкой (В4) не имеет четко выраженных форм сотрудничества. Вместо этого МИД РФ предпочитает выстраивать отношения с Центральной Европой, в рамках которой В4 является наиболее длительно функционирующей организацией и, по словам исследователя Л. Цабады,³ её структурирующим ядром, на основе двусторонних контактов со странами региона. Словацкий политолог Ю. Марушыяк отмечает, что российское внешнеполитическое ведомство не рассматривает Центральную Европу как особый регион. Доказательство этого он видит в том, что вопросы, касающиеся стран В4 — Венгрии, Польши, Словакии, Чехии, отданы в ведение Третьего департамента МИД РФ, который помимо прочего занимается делами, связанными с Австрией, Германией и Швейцарией.⁴ В свою очередь это приводит к тому, что проблематика В4 оказывается на периферийном положении, будучи заслонена объективно более важными для РФ европейскими странами.

¹ Ведерников Михаил — к. и. н., научный сотрудник Центра Вишеградских исследований Института Европы РАН.

² *Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта №17-07-00016 «Россия и Центральная Европа: проблемы и перспективы взаимоотношений в условиях мирового политического кризиса».*

³ Cabada L., Walsch C. *Od Dunajské federace k Visegradské skupině... a zpět. Tradiční a nové formáty středoevropské spolupráce.* Praha. 2017. S. 58–59.

⁴ Marušiak J. *Russia and the Visegrad group — more than a foreign policy issue.* 2015. URL: https://www.researchgate.net/publication/282653258_Russia_and_the_Visegrad_Group_-_more_than_a_foreign_policy_issue

Между тем, место Центральной Европы во внешнеполитической доктрине страны за 27 лет её постсоветского развития неизменно менялось.

Изначально в момент своего образования архитекторы вишеградского объединения были нацелены на как можно более комфортное вхождение сначала трех стран (после разделения Чехословакии — четырех), до этого находившихся в зоне советского влияния, в «семью западноевропейских народов». Провозглашенный в 1991 г. курс «на возвращение в Европу» не встретил тогда, ещё у советских дипломатов, резких возражений, поскольку трансформационные процессы, происходившие в Центральной Европе, полностью укладывались в логику горбачевского «нового политического мышления». Впрочем, обозначение сотрудниками МИДа нового образования в качестве «тройственного союза»¹ по аналогии с Тройственным союзом Германии, Австро-Венгрии и Италии накануне Первой мировой войны подтверждало понимание ими заложенного внутреннего смысла группировки, нацеленного на бесповоротный разрыв с Россией (в то время ещё СССР). События 1990-х гг. свидетельствовали о том, что в Вишеградской Европе происходило только одно магистральное движение, направленное на отдаление от условного тоталитарного Востока в сторону демократического Запада.

Однако российские дипломаты на тот момент осознавали важность сохранения влияния в этом регионе, его стратегическое значение. Так, в первой концепции внешней политики РФ (1993 г.) говорилось о необходимости предотвратить превращение Восточной Европы в «буферный пояс», изолирующий Россию от Запада. Также указывалось на недопустимость вытеснения России западными государствами из дан-

¹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 10026. Оп. 4. Д. 2790. Л. 125.

ного региона. Впрочем, для данного документа свойственна и наивность в оценке перспектив усиления влияния РФ. Авторы документа приводили следующие доводы: «Это вполне посильная задача, учитывая, что государства Восточной Европы, несмотря на их заметное и несколько искусственно акцентированное в последнее время политическое дистанцирование от России, экономически, а в значительной мере и в культурно-гуманитарном отношении, по-прежнему остаются ориентированными на Россию».¹ В свою очередь Л. Н. Шишелина отмечает, что часть концепции, отведенная Центральной Европе, на фоне отсутствия перспектив сотрудничества была «перегружена деталями» из-за пристального внимания российской политики к проблеме вывода войск из стран ОВД и хозяйственно-экономического размежевания с бывшими союзниками.²

Стоит отметить, что для российской дипломатии того времени было характерно обозначение стран В4, вышедших недавно из советской опеки термином «Восточная Европа»³ по аналогии с «восточным блоком», что не соответствовало их самовосприятию как особого центральноевропейского региона с историческими, институциональными, политическими особенностями развития. И. Кучерова в этой связи отмечает, что России было свойственно отрицать специфику этой части Европы ввиду того, что она воспринимала эту территорию в качестве своей постоянной зоны влияния. В то же

¹ Концепция внешней политики РФ (1992) // Внешняя политика и безопасность современной России (1991-2002). Т. 4. М., 2002. С. 35. URL: <http://window.edu.ru/resource/986/46986/files/mion-ino-center09.pdf>

² Шишелина Л. Н. Расширение Европейского союза на восток и интересы России. М., 2006. С. 245.

³ Обозначение стран региона (Беларуси, Болгарии, Венгрии, Молдавии, Словакии, Польши, Румынии, России, Украины, Чехии) термином «Восточная Европа» применяется ООН в соответствии с документом «Стандартные коды стран или районов для использования в статистике», разработанным Секретариатом ООН. Однако российские дипломаты это понятие расширили, включив в него также страны Балтии и Юго-Восточной Европы (Сербия, Хорватия, Словения, Герцеговину, Македонию).

время страны Запада наоборот поддерживали эмансипационные наклонности центральноевропейского общества в стремлении обозначить себя как самобытное образование, имеющее отличия как от Запада, так и от Востока.¹ Впрочем, среди российских дипломатов были и те, кто понимал особенность этих стран. Так, первый секретарь Посольства РФ в Чехословакии В. Яковлев писал о том, что при выстраивании отношений с Чехословакией необходимо было помнить о «многовековых связях чехов и словаков с немецкой и венгерской культурами, об их общем стремлении выделить себя в особый регион Центральной Европы».² Однако осознание геополитической важности региона не совпадало с практическими действиями, которые предпринимала (точнее — не предпринимала) Россия в это время. Это в свою очередь вело к стагнации межгосударственных отношений.

Важным промежуточным документом, в котором отразилось восприятие российской стороной произошедших изменений в странах Центральной Европы, стал доклад, подготовленный группой ученых на тему «Центральная и Восточная Европа и интересы России»³ по заказу Совета по внешней и оборонной политике. Прежде всего, необходимо отметить, что в документе было использовано более корректное обозначение региона — «Центральная и Восточная Европа (ЦВЕ)», которое авторы работы трактуют как «регион, лежащий между постсоветским пространством и государствами, традиционно относящимися к Западной Европе». Что касается самого текста, написанного в 1995 г. то его лейтмотивом служит фраза об «излишне преувеличенной самооценности региона». Что касается российских интересов, эксперты не испыты-

¹ Kučerova I. Střední Evropa: komparace vývoje středoevropských států. Praha. 2015. S. 9.

² ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 4. Д. 2790. Л. 194

³ Центральная и Восточная Европа и интересы России. Тезисы доклада. URL: http://www.svpov.ru/public/docs_1997_2_8_1351675386.pdf

вали иллюзий и говорили о «комичности» самой постановки вопроса о возможности восстановления прежнего уровня отношений со странами региона. Более того, надежды на возвращение былой роли Советского союза в ЦВЕ должны были остаться на долгие годы «искусительным соблазном, источником «фантомных болей» и нереалистичных подходов». Говорилось о невозможности конкурирования с ЕС, который становился главным центром политического и экономического тяготения этих стран. В вопросе о расширении НАТО эксперты указывали на отсутствие необходимости придавать чрезмерное значение «самому акту вступления в альянс стран ЦВЕ», поскольку это событие не поставило бы точку в истории их политических контактов с Россией. Они упрощенно рассуждали, что страны региона займут самостоятельную позицию по отношению к России, выбрав наиболее подходящий для них режим взаимодействия с восточным соседом. Перспективы расширения сотрудничества России и ЦВЕ связывались с усилением экономических связей, которые должны были быть ограждены от политизации. Таким образом, можно говорить о царивших в кругах специалистов пессимистичных ожиданиях относительно развития сотрудничества со странами региона, о продолжении неминуемого спада их интенсивности.

Нововведения в официальной позиции по отношению к странам В4 (к государствам ЦВЕ) отмечены в обновленной Концепции внешней политики РФ, которая была обнародована в 2000 г. В ней приняты во внимание изменения, произошедшие внутри этих стран, а также вступление трех из них¹ (за исключением Словакии) в НАТО. Если ранее говорилось

¹ В марте 1999 г. Венгрия, Польша, Чехия стали членами НАТО. Словакии не удалось стать участником четвертого расширения, ввиду нахождения у власти В. Мечиара (1994–1998), который проводил политику сближения с Россией и нарушал права венгерского меньшинства. Словакия вступила в НАТО в 2004 г.

о недопущении вытеснения России из «восточноевропейского региона», то теперь, когда это стало данностью, приходится ограничиваться задачей «сохранения наработанных человеческих, хозяйственных и культурных связей, преодоления имеющихся кризисных явлений и придания дополнительного импульса сотрудничеству в соответствии с новыми условиями и российскими интересами».¹ Конкретные вопросы, связанные с расширением ЕС, документ делегирует одобренной в 1999 г. Стратегии развития отношений РФ с Европейским союзом. Тем самым авторы Концепции устраняются как от оценки «геополитических последствий «восточного расширения», так и экспансии НАТО».²

В последующих трех Концепциях (2008, 2013, 2016 гг.) можно обозначить постепенное вымывание и последующее исчезновение центральноевропейской проблематики из официальной внешнеполитической доктрины РФ. Так, если в 2008 г. подчеркивалась открытость страны к «прагматичному, взаимоуважительному сотрудничеству» с государствами «Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы»³, то в 2013⁴ и 2016⁵ гг. подобные территориальные идентификационные атрибуты были полностью заменены обобщающим определением «другие страны». Трансформация подхода была вызвана, прежде всего, изменением статуса Венгрии, Польши, Словакии и Чехии, которые к тому времени стали полноправными членами Европейского союза и НАТО. Таким образом, российская сторона стала рассматривать

¹ Концепция внешней политики РФ (2000) // Внешняя политика и безопасность современной России (1991-2002). Т. 4. М., 2002. С. 118. URL: <http://window.edu.ru/resource/986/46986/files/mion-ino-center09.pdf>

² Шишелина Л. Н. Указ. соч. С. 246.

³ Концепция внешней политики РФ (2008). URL: <http://kremlin.ru/acts/news/78>

⁴ Концепция внешней политики РФ (2013). URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/asset_publisher/CptlCk6BZ29/content/id/122186

⁵ Концепция внешней политики РФ (2016). URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248

ранее выделяемую часть Европы в качестве составного элемента единого евроинтеграционного объединения.

Важно отметить, что исключение центрально- (восточно) европейской проблематики из повестки официальных документов шло параллельно с активизацией межгосударственных двусторонних отношений со странами В4, которые с конца 1990-х гг. «наполнились новой энергетикой, которая переломила тенденцию к разобщению»¹. Впрочем, за это время не удалось добиться их постоянства. Так, по словам Л. Н. Шишлиной они носили «во многом импровизационный, даже рефлексивный характер», ощущая на себе воздействие как внутренних политических и экономических обстоятельств, так и влияние большой мировой политики.²

Неустойчивость поступательного развития отношений России с вишеградскими странами обозначилась в ходе, начавшегося в 2013 г. политического кризиса на Украине, добровольного вхождения республики Крым и г. Севастополь в состав России и вооруженного конфликта на Донбассе. Предпосылки к этому были заложены ранее, когда в 2009 г. В4 встала во главе движения, нацеленного на реализацию программы Восточного партнерства³, получив тем самым возможность «впервые после Второй мировой войны независимо формировать политику в отношении целого региона».⁴ Неудивительно, что М. Коржан отмечает, что с 2009 г. В4 изменила свой оборонительный стиль политического поведения на наступательный, заявив об амбициях стать одним из ключевых факторов проекта европейской

¹ Вишеградская Европа: откуда и куда? /под ред. Л. Н. Шишлиной/. М., 2010. С. 445.

² Там же.

³ Восточное партнерство — инициированный ЕС проект в рамках Европейской политики соседства. Его целью является более тесное сотрудничество Союза с шестью государствами Восточной Европы и Кавказа (Беларусь, Украина, Молдавия, Грузия, Армения, Азербайджан).

⁴ Вишеградская четверка в Европейском союзе: дилеммы конвергенции /под ред. Л. Н. Шишлиной/. М., 2017. С. 115.

интеграции.¹ Т. Стражай указывает на три основные задекларированные в то время цели объединения: 1) поддержка восточного и юго-восточного направления расширения ЕС; 2) поддержка восточного направления Европейской политики соседства; 3) совместное координирование региональной энергетической политики.² В свою очередь это не могло не вызвать определенные возражения и «ревность» российского руководства, которое продолжало рассматривать страны «ближнего зарубежья» в качестве сферы своего влияния. Говоря о том, почему стал невозможен диалог между сторонами в столь важном вопросе, стоит отметить, что в условиях, когда официальная позиция группировки после событий на Украине стала явно не соответствовать интересам российского государства, а заявления глав этих стран — напротив — показали свою «инаковость»³ по отношению к общей позиции ЕС по отношению к РФ (прежде всего, вопрос о санкциях), то российская сторона предпочла развитие контактов со странами региона на двусторонней основе.

В дальнейшем затруднения для налаживания отношений в рамках формата РФ—В4 могут усилиться в связи с объявленным планом ЕС о его расширении на Балканах.⁴ Несмотря на то, что в последние два десятилетия роль России в этом

¹ Kořan M. The Visegrad group on the threshold of its decade. A Central European hub? // *Regional and international relations of Central Europe*. New York: Palgrave Macmillan. 2012. P. 208–209.

² Srtrážay T. Visegrad Four and the Western Balkans: a group perspective // *Polish quarterly of international affairs*. №21. P. 52–64.

³ Президент Чехии М. Земан говорил об отсутствии опасности со стороны РФ и призывал ЕС к сотрудничеству с ней; премьер-министр Словакии Р. Фицо (2016–2018) подчеркивал экономические выгоды для его страны от сотрудничества с Россией и пагубное влияние санкций на словацкую экономику; премьер-министр Венгрии В. Орбан отмечал необходимость большего участия «Востока», в том числе и России, в венгерской внешнеторговом обороте. Таким образом, можно согласиться с мнением экспертов, что для стран В4 национальные интересы важнее санкций ЕС, когда речь идет об ограничении торговли, в которой они хотят иметь свободу действий.

⁴ Саморуков М. Заедаю стресс. Зачем Брюссель объявил о новом расширении ЕС. URL: <https://carnegie.ru/commentary/75465>

регионе существенно уменьшилась, исторически этот регион считался зоной проникновения российского влияния. Даже если обратиться к последней Концепции внешней политики РФ, то там отмечается необходимость развивать «культурные и гуманитарные связи между славянскими народами». В этой связи российские власти, даже при отсутствии активных действий на полуострове, будут имманентно воспринимать любые активные действия того или иного субъекта мировой политики в регионе как попытку нанести урон российским интересам здесь.

Одновременно данный шаг Европейского союза создаст почву для актуализации и активизации деятельности В4 в этом направлении, которое, по мнению К. Вальша, может стать наиболее успешной главой её деятельности, поскольку накопленный опыт вишеградских стран, связанный с вступлением в ЕС будет полезен для балканского общества, которое до сегодняшнего дня не преодолело некоторые «порочные явления», присущие постсоциалистическим государствам (патернализм, национализм, непрозрачное управление государством, коррупция). Помимо прочего, работа в этом направлении способна придать новое дыхание сотрудничеству стран В4 в области энергетики, защиты окружающей среды, транспортной инфраструктуры, обороны и сфере безопасности. Л. Цабада пишет о том, что намечаемые мероприятия послужат средством новой «легитимизации объединения», поскольку вовлечение в решение конкретных проблем будет служить «способом обоснования и оправдания её существования».¹

Что касается возможностей установления прямого контакта между В4 и Россией, то его реализация усложняется также фактом отсутствия организационных структур объ-

¹ Cabada L., Walsch C. Od Dunajské federace... S. 159.

единения. В4 не имеет ни секретариата, ни штаб-квартиры, ни иных атрибутов, присущих международным организациям. Эта особенность, которая специалистами рассматривается как залог длительного существования объединения, затрудняет институциональное взаимодействие МИД РФ с ней. Данное обстоятельство в совокупности с озвученной позицией группы по ключевым вопросам, затрагивающим напрямую интересы РФ, создает сложно преодолимые препятствия на пути к сотрудничеству.

Между тем, двусторонние контакты между Россией и странами-участницами группы в виду существования различных позиций во внутривнутриполитическом дискурсе Венгрии, Словакии, Чехии и Польши имеют перспективу для дальнейшего развития и укрепления.

Mikhail Vedernikov

VISEGRAD (CENTRAL EUROPEAN) DIMENSION OF RUSSIAN FOREIGN POLICY

The article examines the contextual change in the official position of the Russian Ministry of Foreign Affairs to the Central Europe. Author determines region's place in the foreign policy doctrine of the Russian Federation since collapse of USSR till present day. For a more substantive consideration, Central Europe is limited to the Visegrad Group (Hungary, Poland, Slovakia, Czech Republic) countries, which presents the structuring core according to the experts' points of view. The author comes to the conclusion that this issue has gradually disappeared from the discourse of the foreign policy ministry due to the different political positioning of these countries — their accession to the EU and NATO. The article also discusses the possible difficulties in establishing further cooperation in the RF-V4 format, due to assistance of the Visegrad Four to the Balkan countries in their alleged accession to EU.

*Анатолий Бажан*¹

РОССИЯ И ВИШЕГРАДСКАЯ ГРУППА: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ОТНОШЕНИЙ²

Экономические отношения России со странами Вишеградской группы могли бы развиваться по нарастающей экспоненте, поскольку существуют базовые условия для такого развития. Среди этих условий следует отметить, во-первых, относительно быстро развивающуюся экономику региона. Польша, Чехия, Словакия и Венгрия имеют неплохие темпы роста, по сравнению со многими другими странами ЕС. На этой основе их валовой внутренний продукт на душу населения имеет тенденцию к росту и постепенно приближается к среднему по ЕС показателю. Об этом свидетельствуют данные ниже следующей таблицы.

Таблица 1. ВВП на душу населения отдельных стран по отношению к среднему ВВП на душу населения в ЕС (в %)

Годы	2004	2008	2012	2013	2014	2015	2016	2017
ЕС в целом	100	100	100	100	100	100	100	100
Франция	110	107	107	109	107	106	105	104
Швеция	126	127	127	125	124	124	124	122
Британия	119	109	107	107	109	108	108	105
Бельгия	121	116	121	120	120	119	118	117
Италия	110	107	102	99	97	96	96	96
Голландия	133	139	133	134	131	128	128	128
Чехия	78	84	83	84	86	87	88	89
Венгрия	61	62	65	67	68	68	67	68
Польша	50	55	67	67	68	69	69	70
Словакия	57	71	76	77	77	77	77	77

Источник: Евростат. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/>. Дата обращения: 28.06.2018.

¹ Бажан Анатолий Иванович — доктор экономических наук, главный научный сотрудник, руководитель Отдела экономических исследований Института Европы РАН.

² Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 17-07-00016 «Россия и Центральная Европа: проблемы и перспективы взаимоотношений в условиях мирового политического кризиса».

Хотя до сих пор страны Центральной Европы относят к периферии Евросоюза, цифры говорят о том, что они всё в большей степени ликвидируют отставание от развитых стран. С 2004 по 2017 г. ВВП на душу населения Чехии по отношению к среднерегиональному уровню возрос с 78 до 89%, Венгрии — с 61 до 68%, Польши — с 50 до 70%, Словакии — с 57 до 77%. В то же время такие высокоразвитые в экономическом плане государства, как Франция, Британия, Швеция, Бельгия, Италия, Голландия, всё более утрачивают своё преимущество: их ВВП по отношению к среднему уровню имеет понижающую тенденцию.

Более высокий экономический рост имеет ту привлекательную сторону для российского бизнеса, что он означает соответствующее расширение внутренних рынков стран группы. Хотя он обеспечивается, как я уже писал, главным образом за счёт иностранных инвестиций корпораций высокоразвитых стран Европы и США, и недостаточно связан с деятельностью отечественных компаний, всё же он означает возрастание внутреннего спроса за счёт увеличения платежной способности населения, потребностей в сырье, полуфабрикатах, энергии.¹ В результате, теоретически, российские предприятия (если бы не противодействующие, главным образом политические, обстоятельства) могли бы использовать в более полную силу открывающиеся здесь перспективы в плане увеличения поставок товаров и капиталов. В свою очередь обширный российский рынок, а также реализация с помощью государства в последние годы крупных инвестиционных проектов в России, а также наметившийся с 2017 г. экономический рост в нашей стране должны бы были стимулировать бизнесменов В4 к экспансии на российском рынке товаров и капиталов.

¹ См.: Бажан А.И. Экономическое взаимодействие России с Вишеградской группой в современных условиях // Современная Европа. 2017. № 7. С. 114–124.

Определённые позитивные изменения в 2017 г. по сравнению с кризисным для российской экономики периодом 2014–2016 гг. действительно произошли.

Таблица 2. Внешняя торговля Российской Федерации со странами Вишеградской группы в 2016–2017 гг. (в млн долл. США)¹

СТРАНЫ	2016 г.			Доля в обороте, %	2017 г.			Доля в обороте, %	ТЕМПЫ РОСТА, %		
	ОБОРОТ	ЭКСПОРТ	ИМПОРТ		ОБОРОТ	ЭКСПОРТ	ИМПОРТ		ОБОРОТ	ЭКСПОРТ	ИМПОРТ
ПОЛЬША	13 108	9 148	3 960	3,0	16 553	11 645	4 908	2,8	126,3	127,3	123,9
ЧЕХИЯ	5 458	2 692	2 766	1,2	7 385	3 963	3 422	1,3	135,3	147,2	123,7
СЛОВАКИЯ	4 163	2 497	1 666	0,9	5 262	3 253	2 009	0,9	126,4	130,3	120,6
ВЕНГРИЯ	4 312	2 650	1 662	0,9	5 376	3 285	2 091	0,9	124,7	124,0	125,8
ИТОГО ПО ГРУППЕ	27 041	16 987	10 054	6,0	34 576	22 146	12 430	5,9	127,9	130,4	123,6

Источник: Таможенная статистика внешней торговли.

Как показывают данные Таблицы 2, внешнеторговый оборот России с Вишеградской группой вырос в 2017 г. почти на 30%. Причём рост наблюдался в отношениях со всеми странами региона как по российскому экспорту, так и импорту. В то же время это возрастание не следует рассматривать как некое абсолютное продвижение вперёд, как некое качественное изменение в положительную сторону во взаимодействии экономик двух сторон. Ведь оно обусловлено всего лишь началом естественного восстановления внешнеторговых позиций, утраченных во время кризиса российской экономики в 2014–16 гг. До сих пор ещё не произошло полное возвращение к взаимодействию на уровне товарооборота, достигнутого в 2013 г.

¹ Показатели таблицы рассчитаны автором на основе данных Таможенной статистики Федеральной таможенной службы. См.: Внешняя торговля российской Федерации с отдельными странами. Таможенная статистика внешней торговли. URL: <http://stat.customs.ru/apex/f?p=201:7:4168839035090822::NO>. (дата обращения: 15.05.2018).

Падение товарооборота в кризисный период было обусловлено теми же факторами, которые породили кризис. Такими факторами были обвал мировых цен на энергоносители и введение санкций (главным образом финансового характера) против крупнейших российских банков и корпораций со стороны ведущих стран Запада. С одной стороны, обрушение цен на нефть и газ существенно сократило объём российского экспорта. С другой стороны, оно в сочетании с санкциями и уменьшением притока внешнего финансирования привело к падению курса российского рубля. Обвал курса в свою очередь вызвал соответствующее повышение внутренних цен и значительное снижение реальных доходов населения и предприятий России, что сократило внутренний спрос, в том числе на импорт из стран Вишеградской группы. В том же направлении действовали ответные российские меры на санкции (антисанкции), сократившие импорт сельхозпродукции из Евросоюза и Америки.

Лишь в 2017 г. появились признаки улучшения ситуации. Торговое взаимодействие начало выходить из кризиса. Основные предпосылки состояли в том, что, во-первых, мировые цены на нефть с 2016 г. стали подниматься, что положительно сказалось на курсе российского рубля и затормозило инфляционные тенденции: прирост потребительских цен в 2017 г. составил всего лишь 2,5%.¹ Во-вторых, произошла определённая адаптация к санкциям со стороны предпринимателей, занимающихся внешней торговлей, экспортом и импортом. Они научились развивать свой бизнес и в условиях санкционных ограничений. В результате (и по причине роста денежных номинальных доходов) стал расширяться спрос населе-

¹ По расчётам автора на основе данных доклада «Социально-экономическое положение России — 2018 г.». Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_01/Main.htm/ (дата обращения: 26.06.2018).

ния и корпораций на импортные товары как потребительского, так и производственного назначения.

Объективной предпосылкой развития торговых отношений России с Вишеградской группой могло бы быть также взаимное инвестирование капиталов, которое обычно провоцирует расширение объёмов взаимных поставок товаров. Однако инвестиционная составляющая отношений сторон находится сейчас на весьма низком уровне по сравнению с торговым обменом. По расчётам автора, на Вишеградскую группу приходится примерно 1% накопленных в нашей стране иностранных инвестиций, связанных своим происхождением с ЕС, тогда как её доля во внешнеторговом обороте России с Евросоюзом куда более высокая и составляет приблизительно 14%.¹ Такая же картина характерна для прямого инвестирования российского бизнеса в экономику В4. Его доля во всех прямых вложениях в страны ЕС ненамного превышает 1% и в основном относится к объектам, расположенным на территории Чехии.

Слабое инвестиционное взаимодействие обусловлено, на мой взгляд, не столько санкциями, сколько антироссийской пропагандой, откровенно ведущейся в местных СМИ, и принимающей в ряде случаев форму откровенной русофобии. Здесь в большей степени, нежели на Западе СМИ распространяют слухи о криминальном происхождении российских инвестиций, непрозрачности российских компаний, вкладывающих деньги в ЕС, коррумпированности российских властей, в сознание населения насаждают неприязнь ко всему русскому, внедряются фобии перед мнимой военной угрозой и т. д. Все это не может не сказываться отрицательно на настроениях бизнесменов из стран Вишеградской группы,

¹ Таможенная статистика России. Внешняя торговля Российской Федерации по основным странам и группам стран за январь — август 2017 года. URL: http://www.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=13858&Itemid=2095/ (дата обращения: 27.06.2018)

потенциально способных инвестировать средства в российскую экономику, и на деятельности местных властей, которые нередко ограничивают доступ инвесторам из России к реализации проектов на территории Центральной Европы.

Предвзятое отношение культивируется здесь прежде всего к российским энергетическим компаниям — наиболее конкурентоспособной в мировом масштабе части российского бизнеса (Газпром, Росатом, нефтяные частные и полугосударственные компании и др.). В Польше, например, власти не разрешили российские инвестиции в Гданьский нефтеперегонный завод и компанию «Лотос».¹

Настоящая информационная война развязана местными СМИ в Венгрии против проекта с участием Росатома (и в значительной части за счёт российских кредитов) по строительству двух дополнительных энергоблоков атомной электростанции «Пакш». Проект весьма выгоден для Венгрии, поскольку его реализация существенно пополнит энергобаланс страны дешёвой электроэнергией, часть которой может быть поставлена и на экспорт. И это вполне понимают венгерские власти, принявшие решение о его воплощении в жизнь. Тем не менее, не угасает критика со стороны противников проекта. Предлогом для критики служит тот факт, что построенная по российским технологиям станция покроет более 50% потребностей страны в электроэнергии, а значит Венгрия станет весьма зависимой от российских поставок топливных элементов и других материалов для обслуживания АЭС. В результате Россия якобы получает инструмент влияния на политику Венгрии.

¹ Лисякевич Р. Энергетический фактор в геоэкономических отношениях России и Польши // Россия и Центральная Европа в новых геополитических реальностях. Сборник статей участников XI международной научной конференции «Отношения Вишеградской четверки и Европейского союза с Россией», Москва, 1–2 декабря 2016 г. 2017. С. 189

К антироссийской пропаганде подключены не только журналисты, но и вроде бы вполне уважаемые научные организации. В частности, эксперты польского Центра Восточных Исследований (OSW) утверждают, что инвестиции из России в Польшу и вообще в Европе преследуют стратегические цели «укрепления международных позиций России», и «нейтрализация» стран или организаций, несущих потенциальную угрозу интересам России (пример — польские проекты Одесса-Броды-Гданьск, газ из Норвегии, газопровод OPAL).

Недостаток такой трактовки, на мой взгляд, состоит в том, что уважаемые эксперты путают цели и средства. Расширение инвестиций в ЕС, в частности, в развитие на его территории газотранспортной инфраструктуры и нефтепереработку, конечно, способствует укреплению международного положения России. Оно позволяет также увеличивать поставки энергоносителей и вытеснять конкурирующие более дорогостоящие проекты компаний других стран. Но этот результат — следствие реализации главной цели, которую преследуют российские инвесторы — обеспечить рост доходности, в том числе за счёт создания надежных систем экспортных поставок в Европу. Даже у государственных нефтегазовых компаний эта цель стоит на первом месте, ибо они сами должны заботиться о безубыточности и высокой рентабельности своей деятельности за границей.

Что касается российского государства, то оно, думаю, в равной мере заинтересовано в реализации как главной цели инвестирования энергетическими компаниями (ибо экспорт энергоносителей даёт 60% доходов российского федерального бюджета), так, конечно, и в укреплении своего положения в мире. Поэтому ничего экстраординарного нет в том, что оно, как отмечает польский исследователь Р. Лисякевич, «скорее всего, продвигает интересы своих энергетических

компаний, которые часто являются монополиями с государственным капиталом и одновременно выступают в качестве инструмента внешней политики».¹

Другой вопрос: что подразумевать под укреплением положения России в мире в результате развития торгового и инвестиционного взаимодействия со странами Европы? Критики проектов, осуществляемых российскими инвесторами проектов, полагают, что возрастает экономическая зависимость Европы от России. В известной мере это так. Но столь же зависимой становится и сама Россия от ЕС. Многомиллиардные российские вложения в энергетический сектор Европы могут пострадать в случае, скажем, проведения европейской политики сокращения поставок энергоносителей из России или аннулирования уже осуществляемых проектов по созданию объектов энергетической инфраструктуры.

Сказанное выше означает одно: экономические отношения между Россией и В4 не следует квалифицировать как одностороннюю привязку одной стороны к другой. Правильнее их рассматривать как отношения взаимозависимости и взаимовыгодности. Их дальнейшее развитие усиливает положение России в мире, поскольку снижает накал политического противостояния, и умеряет устремление тех мировых сил, которые хотели бы отодвинуть нашу страну на задворки мировой политики и экономики.

Anatoly Bazhan

RUSSIA AND VISEGRAD GROUP: ECONOMIC ASPECT OF RELATIONS

The article analyses modern economic relations of Russia with Visegrad countries, outlining recent growth of reciprocal trade due to oil price increase

¹ Лисякевич Р. Экономизация внешней политики России в свете современных теорий и польско-российские отношения // Современная Европа. 2017. № 7. С. 126.

and adaptation of foreign trade to sanctions. The author dwells on reasons for low mutual investments, blaming anti-Russian propaganda that forms negative perception of investing into Russia among businessmen in the Central Europe, and creates obstacles for free development of Russian business investment activity in Visegrad countries. The author questions the wide-spread opinion that investments of Russian companies into the EU energy infrastructure serve to form energy and political dependence of the EU from the decisions taken in Moscow. It is proved that such investments are mutually beneficial and the arising interdependence of economies positively affects the political situation in Europe.

*Рафаль Лисякевич*¹

ВОЗМОЖНОСТИ ЭНЕРГОДИАЛОГА В ОТНОШЕНИЯХ РОССИИ И ПОЛЬШИ В СВЕТЕ ЛИБЕРАЛЬНЫХ ТЕОРИЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТЭКОНОМИИ

Введение

В польско-российских отношениях наблюдается серьезная напряженность. Это особенно заметно в сфере энергетики. С точки зрения автора, самой важной проблемой является отсутствие доверия, особенно у польской стороны. Польша, которая находится в зависимости от поставок российского газа, хочет выстроить свою энергетическую независимость. Проблема также связана с различиями в идеях европейской интеграции и места ЦВЕ в международных отношениях с точки зрения Польши и России. Польша опасается, что, используя энергетический фактор, Россия имеет возможность противодействовать польским проектам, особенно при более тесной интеграции ЦВЕ или же при сотрудничестве региона с США.

В случае России эта зависимость не является столь однозначной. Государство, скорее всего, продвигает интересы своих энергетических компаний, которые часто являются монополиями с государственным капиталом, и одновременно выступают в качестве инструмента внешней политики. Президент РФ В.В. Путин, охарактеризовал значение «Газпрома», как «мощного рычага экономического и политического влияния России в мире».² Аналогичные заявления можно

¹ Лисякевич Рафаль — кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук Краковского экономического университета.

² В. Путин, Выступление на торжественном собрании, посвященном 10-летию ОАО «Газпром» — Президент России — 14.02.2003. URL: http://archive.kremlin.ru/appears/2003/02/14/2026_type63376type122346_29774.shtml, (дата доступа: 10.11.2010).

встретить в таких официальных документах, как «Энергетическая стратегия», где, в частности, говорится об укреплении экономического и политического влияния страны на международной арене за счёт её сильной позиции на мировых энергетических рынках.¹

Международная политэкономия и возможности анализа польско-российских энергетических отношений

Проблема связи между энергетическими и политическими факторами в отношениях Польши и России очень заметна. С точки зрения науки, однако важно уметь анализировать связи между энергетической и политической сферами. На помощь здесь приходит новая академическая дисциплина по международным отношениям — международная политэкономия (МПЭ) (International Political Economy). В первой половине 70-х гг. XX в. американские и британские ученые (Ричард Купер, Сьюзен Страндж, Роберт Кеохэйн, Джозеф Най) обратили внимание на ключевую роль международной экономической политики в формировании отношений между государствами.² Эти исследователи утверждали, что международные отношения представляют собой сложную взаимозависимость различных сфер жизни (политической, экономической, социальной)³. МПЭ расширила свой анализ международных отношений на новые негосударственные субъекты.⁴ К. Фред Бергстен, Роберт О. Кеохэйн и Джозеф С. Най, в частности, обращали внимание на то, что и политическая,

¹ *Энергетическая стратегия России на период до 2020 года* — Газпром — URL: <http://old.gazprom.ru/articles/article4951.shtml>, (дата доступа: 14.07.2009).

² Matera P. Związki polityki i ekonomii w badaniu stosunków międzynarodowych // *Przegląd Strategiczny* 2012. № 1. S. 220.

³ Moravcsik A., Milner H.V. *Power, Interdependence, and Nostate Actors in World Politics*, Princeton, N. J.: Princeton University Press. 2009. P. 249.

⁴ Олейнов А. Международная политэкономия: предмет и метод // *Мировая Экономика и Международные Отношения*. 2017. Том 61. № 2, С. 61.

и экономическая система в международных отношениях взаимно переплетаются и таким образом обретают функцию детерминанты. С одной стороны, экономическая политика зависит от политических расчетов. С другой стороны, политические действия должны учитывать экономические возможности.¹ Авторы, посвятившие себя изучению МПЭ подчеркивают, что в сфере такого рода исследований входит не только взаимодействие областей международных экономических отношений, международных политических отношений, но и внутренняя политика, а также экономика отдельных стран.²

Международная политэкономия выделяет три основные модели анализа:

а. Реалистический (меркантилизм). Здесь наиболее важными являются интересы государств и борьба за влияние. С этим подходом тесно связана геοэкономика, которая признает приоритет за использованием государством экономических инструментов.

б. Либеральный. Этот подход признает, что экономические цели являются более важными нежели политические. Либерализм основывается на сотрудничестве в международных отношениях.

с. Марксистский подход. Он подчеркивает неравный экономический статус государств на международной арене и влияние социальных сил на международный порядок.³

¹ Bergsten F.C., Keohane R.O., Nye J.S., International economic and international politics: a framework for analysis // F.C. Bergsten, L.B. Krause editors. World Politics and International Economics. The Brookings Institution, Washington, DC. 1975. P. 5.

² Kudrle R.T. Some Thoughts on International Political Economy in the Context of Public Policy Education // Michael Brecher, Frank P. Harvey eds. Conflict, Security, Foreign Policy, and International Political Economy: Past Paths and Future Directions in International Studies. Ann Arbor: University of Michigan Press. 2002. P. 227.

³ Halizak E. Międzynarodowa ekonomia polityczna — subdyscyplina nauki o stosunkach międzynarodowych // Stosunki Międzynarodowe. 2017. №1. Tom 53. S. 24–26.

Среди выделенных подходов, неолиберализм и неомарксизм основываются на экономических задачах и более близки международному сотрудничеству. С точки зрения марксизма и реализма, ЦВЕ является объектом влияния России и западных стран.

С либерализмом тесно связана теория комплексной взаимозависимости (**the Complex Interdependence Theory**), авторами которой являются Роберт О. Кеохэйн и Джозеф Най. Международная политика здесь предстает как «система многосторонних контактов между государствами, межправительственными и транснациональными образованиями с целью интеграции сообщества в одно целое». Эта теория заменяет свойственную реализму военную зависимость на экономическую или сырьевую.¹ Кеохэйн и Най в своих работах подчеркивали важность этого аспекта для польско-российских отношений. Они писали, что зависимости экономического, сырьевого или даже организационного характера связывают международное сообщество ограничивая роль структурных детерминант государственного поведения, которые могут привести правительства к конфликту. Это важный тезис, поскольку он указывает на то, что конфронтационные отношения (например, напряженность в отношениях между Россией и Западом, или между Польшей и Россией) могут быть последовательно заменены отношениями сотрудничества, которые предполагают «переменную геометрию выгод и потерь». Разумеется это может также быть проявлением утопичного мышления, поскольку взаимозависимость в глобальном масштабе может принимать форму асимметричной взаимозависимости, позволяющей установить гегемонию или господство, которые способны преобразовать «порядок»

¹ Łoś-Nowak T. Stosunki międzynarodowe. Teorie — systemy — uczestnicy. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego. 2000. S. 110.

в чрезмерно анархичную международную систему.¹ Последнее предположение важно для характеристики энергетических связей Польши и России. Оно показывает, что добрососедские отношения следует строить на основе равенства и взаимной выгоды. В противном случае, появляется напряженность. Энергетическая зависимость и отсутствие диверсификации энергетических связей Польши являются примерами такой ситуации. С точки зрения Кеохэйна, государства, как рациональные эгоисты, используя информацию о структуре системы и об окружающей ее среде, заинтересованы в сотрудничестве, видя в нем возможность расширения своей власти и могущества.²

Такие разработчики МПЭ как Роберт Болдуин и Дэвид А. Кей полагают, что международные экономические отношения не являются простой взаимозависимостью, как это трактуют сторонники либерализма. На самом деле экономические отношения представляют собой комбинацию трех основных подходов: статизм (меркантилизм), либерализм и влияние внутренних условий.³ Однако, весьма важно, чтобы международное сотрудничество (в частности энергетическая зависимость) не ограничивало возможности развития других государств экономически и политически. Без этого трудно строить современные добрососедские отношения. Сторонники теории взаимозависимости подчеркивают, что рынок не только имеет тенденцию деполитизировать экономические вопросы, но и в определенных условиях может приводить к расширению спектра решений, наращивать авто-

¹ Ibid. S. 110.

² Łoś-Nowak T. Nurty i paradygmaty w nauce o stosunkach międzynarodowych // Współczesne stosunki międzynarodowe, red. T. Łoś-Nowak. Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego. Wrocław. 2010. S. 41.

³ Baldwin R.E., Kay D.A. International trade and international relations // World Politics and International Economics. C. Fred Bergsten, Lawrence B.K. Krause eds. The Brookings Institution. Washington D.C. 1975. P. 130.

номность, укреплять положение данной экономики¹ и в конце концов способствовать улучшению отношений между государствами.

Однако препятствием для открытости Польши и России к взаимному сотрудничеству — что также подчеркивается МПЭ — являются опасения потерять контроль над экономикой и властью, попасть в своего рода неокOLONиальную зависимость. НеокOLONиальная зависимость — это ситуация, которая возникает, когда свободный рынок предоставляет преимущества более развитым экономикам, обладающим соответствующим капиталом, технологиями и опытом. Всё это может способствовать экономическому доминированию более развитых стран над слабо развитыми.²

Также пониманию сложности польско-российских отношений может способствовать теория гегемонистской стабильности (**The Hegemonic Stability Theory**). Эта идея встречается в двух версиях: реалистической версии Роберта Гилпина и неолиберальной Роберта Кеохэйна³. Как писал Эдвард Халижак, эта теория представляет собой исключительное значение, благодаря ее интегральному анализу силы, позиции и роли сверхдержавы в контексте экономических процессов и функционирования мировой экономики.⁴

Как полагал Роберт Кеохэйн, страна, чтобы считаться гегемоном в мировой политической экономии, должна иметь доступ к ключевым источникам сырья, контролировать основные источники капитала, располагать большим

¹ Ibid. P. 335

² Krause L.B., Nye J. Reflections on the economics and politics of institutional economic organizations // World Politics and International Economics. C. Fred Bergsten, L.B. K. Krause eds. The Brookings Institution. Washington D.C. 1975. P. 334–335.

³ Halizak E. Międzynarodowa ekonomia polityczna — subdyscyplina nauki o stosunkach międzynarodowych // Stosunki Międzynarodowe. 2017. № 1. T. 53. S. 30.

⁴ Halizak E. Ujęcie roli państwa w ekonomii politycznej stosunków międzynarodowych // Państwo w teorii i praktyce stosunków międzynarodowych, red. M. Sułek, J. Symonides, Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego. Warszawa. 2009. S. 32–33.

рынком для импорта, и иметь сравнительные преимущества в товарах с высокой добавленной стоимостью и т. д. Как видно, Кеохэйн подчеркивал значение экономических факторов.¹

Теория гегемонистской стабильности указывает на то, что зависимость может побуждать страны использовать взаимозависимость в международных отношениях в своих собственных интересах, чтобы строить систему международных отношений в соответствии с собственными потребностями. Поэтому правительство одной страны может стремиться контролировать международные экономические процессы в своих интересах. С другой стороны, государства могут быть уязвимыми от действий других стран в этой области.² Поэтому зависимость, как это наблюдаем в польско-российских отношениях, прежде всего в энергетической сфере, может привести к недоверию или конфликту.

Джонатан Киршнер выделил три основные причины, когда экономика становится источником конфликта:

1. *Изменения в относительном экономическом росте.* Когда из-за положения, баланса и привилегий в международной системе — по Гилпину — экономический рост ведет к изменениям в структуре системы. Это приводит к конфронтации для пересмотра статус-кво, которое обычно решается войной.

2. *Внутренние экономические изменения.* Они являются результатом внутреннего давления из-за экономического кризиса.

¹ Yazid N.M. The Theory of Hegemonic Stability, Hegemonic Power and International Political Economic Stability // Global Journal of Political Science and Administration. Vol. 3. №6. P. 71.

² Baldwin R.E., D.A. Kay. International trade and international relations // C.F. Bergsten, L.B. K. Krause eds. World Politics and International Economics. The Brookings Institution. Washington D.C. 1975. P. 334.

3. *Несовместимые национальные экономические стратегии*. Здесь следует помнить о различиях в моделях политических систем соответствующих стран.¹

С точки зрения автора этой статьи, чтобы избежать конфликта между Россией и Западом, и в то же время с Польшей, необходимо построить открытый, либеральный энергетический рынок, стремиться к диверсификации энергетических связей.

Либеральный энергетический рынок и диверсификация энергетических контактов стран ЦВЕ

Как показывает теория МПЭ, неравный статус стран в международной системе и зависимость, приводят к конфликту. Избежать этой напряженности способна система, в которой не будет подозрений в использовании зависимости других стран в политических целях. Что касается польско-российских энергетических отношений, то большинство проблем возникает здесь из-за зависимости Польши от поставок газа из России. Польская сторона подчеркивает, что эта зависимость может влиять на политические отношения между нашими странами. Однако Россия утверждает, что эти опасения не обоснованы, а российский газ для Польши является самым выгодным. Автор данной статьи не претендует на разрешение этого спора, однако используя выше указанную теорию МПЭ, выдвигает тезис о том, что если Польша займется выстраиванием своей энергетической независимости, то это может в долгосрочной перспективе привести к улучшению отношений с Россией. Этого можно достигнуть, например, за счет получения возможности диверсификации поставщиков газа (в частности, благодаря терминалу сжиженного газа

¹ Kirshner J. Political Economy in Security Studies after the Cold War // Review of International Political Economy. Vol. 5. № 1. 1998. P. 67.

в Свиноустье, или через межсистемные связи с другими странами Европы). Если Польша получит такие возможности, то исчезнет опасение политического давления посредством энергетики на Польшу со стороны России. В газовых отношениях между Польшей и Россией в таком случае главную роль будет играть уже экономический рационализм, а не политика. С точки зрения автора Польша тогда сможет покупать газ из России, даже через терминал сжиженного газа, потому что цена на российских газ в этом случае будет более выгодна Польше, а благодаря диверсификационным возможностям, у Польши исчезнут опасения политического давления. Уже на современном этапе все это будет способствовать построению хороших отношений.

Примером такого рода сотрудничества может служить сектор нефти. Польша, по сравнению с количеством приобретаемого газа, покупает у России намного больше нефти, однако вопрос импорта в Польшу российской нефти не вызывает таких эмоций, как зависимость Польши от импорта российского газа. Польша покупает в России свыше 90% нефти и 85% газа (данные за 2014 г.) объем импорта нефти — 22,140 млн тон, газа — 8,471 млн куб. м.¹ По ценам Польша платит в 4 раза больше за российскую нефть, чем за газ.² Все это происходит из-за того, что по сравнению с газовыми, уровень безопасности поставок нефти в Польшу намного больше. Даже если бы гипотетически поставки нефти в Польшу через нефтепровод «Дружба» из России были бы прерваны, Польша может покупать нефть через Гданьский нефтяной терминал. Что касается поставок газа, то подобного решения

¹ Polska 2015 — raport o stanie handlu zagranicznego, Ministerstwo Gospodarki. S. 87. URL: https://www.mr.gov.pl/media/15696/ROHZ2015_20150827_druk_ost.pdf

² Kublik A. Europa i Polska mocno uzależnione od gazu i ropy z Rosji. — wyborcza.biz — 24.03.2014. URL: http://wyborcza.biz/biznes/1,147744,15673381,Europa_i_Polska_mocno_uzaleznione_od_gazu_i_ropy_z.html

здесь пока нет, и Польша покупает газ только через российский газопровод Ямал—Европа.

Даже в свете теории гегемонистской стабильности, прежде всего в либеральной ее версии, не будет серьезных проблем для двусторонних отношений, если Польша будет пользоваться выбором энергетического партнера. Имея возможности, Польша будет сотрудничать с тем из партнеров, чьи условия будут более выгодны с экономической точки зрения. По мнению автора, вполне возможен сценарий, что это будет Россия. Это подтверждает тактика «Газпрома» на тех рынках, где он вынужден действовать в соответствии с международными стандартами. Критик политики Газпрома, Михаил Крутихин, выделяя три характеристики Газпрома (1. Газпром как политический инструмент, связанный с коррупцией и т. д.; 2. Газпром как синекура элиты, которая собралась вокруг В.В. Путина; 3. Газпром как современная глобальная фирма, которая обеспечивает поставки газа в Европу), обратил прежде всего внимание на Газпром, который может и существует как современная фирма.¹ Если «Газпром» будет функционировать как современная фирма, он будет способствовать развитию национальной экономики России. Он также будет способен конкурировать на мировых рынках без негативного имиджа. Активность Газпрома на разных рынках показывает, что он вполне может работать таким образом. Об этом свидетельствуют инвестиции данной фирмы в месторождения углеводородов в дальнем зарубежье, в таких странах как Вьетнам, Венесуэла, Алжир, Боливия, Ирак, Ливия.² Аналогично работает Газпромнефть, которая осуществляет инвестиции в нефтяную индустрию Сербии;

¹ Выступление М. Крутихина на Экономическом Форуме в Крынице в сентябре 2017 года.

² Газпром — Международные проекты. URL: <http://www.gazpromquestions.ru/international/>

в иракские месторождения Badra, Garmian, Shakal и Halabja; в венесуэльское предприятие Petro Miranda.¹

Открытость к конкуренции и построению открытого газового рынка в Европе может оказать положительное влияние на функционирование Газпрома. Газпром будет работать как современная компания, открытая к конкуренции и хорошо воспринимаемая. Это поможет в диверсификации энергетических партнеров России, будет способствовать осуществлению инвестиций в месторождения газа в других частях мира и открытости к международному сотрудничеству. Все это будет способствовать снятию обвинений о вмешательстве политики в энергетические вопросы и будет содействовать открытости западных партнеров к сотрудничеству с Россией. Как следствие Газпром в среднесрочной или долгосрочной перспективе может остаться партнером Польши.

Автор хочет подчеркнуть, что полная деполитизация энергетики невозможна, однако можно снизить уровень вмешательства политики в энергетические вопросы. Национальное государство является базовым институтом международных отношений и максимализация его благосостояния, является одной из основных целей международных отношений. В случае государственных компаний, участие политики неизбежно. Энергетика является примером этого и в России, и в Польше. В России государство стремится контролировать сырьевые ресурсы страны. В Польше государство также хочет иметь контрольный пакет в энергетическом секторе, из-за его серьезного влияния на безопасность страны. Практически всегда, когда речь идет о вопросах безопасности, можно наблюдать присутствие политики. Либеральный энергетический рынок и диверсификация поставок и поставщиков способны снизить эти опасения. Рынки не только

¹ Газпромнефть — Международные проекты. URL: <http://www.gazprom-neft.ru/company/business/exploration-and-production/international-projects/>

склонны деполитизировать вопросы, но при определенных условиях они могут оказаться даже важнее, чем организации (частные или общественные) в расширении диапазона выбора и, таким образом, способствовать повышению автономии и статуса государственных экономик.¹

Сценарий либерализации постепенно реализуется в отношениях Россия—ЦВЕ. Польша планирует покупать газ для своего терминала в Свиноустье из Катара. Но может оказаться, что это будет также и российский газ. В 2013 году Газпром открыл представительство в Дохе, столице Катара. Цели этого шага следующие: взаимодействие с государственными органами и нефтегазовыми концернами Катара и стран Персидского залива; координация деятельности дочерних компаний Газпрома на региональных энергетических рынках; закрепление Газпрома в Эмиратах и участие в совместных проектах по добыче и производству сжиженного природного газа.

Выводы

В заключение необходимо подчеркнуть, что вопреки либерализации, политизация энергетических вопросов является пока неизбежной. Однако систему взаимных отношений между Польшей и Россией можно построить на более открытых принципах. Либерализация энергетических отношений может способствовать оптимизации существования экономик наших стран и ликвидации части проблем в двусторонних отношениях. Построение либерального энергетического рынка может ограничить напряженность и в среднесрочной или долгосрочной перспективе в сотрудничестве Россия—

¹ Baldwin R.E., Kay David A. International trade and international relations // World Politics and International Economics C.F. Bergsten, L.B. K. Krause eds. The Brookings Institution. Washington D.C. 1975. P. 335.

Польша. Она может способствовать построению контактов на новых, открытых условиях. Это подтверждают изменения на энергетических рынках и тезисы теории Международной политической экономии.

Lisiakiewicz Rafal

OPPORTUNITIES OF ENERGY DIALOGUE IN POLISH-RUSSIAN RELATIONS IN LIGHT OF LIBERAL THEORIES OF INTERNATIONAL POLITICAL ECONOMY

The main purpose of the article is to show scientific possibilities of sub-discipline International Political Economy in explanation the complexity of Polish-Russian energy relations. The author states, that using some IPE's theories, we can try to resolve some problems in Polish-Russian energy dialogue. Such theories are first of all connected with the liberal paradigm in IPE, like the Complex Interdependence Theory or the Hegemonic Stability Theory.

*Игорь Юшков*¹

ЛИБЕРАЛИЗМ VS КЕЙНСИАНСТВО В ЭНЕРГЕТИКЕ. ЧТО ВЫБИРАЮТ РОССИЯ И ЗАПАДНЫЕ СТРАНЫ?

Энергетическое сотрудничество является крайне важным аспектом международного взаимодействия еще с начала XX в. Значимая роль нефтегазового фактора в мировой и региональной политике в последние десятилетия заметно усиливается. Это связано с одной стороны с дефицитным характером энергоресурсов, с другой стороны с возрастающей конкуренцией среди поставщиков, что в свою очередь определяется развитием инфраструктуры, делающей энерго рынки глобальными.

Политизация энергоресурсов и углеводородов в частности становится крайне актуальной проблемой. Причем долгое время в использовании энергоресурсов для продвижения своих интересов в политике обвиняли производителей (страны, на территории которых располагаются месторождения). Начало подобное отношение берет в 1973 г., когда ряд стран Ближнего Востока отказались поставлять нефть государствам, поддержавшим Израиль в ходе Войны Судного дня. Возникший дефицит нефти на мировом рынке породил фобию: производители нефти могут давить на потребителей по политическим вопросам, шантажируя «энергетическим голодом».

Аналогичные опасения сохраняются до настоящего дня и по отношению к России. Часто в СМИ и от различных политиков можно услышать слова о том, что Москва использует «энергетическое оружие», «нефтяную дубинку» и т. д.²

¹ Игорь Юшков — старший преподаватель Финансового университета при Правительстве РФ, ведущий аналитик Фонда национальной энергетической безопасности.

² Russia wields the energy weapon, Emma Simpson, BBC News. URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/4708256.stm>; Russian Energy Weapon in Europe. URL: <https://freedomhouse.org/blog/russian-energy-weapon-europe>

Последнее время подобные обвинения еще больше конкретизировались: политики и эксперты из структур ЕС, США, Польши, Украины и ряда других стран заявляют, что новые газопроводы из России в Европу, в частности «Северный поток-2» являются инструментом политики: «Это новое гибридное оружие, нацеленное на ЕС и НАТО. Это отравленная таблетка европейской безопасности, которая может иметь далеко идущие последствия», — заявил премьер-министр Польши Матеуш Моравецкий на заседании Парламентской ассамблеи НАТО в Варшаве в апреле 2018 г.¹

Критики России продвигают тезис о том, что зависимость от одного источника газа опасна, так как продавец сможет заставлять покупателя действовать в рамках его политики, угрожая перекрыть поставки. В качестве примера чаще всего приводится российско-украинский газовый конфликт 2009 г. Однако далее указания самого факта прекращения поставок «Газпромом» газа в украинскую газотранспортную систему в январе 2009 г. речь не заходит. Если же подробно рассмотреть этот «кейс», то окажется, что на 1 января 2009 г. коммерческие газовые компании «Газпром» и «Нафтогаз» не смогли подписать контракт на поставку газа (для Украины), поэтому с наступлением нового календарного года российский концерн стал подавать на украинскую территорию ровно такой объем газа, который на западной границе «Нафтогаз» должен был передать в газопроводы европейских стран, т. е. газ только для европейских клиентов «Газпрома». В итоге «Нафтогаз» стал отбирать из транзитных объемов газ для потребителей внутреннего рынка, что и привело к прекращению поставок, чтобы прекратить факт хищения. При этом Россия не выдвигает

¹ Analýza: Ruský plyn štěpí Unii. Ozývají se Poláci i Slovensko 29. května 2018. URL: https://ekonomika.idnes.cz/nord-stream-2-plyn-plynovod-usa-ukrajina-sankce-frg-/eko-zahranicni.aspx?c=A180529_404372_eko-zahranicni_rts

гала Украине политических требований. Спор касался исключительно экономических параметров сотрудничества.

Обвинения России в том, что она использует энергоресурсы и нефтегазовую инфраструктуру, в частности газопроводы, для давления на другие государства с целью достижения своих политических целей можно свести к тезису о том, что Россия руководствуется кейнсианской идеологией в своей внешнеэкономической политике. Предполагается, что Москва регулирует торговлю энергоресурсами, а значит, вмешивается в экономику, что допустимо с точки зрения кейнсианской теории. Сторонники данной позиции считают, что западные страны, наоборот выступают за деполитизацию энергетики и отсутствие вмешательства государств в экономическую среду.

В данной работе приведены аргументы показывающие, что на практике, России выгодны полная деполитизация энергетики и либерализация энергетических рынков. А западные страны, напротив, применяют промышленную политику, которая по факту является вмешательством государства в свободные экономические отношения на рынке энергоресурсов.

Стоит напомнить, что Россия и ранее СССР поставляет газ в Европу более 50 лет. Причем торговля происходила не только со странами социалистического лагеря (или поставки в республики СССР, которые сейчас являются независимыми государствами), но и клиентам за пределами сферы влияния советского руководства. В 2018 г. исполнится 50 лет с начала поставок газа в Австрию: первая подача сырья осуществилась 10 сентября 1968 г.¹ Характерно, что когда СССР договаривался о поставках газа в ФРГ, США активно препятствовали подписанию контракта «газ—трубы», что очень напоминает нынешнюю ситуацию вокруг «Северного пото-

¹ История крепкой дружбы. Газпром экспорт. URL: <http://www.gazpromexport.com/presscenter/press/2173/>

ка-2». С тех пор поставки российского (советского) газа идут без каких-либо сбоев. При этом ни СССР, ни РФ не ставили вопрос о прекращении поставок газа по политическим мотивам. В частности российское руководство не связывает вопрос поставок газа в Европу с санкциями со стороны ЕС после 2014 г. Также не прекращались поставки газа в Грузию во время российско-грузинской войны 2008 г. (объем поставки в 2008 г. — 0,5 млрд куб. м.).¹ Что само по себе указывает на принципиальное разделение российскими властями вопросов выполнения газовых контрактов и политического взаимодействия с другими государствами.

Тезис о приверженности России к позиции либерального рынка энергоресурсов основывается на высокой конкурентоспособности. Так как «Газпром» выигрывает конкуренцию на европейском рынке газа, он выступает против создания каких-либо искусственных преференций для кого-либо из участников. Ведь при единых правилах он может расширять свою долю на рынке.

Этот тезис подтверждается данными и доли «Газпрома» на европейском рынке газа и в структуре импорта газа в страны региона.

Присутствие ПАО «Газпром» на европейском рынке

	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Доля газа «Газпрома» в объеме потребления газа в Европе	26%	27%	25%	23%	27%	26%	30%	30%	31%	33%	34%
Доля газа «Газпрома» в объеме импорта газа в Европу	56%	58%	55%	50%	55%	56%	64%	66%	66%	66%	н. д.

Источник: ПАО «Газпром».²

¹ Ежеквартальный отчет ПАО «Газпром» I кв. 2009 г. с 67. URL: http://www.gazprom.ru/f/posts/28/135151/peri_2009.pdf

² Экспорт и повышение надежности поставок газа в Европу. Пресс-конференция 07 июня 2018 г. URL: [http://www.gazprom.ru/f/posts/86/062008/presentation_07062018_ru_\(2\).pdf](http://www.gazprom.ru/f/posts/86/062008/presentation_07062018_ru_(2).pdf)

Фактически ежегодно доля «Газпрома» на европейском рынке возрастает. Для этого есть несколько причин. Во-первых, собственная добыча в странах ЕС сокращается из-за естественного истощения месторождений, прежде всего в Северном море.

Источник: BP Statistical Review of World Energy June 2018.¹

Причем сокращение добычи постепенно нарастает. В 2018 г. власти Нидерландов приняли решение прекратить добычу на крупнейшем месторождении газа в Европе Гронинген, которое сейчас дает 21,6 млрд куб. газа в год. Добыча на данном шельфовом участке вызывает сильные землетрясения, поэтому производство к 2022 г. должно уменьшиться до 12 млрд и полностью остановлено к 2030 г.

Во-вторых, альтернативные поставщики трубопроводного газа в Европу не могут существенно нарастить поставки. К такой категории относятся Алжир (поставка в Европу в 2017 — 49,5 млрд куб. м.) и Норвегия (134,7 млрд куб. м.). В первом случае добыча газа находится на максимуме, а в ну-

¹ BP Statistical Review of World Energy June 2018. URL: <https://www.bp.com/en/global/corporate/energy-economics/statistical-review-of-world-energy.html>

треннее потребление постоянно возрастает, а экспорт снижается. При этом Алжир предпочитает сжижать газ и отправлять его на азиатские рынки, так как это приносит больше выгоды. Проблемы инвестиционного режима и риск проникновения терроризма из соседних страна отпугивают иностранные компании от алжирских проектов. А Норвегия сталкивается с проблемой истощения месторождений в Северном море, а себестоимость газа на месторождениях в Норвежском и Баренцевом морях относительно высока, что заставляет Equinor (бывшая Statoil) откладывать инвестиционные решения по новым проектам.

В-третьих, разница цен между европейским и азиатским рынками приводит к оттоку СПГ с рынка Европы.

Ценовой фактор позволил «Газпрому» последние три года наращивать объемы поставок газа в Европу, а в 2016 и 2017 гг. были поставлены исторические рекорды по данному показателю. Долгосрочные контракты «Газпрома» привязаны к стоимости нефти и нефтепродуктов. После падения цен на нефть в 2014–2015 гг. понизилась и стоимость российского газа.

	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Средняя цена реализации газа «Газпромом» в дальнее зарубежье, \$ за тыс. куб. м.	385,1	380,5	349,4	245,6	176	200,2
Среднегодовая цена нефти сорта Brent, \$ за баррель	111,67	108,66	98,95	52,39	43,73	64,19
Объем поставок газа	139,9	162,7	147,6	159,4	179,3	194,4

Источник: ПАО «Газпром». ¹

Низкие цены на газ в Европе сделали рынок региона еще более непривлекательным для поставщиков СПГ. Производители сжиженного газа предпочитают отправлять свой

¹ Справочник «Газпром в цифрах», 2013–2017. URL: <http://www.gazprom.ru/f/posts/57/287721/gazprom-in-figures-2013-2017-ru.pdf>

товар на азиатские рынки или в Южную Америку для получения большей прибыли.

Цены на природный газ (долл. США за тыс. куб. м.)

	Средняя цена по контрактам «Газпрома»	Средняя цена импорта газа в Японии	Средняя цена импорта газа в Корее
2012	385,1	588,0	530,7
2013	380,5	567,7	581,3
2014	349,4	573,3	486,5
2015	245,6	361,8	261,6
2016	176	243,6	200,9
2017	200,2	284,4	250,3

Источник: ПАО «Газпром», BP Statistical Review of World Energy June 2018

Объем импорта СПГ (млрд куб. м.)

	2012	2013	2014	2015	2016	2017
В Европу	69,3	51,5	52,1	55	56,4	65,7
В ЕС (28 стран)	58,2	43	42,5	46,3	44,9	Нет данных

Источник: BP Statistical Review of World Energy, Евростат.¹

В виде СПГ в Европу приходит около 13% импортируемого газа. Сжиженный газ не выдерживает конкуренции с российским трубопроводным газом, и при наличии альтернативных рынков сбыта направляется туда.

Подобное положение дел, когда «Газпром» наращивает свою долю на европейском рынке газа за счет экономической привлекательности для клиентов, западные страны стремятся вмешаться в ситуацию на рынке. Это происходит как на уровне органов управления Евросоюза, так и на уровне национального руководства отдельных стран.

¹ Eurostat. Imports — gas — annual data Last update: 01-06-2018. URL: <http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/submitViewTableAction.do>

В первом случае Брюссель продвигает тезис о необходимости диверсификации источников поставки газа, как залого энергетической безопасности. Ранее мы отмечали, что данный тезис основывается на необоснованной теории «презумпции виновности» крупного поставщика. Это убежденность западных стран в том, что крупный поставщик в определенный момент обязательно станет шантажировать покупателя энергоресурсов, заставляя его принимать выгодные политические решения.

Стратегия диверсификации источников поставки газа была воплощена в проекте создания «Энергетического союза ЕС». В соответствующем тексте указана одна из задач построения энергетического союза: «отойти от фрагментированной системы, характеризующейся несогласованной национальной политикой, рыночными барьерами и зонами энергетической изоляции».¹ Одно из требований новой энергетической политики ЕС является наличие у каждой страны-члена союза минимум трех источников поставки газа. Де факто данные правила являются элементом промышленной политики государства или наднациональной структуры, в случае с ЕС. А значит это и есть вмешательство государства в экономику.

Более того, руководство ЕС планирует контролировать каждый контракт на поставку газа, отказавшись от понятия коммерческой тайны и свободного рынка. В 2015 г. зампреда ЕК по Энергосоюзу ЕС Марош Шефчович рассказал, что регуляторы Евросоюза должны проверять не только межправсоглашения на поставку энергоресурсов, но и коммерческие контракты, в случае, если поставщик занимает более 40% данного рынка. Это правило направлено явно против «Газпрома». Так как другие поставщики имеют меньшую долю на рынке. В декабре 2016 г. Совет Европы заявил,

¹ European Commission. European Union Package COM. 25.02.2015. URL: http://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:1bd46c90-bdd4-11e4-bbe1-01aa75ed71a1.0001.03/DOC_1&format=PDF

что такие правила вступают в силу,¹ что означает государственное регулирование энергетического сектора.

Теоретически диверсификация источников поставки газа должна приводить к его удешевлению, так как поставщики станут конкурировать друг с другом за рынки сбыта и снижать цену. А потребители будут экономить. На практике создание инфраструктуры для приема СПГ не означает автоматического прибытия газозовозов с дешевым газом. Схема «СПГ терминал гарантирует дешевый газ» могла бы сработать в случае, если бы в мире не было бы межрегиональной конкуренции (если бы поставщик из любой страны получал бы одинаковую маржу от поставки на любой рынок: Европа, Азия, Америка), но это не так. В итоге строительство СПГ терминалов лишь повышает затраты стран импортеров, не принося впоследствии экономии.

Яркими примерами тому являются СПГ терминалы в Польше и Литве. Причем литовский «кейс» часто рассматривается с обратной точки зрения. Литовские политики заявляют, что после открытия СПГ терминала в стране, «Газпром» под влиянием конкуренции, понизил цены на российский газ. Концерн действительно снизил цены, но не из-за появления СПГ терминала, а перед этим, в связи с завершением конфликта о разделении Lietuvos dujos.

Литовская госкомпания Klaipėdos nafta арендовала плавучий регазификационный терминал у норвежской Høegh LNG до 2024 г. за 60 млн. евро в год. В дальнейшем терминал предполагается выкупить примерно за 120–160 млн. евро.

¹ Страны ЕС должны будут уведомлять ЕК о сделках по нефти и газу с не входящими в союз государствами // Коммерсант. 07.12.2016. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3164218?query=%D0%A8%D0%B5%D1%84%D1%87%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87>

Газовый баланс Литвы

	2014	2015	2016	2017
Потребление газа	2,4	2,4	2,1	2,2
Импорт из России	2,54	2,2	0,89	1,41
Импорт СПГ	0,15	0,44	1,4	1,16

Источник: ПАО «Газпром»,¹ BP Statistical Review of World Energy, GIIIGNL².

Спроса на СПГ в Литве не возникло. Поэтому единственный контракт со Statoil был подписан госкомпанией Litgas, т. е. фактически государство стало принуждать потребителей закупать более дорогой СПГ. Законодательно потребителей обязали закупать 25% потребляемого газа с СПГ терминала. Одно из крупнейших предприятий страны Achema в 2018 г. заявило о финансовых трудностях из-за обязательства покупать более дорогой газ.³

Еще один пример государственного вмешательства в экономику — СПГ терминал в Польше (Свиноуйсьце), открывшийся в октябре 2015 г. Инвестиции в строительство терминала мощностью 5 млрд куб. м. составили примерно 720 млн евро. Но при учете затрат на береговые сооружения и дноуглубительные работы эта сумма превышает 1 млрд евро.⁴ В 2009 г. госкомпания PGNiG подписала 20-летний контракт с QatarGas на поставку 1 млн т. СПГ в год. По данным Thomson Reuters, на момент подписания договора стоимость катарского СПГ составила \$738 за тыс. кубометров (\$20,5 за млн БТЕ), против \$400 при покупке

¹ Ежеквартальные отчеты за IV кв. 2014, 2015, 2016, 2017 гг. ПАО «Газпром». URL: <http://www.gazprom.ru/investors/disclosure/reports/2014/>

² GIIIGNL. Publications. URL: <https://giignl.org/publications>

³ Achema столкнулась с серьезными трудностями. URL: <https://ru.delfi.lt/news/economy/achema-stolknulas-s-sereznyimi-trudnostyami.d?id=77187635>

⁴ Новый СПГ-терминал поможет Польше снизить зависимость от России // Deutsche Welle. URL: <https://p.dw.com/p/1Gmzo>

у «Газпрома».¹ Более того, контракт строился на основаниях, за которые Польша активно критикует «Газпром»: привязка к стоимости нефти и условие «бери или плати». Так как поставки должны были начаться в 2014 г, а терминал был еще не достроен, PGNiG должен был просто платить деньги QatarGas за 1 млн т. СПГ, не получая его. Компании договорились, что Катар будет продавать этот объем на азиатских рынках. Но если полученная от покупателя цена была меньше контрактной с PGNiG, польская компания компенсировала QatarGas разницу. В марте компании договорились пересмотреть условия контракта: вероятно цены были снижены, но увеличен объем ежегодной закупки до 2 млн т. При этом стремление польских потребителей газа руководствоваться экономической логикой приводит к тому, что СПГ терминал остается «недозагруженным», а «Газпром» остается основным поставщиком газа.

Газовый баланс Польши

	2015	2016	2017
Потребление газа	17,1	18,26	19,14
Импорт из России	8,92	11,07	10,47
Импорт СПГ	0,02	0,82	1,27

Источник: ПАО «Газпром», BP Statistical Review of World Energy, GHIGNL.

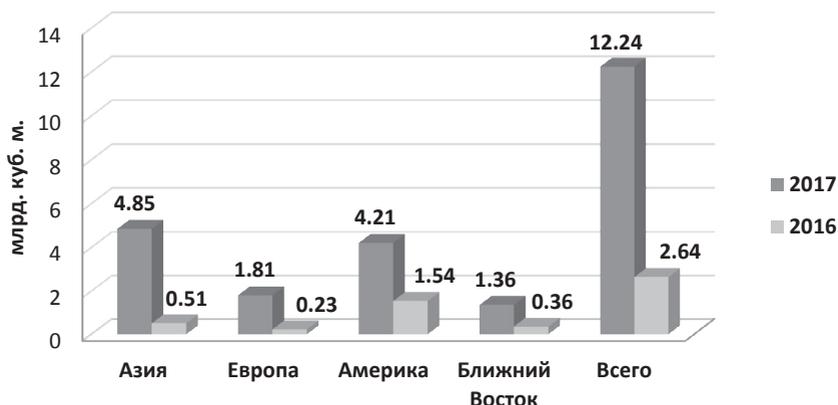
Отсутствие полной загрузки СПГ терминала показывает, что сжиженный газ обходится Польше дороже газопроводных поставок. Кроме того, в 2016 и 2017 гг. Польша импортирует СПГ из Норвегии, что демонстрирует высокую цену катарского газа. При этом Варшава в 2017 г. импортировала

¹ RPT-Poland's energy security strategy comes at high cost. Reuters 10.09.2013. URL: <https://www.reuters.com/article/poland-energy-lng/rpt-polands-energy-security-strategy-comes-at-high-cost-idUSL5N0H52ZG20130910>

0,07 млрд куб. м. газа из США, что вероятно сделано по политическим мотивам.

Поставки СПГ из США в Европу также являются примером попыток государственного вмешательства на энергетические рынки. В США нет государственных компаний, которым власти могли указывать направление экспорта. Кроме того, собственник терминала Cheniere компания Sabine Pass продает газ трейдерам (Gas Natural Fenosa, KOGAS, Shell) на заводе, а те уже ищут покупателя, исходя из желания получить максимальную прибыль от каждой поставки. В итоге направление экспорта сильно зависит от конъюнктуры на рынке.

Экспорт СПГ из США

Источник: GIIGNL.

США рассчитывают наращивать экспорт СПГ и стать крупнейшим поставщиком сжиженного газа на мировой рынок. В настоящее время в Минэнерго США компании подали заявки на получение лицензий на экспорт СПГ суммарной мощностью заводов около 383 млн т. в год.¹ Но при существующем положении дел на рынках этот объем останется

¹ Summary of LNG Export Applications of the Lower 48 States office of fossil energy USA. URL: <https://www.energy.gov/fe/downloads/summary-lng-export-applications-lower-48-states>

не востребуемым. С одной стороны этот газ некуда будет пристроить, с другой — многие проекты будут просто нерентабельны.

Для того чтобы поддержать американских производителей газа американские власти стремятся расчистить им рынок от конкурентов, в частности, ударить по позициям «Газпрома» в Европе. Фактически об этом открыто заявлено в американском документе S. 1221 — Countering Russian Influence in Europe and Eurasia Act of 2017: 115th Congress (2017–2018).¹ В частности там сказано, что США продолжают выступать против «Северного потока-2». Однако в следующем пункте написано, что Вашингтон будет это делать для того, чтобы развивать экспорт энергоресурсов из США, что позволит создать новые рабочие места на американской территории.

Таким образом, можно сказать, что суть всех нападков на «Северный поток-2» заключается в желании США сократить долю российского газа на европейском газовом рынке, что приведет к дефициту и повышению цен. Тем самым Вашингтон создаст благоприятные условия для развития поставок СПГ со своей территории на европейский рынок. Именно создание условий — наиболее действенный инструмент для продвижения американского СПГ на европейском рынке, так как «Газпром», как показывает практика последних лет, выигрывает ценовую конкуренцию. Стоит оговориться, что по мере роста цен на нефть, увеличивается и стоимость газа, соответственно повышается и привлекательность европейского рынка для поставщиков СПГ из США. Однако при переходе к прямому столкновению поставщиков у «Газпрома» гораздо больше возможностей по предоставлению скидок, а продавцы сжиженного газа скорее уйдут

¹ Countering America's Adversaries Through Sanctions Act. URL: <https://www.govtrack.us/congress/bills/115/hr3364/text>

на более привлекательные рынки, чем станут ввязываться в борьбу за европейский рынок за счет снижения маржи.

Приведенные примеры показывают, что для России выгоднее установление либеральных рыночных отношений на энергетических рынках. А западные страны проводят промышленную политику, которая подразумевает вмешательство государства в экономику. При этом от европейских и американских политиков зачастую можно услышать обратную риторику. Таким образом, энергетика все чаще выступает сферой, где заявленная политика все чаще расходится с реально принимаемыми мерами.

Igor Yushkov

LIBERALISM VS KEYNESIANISM IN ENERGY. WHAT RUSSIA AND WESTERN COUNTRIES CHOOSE?

The article is devoted to the problem of politicization of energy and gas industry in particular. The author shows that at the stage of statements, European and American politicians like to accuse Russia in using hydrocarbons to achieve political goals. Western politicians and experts are actually pointing out that while selling the energy resources, Russia is actively promoting its State interferes in the European market. The author shows that in practice not only Russia but also European and American authorities very actively interfere in the free energy market, pursuing their political goals.

*Ирина Болгова*¹

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКЕ ЕС

Внешняя политика Европейского Союза, общность которой основывалась прежде всего на ценностноориентированном подходе,² подвергается более или менее кардинальному пересмотру в результате кризиса вокруг Украины после 2014 года.³ Анализ роли ЕС после украинского кризиса показывает, что Брюссель не может на сегодняшний день претендовать на одностороннее формирование нового регионального порядка на основании своей модели социально-экономического развития с использованием разработанной системы трансформационных инструментов. В результате, всё чаще можно встретить как в отечественном, так и в западном академическом дискурсе точку зрения, что ЕС вернулся — возможно временно — к реалистической парадигме в своей внешней политике в отношении постсоветского пространства, отказавшись от стремления расширять пространство либеральных ценностей как доминирующей цели.⁴

Эта точка зрения основывается в том числе на положении последних официальных документов ЕС. Процесс поиска новых концептуальных оснований для внешней политики ЕС отражает сложную структуру акторности Союза. С одной стороны, в новой Глобальной стратегии ЕС заявлено о необ-

¹ Болгова Ирина Вячеславовна — к. и. н., доцент Кафедры прикладного анализа международных проблем МГИМО МИД России.

² Романова Т.А. Евросоюз как нормативная сила и проблемы ее восприятия в России как барьер на пути политико-правового сближения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. 2011. Вып. 1. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_16141349_55403420.pdf

³ Данилов Д.А. Глобальная стратегия ЕС: восточный вектор // Современная Европа. № 1. 2017. С. 10–21; Айвазян А. Политика ЕС в странах Южного Кавказа: пересмотр политики соседства // Современная Европа. № 4. 2016. С. 47–56.

⁴ Scott J.W., Liikanen I., Sotkasiira T. (eds). The EU's Eastern Neighbourhood: Migration, Borders and Regional Stability — BASEES/Routledge Series on Russian and East European Studies. London: Routledge. 2016; Кавешников Н.Ю. Энергетическая безопасность в стратегии Могерини: выводы для России // Современная Европа. № 1. 2017. С. 22–31.

ходимости усилить прагматичные основания сотрудничества с государствами соседства: «бескомпромиссный прагматизм будет определять наши внешние действия в ближайшие годы»¹, что отнюдь не отменяет принципиальную готовность сотрудничать только с теми, кто «готов работать с нами на основе наших общих ценностей».²

Цель настоящей статьи заключается в попытке определить материальные основания и концептуальные ограничители для возможного изменения политики ЕС на восточном направлении. На основе анализа существующих на сегодняшний день программ ЕС в отношении государств постсоветского пространства, как в рамках Восточного партнерства, так и вне его, представляется возможным ответить на вопрос относительно потенциальных векторов развития восточной политики ЕС. Систематизация функционирующих на разных уровнях программ и проектов, соотношения и наложения друг на друга финансовых инструментов и принципов, заложенных в оценку их эффективности, представляется полезной для понимания более комплексной картины современной политики ЕС на восточном направлении, традиционно рассматриваемой через список задекларированных целей «Восточного партнерства». Анализ механизмов энергетической политики ЕС на постсоветском пространстве придает дополнительные нюансы прогнозированию возможной эволюции активности ЕС в отношении государств «общего соседства».

¹ Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. June 2016. P. 05. URL: http://eeas.europa.eu/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf

² Junker J.-C. State of the Union Address. Brussels, 13.09.2017. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_SPEECH-17-3165_en.htm

Восточная политика ЕС: шире, чем «Восточное партнерство»

Ключевое содержание дискуссии в отношении программы «Восточного партнерства» заключается в поиске новой движущей силы для развития инициативы после того, как она потеряла главный стимул для продвижения идеи внутривосточных трансформаций в фокусных государствах. Как уже отмечалось в отечественных публикациях, в 2016 году Европейский Совет принял официальное решение, что «Соглашение [об Ассоциации] не предоставляет Украине статус страны-кандидата, а также не предоставляет обязательство предоставить такой статус в будущем».¹ Этим решением ЕС подвел черту под традиционными спекуляциями относительно линейного вектора сближения государств, подписавших Соглашение об Ассоциации, с Европейским союзом вплоть до полного членства в ЕС. В результате программа логично начала испытывать трудности с выполнением изначально заложенной функции «центрального проекта, формирующего внешнюю политику ЕС в 21 веке».² При этом, подробный анализ развития двустороннего сотрудничества под концептуальным «зонтиком» Восточного партнерства иллюстрирует неоправданность фокуса на программе как на исключительном и исчерпывающем механизме восточной политики ЕС.³

«Восточное партнерство» по-прежнему формирует главные идейные основания двух- и многосторонних отношений

¹ Цит. по: Данилов Д. А. Глобальная стратегия ЕС: восточный вектор // Современная Европа. 2017. № 1. С. 10–21.

² Ferrero-Waldner B. Eastern Partnership — an ambitious project for 21st century European Foreign Policy. 20.02.2009. URL: http://eeas.europa.eu/eastern/docs/eastern_partnership_article_bfw_en.pdf

³ Ademmer E., Börzel T. Migration, Energy and Good Governance in the EU's Eastern Neighbourhood. *Europe Asia Studies*. 65 (4). 2013. P. 581–608; Dimitrova A., Dragneva R. Constraining external governance: Interdependence with Russia and the CIS as limits to the EU Rule transfer in the Ukraine. *Journal of European Public Policy*. 16 (6). 2009. P. 853–872.

на пространстве СНГ, но демонстрирует, при этом, достаточно высокую степень влияния прагматичных национальных интересов на степень и глубину взаимодействия с ЕС со стороны стран-участниц программы. Этот прагматизм определяет крайне мозаичную картину на карте «Восточного партнерства», где Армения продолжает процесс структурных реформ несмотря на членство в ЕАЭС, Молдова стремится к сближению с проектом евразийской интеграции, несмотря на вступившее в силу Соглашение об Ассоциации с ЕС, Грузия весьма избирательно подходит к выполнению взятых на себя обязательств, Белоруссия активно развивает экономическое сотрудничество с ЕС, не являясь полноправным участником программы ВП. Таким образом, фокусные государства, осознав невозможность приблизить идею интеграции с Европейским союзом, способствовали переходу сотрудничества с ЕС на уровень прагматичного поиска максимально возможных секторальных бонусов при сохранении поля для внешнеполитического маневра. Брюссель, в свою очередь, постепенно сворачивает принцип политической обусловленности, который доказал свою неэффективность в отсутствии прозрачной мотивации. То есть наряду с существованием концепции «больше за больше», закрепленной в основных документах «Восточного партнерства», ЕС не только не уменьшает, но наращивает программы финансовой помощи странам, не в полной мере открытым для ценностноориентированного сотрудничества.

В этой связи, представляется целесообразным рассмотреть восточную политику ЕС, отойдя от призмы «Восточного партнерства» и обратившись к основным финансовым агрегаторам, обеспечивающим внешнюю политику ЕС на данном направлении, а также региональным программам, не имеющим непосредственной связи с «Восточным партнерством».

С момента выделения постсоветского направления в политике ЕС после распада СССР и до 2007 года финан-

совая помощь оказывалась в рамках программы ТАСИС. Затем вступил в действие новый Инструмент Европейской политики соседства (ИЕПС), который в свою очередь уступил место в 2014 году Инструменту европейского соседства (ИЕС). Инструмент Соседства включает в себя два типа программ: национальные и многосторонние программы (которые получают около 95% финансирования) и программы трансграничного сотрудничества (около 5%). Из общей суммы в 51,4 млрд евро, заложенной на финансирование внешней политики ЕС на 2014–2020 годы в Инструмент соседства выделено 15,43 млрд.

При этом географический охват Инструмента соседства не ограничен кругом стран, входящих в сферу приложения соответствующей политики ЕС (ЕПС). На постсоветском пространстве из фондов ИЕС финансируются в том числе программы, включающие или специально разработанные для государств Центральной Азии: инфраструктурные проекты ТРАСЕКА и ИНОГЕЙТ (см. ниже) и программы приграничного сотрудничества (ВОМСА) и по борьбе с наркотиками (САДАР). Обеспечение этих программ из фондов ИЕС чрезвычайно важно с точки зрения символического подчеркивания идеи близости центральноазиатского региона с государствами «Восточного партнерства». На уровне концептуальных терминов в политический обиход был введен термин «соседи соседей», а в региональной стратегии помощи Центральной Азии Европейская комиссия подчеркивала, что Стратегия не должна рассматриваться отдельно от ЕПС и потому необходимо включить государства региона в более широкие программы, финансируемые из Инструмента соседства и партнерства.¹

¹ European Commission. European Community Regional Strategy Paper for Assistance to Central Asia for the Period 2007–2013.

Инструмент сотрудничества в целях развития (ИСР) — второй крупный финансовый механизм, наряду с ИЕС, обеспечивающий материальное сопровождение политики ЕС на постсоветском пространстве. Из шести основных финансовых инструментов внешней политики ЕС Инструмент сотрудничества является наиболее объемным — 19,7 млрд. Его функционал распространяется на все страны, включенные в список Официальной помощи развитию ОБСЕ. Помимо главной цели — борьбы с бедностью — Инструмент развития направлен на достижение ключевых целей внешней политики ЕС: способствовать устойчивому экономическому, социальному и экологическому развитию, продвижению демократии, хорошего управления, верховенства права и защите прав человека.

В Центральной Азии ИСР является ключевым инструментом для реализации Стратегии ЕС в Центральной Азии;¹ в отношении государств Восточного партнерства ИСР дополняет остальные механизмы финансового содействия.

Помимо финансирования в рамках Инструмента соседства и ИСР политика ЕС на восточном направлении обеспечивается также программами более адресной помощи, большая часть которых направлена на реформирование государственных институтов,² но без принципа политической обусловленности:

Европейская инициатива за демократию и права человека (ЕИДПЧ) — обеспечивает поддержку гражданскому обществу в государствах региона по широкому кругу вопросов прав человека (поддержка свободы слова, противодействие

¹ European Commission. European Community Regional Strategy Paper for Assistance to Central Asia for the Period 2007–2013.

² European Commission. Financial implementation, risk analysis and selected macro-economic, fiscal and development results. Budget Support Annual Report. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2016. URL: https://ec.europa.eu/europeaid/sites/devco/files/annual-report-budget-support-2016-update-2017_en.pdf

пыткам, наблюдение за выборами). Финансирование оказывается как в рамках двустороннего сотрудничества, так и в рамках совместных проектов с другими международными организациями.

Инструмент сотрудничества в сфере ядерной безопасности (ИСЯБ) для внедрения и поддержания необходимых стандартов ядерной безопасности, в том числе специальные программы для уранодобывающих государств в Центральной Азии.

Инструмент мира и стабильности (ИМС) — осуществляет финансирование проектов в рамках урегулирования существующих конфликтов. Кроме ИМС внешняя политика ЕС в области урегулирования конфликтов использует механизмы в рамках Общей внешней политики безопасности, которая в государствах постсоветского пространства регулирует деятельность двух миссий наблюдателей на украино-молдавской границе, программу EUJUST THEMIS, в рамках которой оказывается содействие реформе системы внутренней безопасности в Грузии, программе приграничного сотрудничества в государствах Центральной Азии WOMSA.

Отдельно следует упомянуть программы, которые получают совместное финансирование из инструментов внешней политики ЕС и других фондов. Программы трансграничного сотрудничества финансируются совместно ЕИС и Европейским фондом регионального развития; программы TAIEX и SIGMA,¹ направленные на реформирование внутреннего административного сектора, предлагают специализированную помощь и консультации в процессе внедрения европейского законодательства и получают дополнительное финансирование из фондов ОБСЕ. Смежное финансирование с помощью внутриевропейских финансовых механизмов

¹ TAIEX — Technical Assistance and Information Exchange, SIGMA — Support for Improvement in Governance and Management

(регулируются DG Home affairs) имеют программы, связанные с миграцией и внутренней безопасностью. Инструмент макрофинансовой помощи (МФП) распространяется на государства — реципиенты кредитов МВФ и рассматривается исключительно как дополнение к финансированию МВФ. На сегодняшний день помощь в рамках МФП получают Украина, Молдова, Грузия и Киргизия, как страны «географически, экономически и политически близкие к ЕС».¹

В результате, программы финансово-технической и гуманитарной помощи оказываются едва ли не более объемными, чем финансирование, заложенное непосредственно в бюджет «Восточного партнерства». Эффективность этих программ также оценивается с точки зрения влияния на формирование гражданского общества и хорошего управления, однако выделение новых грантов и привлечение инвестиций не поставлено в зависимость от тех результатов, которые получает Европейская комиссия. Скорее наоборот, чем более неустойчиво выглядят государственные институты в странах-реципиентах, тем больше вероятность выделения больших объемов финансового содействия, что прямо противоречит принципу политической обусловленности.² Такой подход, вероятно, свидетельствует о том, что в ЕС на сегодняшний день преобладает обеспокоенность вопросами безопасности в соседних регионах и желание сохранить минимально приемлемый уровень стабильности.

Концептуальное отражение такого подхода закреплено в документе Европейской комиссии, оценивающем эффек-

¹ European Commission. Report to the European parliament and the Council on the implementation of macro-financial assistance to third countries in 2016. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52017DC0321&from=EN>

² European Commission. Financial implementation, risk analysis and selected macro-economic, fiscal and development results. Budget Support Annual Report. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2016. URL: https://ec.europa.eu/europeaid/sites/devco/files/annual-report-budget-support-2016-update-2017_en.pdf

тивность Европейской политики соседства, где в частности заявлена необходимость углублять отношения не только с государствами, подписавшими Соглашение об ассоциации, но и с остальными соседями.¹ Базой для широкого сближения должно стать в том числе более активное взаимодействие с международными финансовыми институтами, в первую очередь ЕБРР и Европейским инвестиционным банком, для увеличения финансовых фондов и усиления регионального влияния.

Такое дробное распределение финансовых инструментов позволяет Европейскому союзу и государствам-реципиентам использовать разнообразные сочетания финансовых потоков и поддерживать достаточно тесный уровень сотрудничества вне прямой зависимости от политической повестки на высшем уровне. Возможность использовать инструменты, не связанные напрямую с политической обусловленностью, сохраняет за ЕС роль крупнейшего донора финансовой помощи на постсоветском пространстве и создает устойчивую платформу для наращивания программного присутствия и гибкого реагирования на изменения внутри- и внешнеполитических приоритетов в соседних государствах.

Энергетическое измерение восточной политики

Постсоветское направление внешней политики ЕС во многом основывалось на заинтересованности в доступе к новым источникам энергоносителей и расширению вариантов их транспортировки. По мере изменения глобальной энергетической конъюнктуры, с одной стороны, и трансфор-

¹ European Commission. Joint Communication of the European Parliament, The Council, The European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions: Review of the European Neighbourhood Policy JOIN. 2015. URL: http://ec.europa.eu/enlargement/neighbourhood/pdf/key-documents/151118_joint-communication_review-of-the-enp_en.pdf

мации системы регулирования энергетического рынка ЕС, с другой стороны, произошли интересные сдвиги в подходах Брюсселя к вопросам энергетического сотрудничества с государствами постсоветского пространства. Данная сфера иллюстрирует возможности совмещения прагматичного и трансформационного подходов во внешней политике ЕС.

Структура взаимодействия в сфере энергетики между Евросоюзом и государствами постсоветского пространства вписывается в рамки мягкого «сетевого» типа внешнего управления.¹ Суть разграничения между «жесткой» и «мягкой» моделью заключается в разнице степени формализации требований и получаемых результатов. Если для «жесткой» характерно наличие прописанной системы требований, методов их оценки и процедур санкционирования, или обусловленности выгод, то «мягкой» присуще создание благоприятного контекста для внутренних изменений, прежде всего путём вовлечения в общие секторальные структуры.

Сотрудничество с постсоветскими государствами преследует как прагматические цели — прежде всего развитие широко понимаемой диверсификации, так и трансформационные задачи — побуждение к проведению либеральных реформ в национальных секторах энергетики с целью их приближения к требованиям внутриевропейского законодательства.

При этом, высокая степень прагматизма традиционно присуща международным отношениям в энергетической сфере как внутри Европейского союза, так и в его отношениях с поставщиками. Острая заинтересованность в расширении списка основных энергетических партнеров привела к созданию широких с точки зрения географического охвата про-

¹ Lavenex, S., Schimmelfennig F. EU Rules Beyond EU Borders: Theorizing External Governance in European Politics. *Journal of European Public Policy*. 16 (6). 2009. P. 791–812. Special Issue. European Union External Governance.

грамм сотрудничества в сфере энергетической инфраструктуры. Ещё в первой половине 1990-х гг. в рамках программы ТАСИС Европейская комиссия выделила секторальные направления для углубления сотрудничества и концептуализировала их в нашедших проектах ТРАСЕКА и ИНО-ГЕЙТ¹. Целями обоих проектов были провозглашены развитие горизонтального сотрудничества с области инфраструктуры углеводородных поставок для укрепления независимости новых независимых государств от влияния России. В число участников проектов вошли все государства постсоветского пространства, кроме России и Белоруссии.

В проектах было зафиксировано желание Европейского Союза способствовать либерализации энергетического сектора и — шире — национальных экономик стран-участниц для повышения уровня взаимного доверия и инвестиционной привлекательности. Однако прямой политической обусловленности ни в данные проекты, ни вообще в энергетическое сотрудничество с государствами постсоветского пространства включено не было. По мере осознания вектора эволюции политических режимов в государствах-поставщиках углеводородов Южного Кавказа и Центральной Азии в ЕС стали всё более заметны дискуссии о кризисе «нормативной силы» во внешней политике Союза.

Одновременно, в контексте формирования Энергетического Союза в ЕС Брюссель все более активно начинает использовать практику экспорта своих правовых норм в отдельно взятом секторе энергетики, закладывая основы развития «регуляторной силы».²

¹ TRACECA — TRAnsport Corridor Europe — Caucasus — Asia; INOGATE — International Oil and Gas Agreement

² Franza L., Van Der Linde C. Geopolitics and the Foreign Policy Dimension of EU Energy Security // Energy Union. International Political Economy Series. / Andersen S., Goldthau A., Sitter N. (eds). Palgrave Macmillan, London. 2017.

Цель энергетической политики ЕС состояла в создании общего рынка энергоресурсов (особенно газа), основанного на общих нормах и правилах функционирования не только в рамках ЕС, но и с привлечением государств — поставщиков и транзитеров энергоносителей. В центре внимания в этом контексте оказались Россия и Норвегия, Западные Балканы, а также Украина и Турция как важные партнеры для транзита в ЕС углеводородов¹.

Проанализированная в этом преломлении, восточная политика Европейского союза оказывается не только предметно шире, чем программа «Восточного партнерства», но и выходит далеко за географические рамки постсоветского пространства.

В 2005 году для институционального оформления внешне-го измерения внешней энергетической политики ЕС было создано Энергетическое сообщество. Соответствующий Договор был подписан сроком на 10 лет и продлен в 2014. На данный момент членами сообщества являются Сербия, Черногория, Косово, Босния и Герцеговина, Албания, Бывшая югославская Республика Македония, Украина и Молдавия. Наблюдателями при Энергетическом сообществе являются Армения, Турция и Грузия, с которой в 2014 г. Европейская Комиссия начала переговоры о полномасштабно членстве. Тематическое наполнение деятельности сообщества включает в себя гармонизацию принципов функционирования рынков газа, нефти, электроэнергии, возобновляемой энергетики, энергоэффективности, охраны окружающей среды. Главная цель, поставленная Комиссией перед ЭС — создание регионального рынка энергоресурсов для его последующего включения

¹ И если Брюсселю удалось распространить правила общего энергетического рынка на Норвегию, то в отношениях с Россией эта политика вызвала заметный кризис.

в общий энергетический рынок ЕС.¹ Основа для достижения заявленной цели — экспорт норм общеевропейского энергетического законодательства, основной частью которых являются положения Третьего энергетического пакета. В отсутствии инструментов принуждения, продвижение к этой цели затруднено и главным достижением считается создание общего списка приоритетных проектов ЭС.

В 2015 году энергетическое сотрудничество получило новый импульс в связи с созданием группы высокого уровня по газовому взаимодействию в Центральной и Юго-Восточной Европе (Gas Connectivity in Central Eastern and Southeast European Gas (CESEC) в составе 15 государств ЕС и Энергетического сообщества.² После того, как энергетическая безопасность региона оказалась поставлена в зависимость от спекуляций вокруг реализации трубопроводных проектов «Набукко» и «Южный поток», здесь возобладал «мягкий» подход усиления взаимосвязанности на основании списка конкретных регулятивных мер более эффективного использования регионально интегрированного рынка.³

Несмотря на то, что анализ самых свежих документов ЕС, формирующих стратегию энергетической безопасности, позволяет сделать вывод о торжестве прагматизма,⁴ новые акценты скорее говорят о конфликте различных политиче-

¹ Боровский Ю. В. Энергетическая политика Украины в постсоветскую эпоху // Вестник МГИМО. №4 (49). 2016. С. 165–175. URL: http://www.vestnik.mgimo.ru/sites/default/files/pdf/015_mirovaya_politika_borovskiiyuv.pdf

² European Commission. Joint Press Statement by Ministers and Representatives of Austria, Bulgaria, Croatia, Greece, Hungary, Italy, Romania, Slovenia and Slovakia and the European Commission. 09 February 2015 URL: http://europa.eu/rapid/press-release_STATEMENT-15-4281_en.htm

³ Ademmer E., Delcour L., Wolczuk L. Beyond geopolitics: exploring the impact of the EU and Russia in the «contested neighborhood» // Eurasian Geography and Economics. 57:1. 2016. P. 1–18. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/15387216.2016.1183221?needAccess=true>

⁴ Кавешников Н. Ю. Энергетическая безопасность в стратегии Могерини: выводы для России // Современная Европа. №1. 2017. С. 22–31.

ских повесток внутри Европейского союза, чем о желании полностью отказаться от «регуляторной силы» в отношениях с государствами к востоку от границ ЕС.

Двойственность подходов, которая ниже проиллюстрирована примерами участия в ЭС Молдовы и Украины, позволяет сделать вывод о высокой степени адаптивности политики ЕС к политической практике в государствах-партнерах.

Украина подписала протокол о присоединении к Энергетическому сообществу в 2010 году и стала полноправным членом в феврале 2011 года. Этот статус продолжает определять обязательства Киева по отношению к ЕС. Членство в Энергетическом сообществе стало наиболее явным и важным символом стремления адаптировать национальное законодательство к европейским нормам. Так, подписанное позже Соглашение об Ассоциации только повторно фиксирует взятые Украиной на себя обязательства.¹

Вместе с тем, вплоть до 2015 года участие в Энергетическом сообществе не оказывало существенного влияния на внутривнутриполитические приоритеты Украины. Это связано, в том числе, с технократическим подходом самого ЕС, где в этот период много внимания уделялось вопросу расширения сети поставок, что свидетельствует о доминировании прагматичного подхода в сфере энергетики даже тогда, когда ценностноориентированная внешняя политика не ставилась под сомнение².

Ухудшение экономической ситуации на Украине и поиск внешнего финансирования привели в 2015 году к принятию Закона о газовом рынке, что было главным условием для выде-

¹ Association Agreement between the European Union and its Member States, of the one part, and Ukraine, of the other part. Official Journal of the European Union. 2014. L 161/3 URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/association_agreement_ukraine_2014_en.pdf

² Ademmer E., Delcour L., Wolczuk L. Beyond geopolitics: exploring the impact of the EU and Russia in the «contested neighborhood», *Eurasian Geography and Economics*. 57:1. 2016. P. 1–18. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/15387216.2016.1183221?needAccess=true>

ления транша МВФ. Согласно принятому закону, «Нафтогаз» лишен статуса энергетической монополии, а в качестве независимого регулятора энергетического рынка создан Национальный комитет по государственному регулированию энергетики. Центральной частью реформы стало повышение цены на газ для домохозяйств и промышленных предприятий на 300% к 2017 году. Принимая во внимание ключевой характер энергетической отрасли для внутривнутриполитического развития Украины, реформа газового сектора может стать системообразующей для всей национальной экономики. Несмотря на то, что проект закона разрабатывался совместно с Секретариатом Энергетического сообщества и предполагал внедрение законодательства Третьего энергопакета, именно МВФ выступил в данном случае в роли нормативной силы, используя жесткие критерии политической обусловленности. Таким образом, несмотря на изначальную декларативность позиции Украины, Брюсселю удалось внедрить необходимые регуляторные предпосылки, которые стали основой для проведения реформ тогда, когда для этого сложилась благоприятная внутренняя конъюнктура.

Пример Молдавии демонстрирует другой вариант последовательности развития событий. Молдавия присоединилась к Энергетическому сообществу в 2010 году и рассматривала вступление с ЭС не только как важный промежуточный шаг на пути вступления в ЕС, но и как дополнительный инструмент развития региональных связей. Кишиневу удалось добиться определенного прогресса реформирования национальной энергетической отрасли, в основном в сфере электроэнергетики. Трудности с внедрением правовых норм в энергетике Молдовы связывались прежде всего с внутривнутриполитическими кризисами, характерными для текущего этапа развития республики, которые не позволяют сформироваться последовательному внутри- и внешнеполитическо-

му курсу страны. Вместе с тем, Россия имеет возможности для влияния на процессы нежелательные для реализации собственных национальных интересов. Так как ОАО «Газпром» принадлежит 50% молдавской транзитной инфраструктуры, то Россия потребовала приостановки выполнения обязательств по Третьему энергетическому пакету — после обострения энергетического диалога РФ—ЕС — как условие для снижения цены на газ. Действующее решение молдавского правительства не продолжать выполнения обязательств по ТЭП действительно до 2020 года. Тем не менее, текущий мораторий не имеет необратимых последствий для процесса включения молдавского энергетического сектора в правовое поле ЕС, принимая во внимание уровень уже созданной нормативной базы.

Рассмотренные направления технической и финансовой помощи Европейского союза государствам постсоветского пространства формируют платформу внешней регулятивной политики ЕС. Проведенный анализ действительно позволяет увидеть снижение внимания ЕС к принципу политической обусловленности в своей деятельности на восточном направлении, однако это не означает снижение желания расширять сферу влияния либеральных норм и ценностей. Смещение акцентов от нормативности к регулятивности во внешней политике в немалой степени обусловлено стремлением адаптировать систему внешнеполитических инструментов к ситуации в государствах-партнерах. Отказ от идеи дальнейшего расширения на восток привел к необходимости привести имеющийся инструментарий в соответствие со стимулами: невозможность членства делает нормативный подход совершенно бессмысленным. Заменой ему становится регулятивная составляющая: стремление к экспорту европейских стандартов и норм либо в отдельных секторах (в данном случае энергетическом), либо посредством мягкого, но массивного

ного воздействия через обширный комплекс разнообразных инструментов технического содействия. В результате отказ от принципа жесткой политической обусловленности ведет к росту эффективности других механизмов, в том числе социализации национальных политических элит, что в конечном итоге будет способствовать дальнейшему реформированию политических и экономических систем постсоветских государств в соответствии с европейскими стандартами.

Кроме того, сочетание более прагматичного подхода к двусторонним отношениям с уже созданной базой для нормативного сближения позволяет ЕС смягчать противоречия между государствами-членами и более гибко реагировать на ситуативные изменения в государствах — партнерах/соседах. В этом контексте возникает запрос на продолжение дискуссии относительно сравнения потенциалов влияния ЕС и России на пространстве «общего соседства».¹ Усиление прагматичной составляющей в восточной политике ЕС на сегодняшний день было бы неверно рассматривать как открывающуюся возможность для сближения позиций между Россией и Евросоюзом в отношении государств «общего соседства». Напротив, диверсификация европейского инструментария и смягчение подходов в отношении постсоветских государств укрепляет потенциал для их фактического, а не декларативного сближения в условиях текущей конъюнктуры многосторонних отношений на континенте.

¹ Шишкина О.В. Внешнеполитические ресурсы: России и ЕС на пространстве «общего соседства». М., 2013; Noutcheva G. Whose legitimacy? The EU and Russia in contest for the eastern neighbourhood, *Democratization*. 2017. URL: http://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/13510347.2017.1363186#_i4; Busygina I. *Russia — EU Relations and the Common Neighborhood: Coercion vs. Authority*. Routledge. 2017.

Irina Bolgova

NEW TENDENCIES IN THE EASTERN DIMENSION OF THE EU FOREIGN POLICY

The eastern dimension of the EU foreign policy proves to be much wider than the EaP perspective. The article attempts to provide a complex analysis of the set of financial and technical assistance instruments in the relations of the EU towards the post-soviet states, with the specific focus made on the energy politics case. This approach illustrates that the widely debated crisis of the Eastern partnership program based on the political conditionality principle doesn't lead to the denial of the will to expand European liberal norms and standards to neighborhood countries. The increase of regulatory aspect is seen on the sectoral level (as in energy policy case) as well as in the highly diversified system of technical and financial assistance that makes irrelevant the direct opposition of normative vs pragmatic approach in the EU foreign policy. On the contrary, the softened framework for interactions creates a more solid and supple basis for the approximation of the post-soviet states with the EU legal field despite the contextual changes in their domestic politics.

*Каролина Котулевич-Вишиньска*¹
**ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ
ВИШЕГРАДСКОЙ ГРУППЫ И РЕСПУБЛИКИ
МОЛДАВИИ**

Страны Вишеградской Группы (В4) занимают важное место во внешнеэкономических связях Республики Молдавии. Об этом свидетельствует как количество двухсторонних документов, определяющих проблематику внешнеэкономических отношений, так и объем торгового оборота и прямых иностранных инвестиций.

Двусторонние отношения между Молдавией и Венгрией регулируются 60 договорами в различных областях.² Между Молдавией и Словакией подписано более 20 договоров, которые регламентируют политические, торгово-экономические, финансовые, транспортные проблемы, возникающие между странами, а также социальную безопасность, здравоохранение, оборону и т. д.³ У Молдавии с Чехией заключено 14 двусторонних соглашений в торгово-экономической, научно-технической, оборонной областях, в вопросах взаимной защиты инвестиций, сельского хозяйства и развития села, международных перевозок грузов и т. д. Отношения между Польшей и Молдавией в торгово-экономической сфере регулируют 6 основных договоров, в том числе о взаимной защите инвестиций и об экономической кооперации.⁴

¹ Каролина Котулевич-Вишиньска — кандидат экономических наук, доцент Кафедры политических наук Краковского Экономического Университета.

² Молдова и Венгрия активизируют экономические отношения. URL: <http://ru.interlic.md/2015-03-31/moldova-i-vengrija-aktivizirujut-ekonomicheskie-otnoshenija-39143.html>, (дата доступа: 31 марта 2015).

³ Шевченко Р. Внешняя политика Молдовы. Часть 1. Отношение с зарубежными странами. URL: <http://ier.md/analytic/0267-Vneshnyaya-politika-Moldovy-Chas.phtml>, (дата доступа: 9 июня 2016).

⁴ Там же.

Доля стран Вишеградской Группы в совокупном молдавском товарообороте в 2016 году составила 6,67%. Страны В4 входят в состав Европейского Союза, который сегодня является основным торговым партнером Молдавии. На его долю в 2016 году приходилось 55,43% совокупного молдавского внешнеторгового товарооборота. В свою очередь, в 2016 году доля стран В4 на фоне молдавского товарооборота с Европейским Союзом составила 12,03%.

Следует заметить, что в последнем десятилетии, т.е. в период 2007–2016 гг. главным торговым партнером среди стран В4, является Польша, на которую приходилось 3,30% общего объема молдавского экспорта и 2,79% общего объема молдавского импорта (таб. 1). Рынок Венгрии и Чехии в молдавском экспорте и импорте занимает второе место. На третьем месте размещается Словакия, с которой Молдавия среди стран В4 имеет самый низкий уровень товарооборота.

Таблица 1. Объемы внешней торговли Республики Молдовы со странами В4, (в млн долларов США)

	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	Доля в общем объеме молдавского экспорта/импорта (в среднем за 10 лет)
Экспорт из Молдовы:											
Венгрии	5,07	18,48	13,21	8,13	23,32	28,75	15,72	5,53	4,34	9,21	0,68
Польшу	48,35	56,14	33,71	46,73	85,92	74,17	85,27	64,43	68,45	73,41	3,30
Словакию	8,87	7,62	6,69	5,33	6,26	5,86	7,84	8,27	8,90	6,85	0,38
Чехию	5,93	5,33	5,21	7,79	11,29	16,91	25,64	29,93	27,68	28,29	0,85
Всего	68,22	87,57	58,82	67,98	126,79	125,69	134,47	108,16	109,37	117,76	5,21
Импорт в Молдову:											
Венгрии	46,36	69,25	52,22	63,79	100,07	88,98	100,29	85,58	69,31	80,10	1,70
Польши	89,05	121,34	87,60	105,09	134,60	152,12	142,74	155,80	122,35	132,21	2,79
Словакии	16,77	25,17	13,62	16,00	22,17	22,73	22,92	21,47	15,43	18,27	0,44
Чехии	43,64	57,51	37,58	42,71	59,72	65,02	69,27	66,56	51,06	56,15	1,23
Всего	195,82	273,27	191,02	227,59	316,56	328,85	335,22	329,41	258,15	286,73	6,15

Источник: самостоятельные расчеты на основании данных UN Comtrade Database, <https://comtrade.un.org/data>, доступ 10.09.2017

Доля стран В4 в общем объеме молдавского экспорта составляет 5,21%, а в молдавском импорте соответственно 6,15%.

Объем торговых сделок между партнерами в соответствии с данными Национального Бюро Статистики Республики Молдавии позволяет констатировать, что Польша является восьмым торговым партнером страны, Чехия — 14-м, Венгрия — 25-м и Словакия — 28 торговыми партнерами.¹

Изучение динамики торговых отношений Молдовы с каждой из стран В4 показывает, что объемы торговли в целом характеризуются непоследовательной динамикой. Данный фактор связан, с одной стороны, с тем, что неотъемлемой чертой молдавской экономики является высокая степень уязвимости от изменения внешнеэкономической конъюнктуры. С другой, это связано со структурой национальной экономики.

В период 2007–2008 товарооборот со странами В4 развивался позитивно. Объем экспорта увеличился на более чем 19 млн долларов США, а импорта на более чем 77 млн долларов США. В 2009 году торговые отношения затронул мировой финансовый и экономический кризис, что отразилось на торговле между партнерами. Другим важным фактором, который имел в 2009 году обратный эффект на торговые отношения со странами Центральной и Восточной Европы и государствами СНГ, был обменный курс национальной валюты. Валюты стран региона ослабевали, а молдавский лей определялся беспрецедентной стабильностью в регионе. Курс молдавской валюты отрицательно повлиял на конкурентоспособность молдавского экспорта.² На снижение молдавского импорта из стран В4 повлияло уменьшение внутреннего спроса, обусловленное в основном спадом притока денежных поступлений из-за рубежа от молдавских

¹ Национальное Бюро Статистики Республики Молдова. URL: <http://www.statistica.md/>, (дата доступа: 10.10.2017).

² Опруненко А. Торговля с ЕС: прогресс в период кризиса? Кишинев. 2009. С. 2.

мигрантов.¹ Все эти вместе взятые причины привели к тому, что в 2009 г. уровень молдавского экспорта и импорта был ниже уровня 2007 года.

Начиная с 2010 по 2012 годы начался постепенный рост взаимного товарооборота между Молдавией и странами Вишеградской Группы. В данный период экономика Молдавии определялась ростом макроэкономических показателей. Это способствовало как росту экспорта, так и импорта. По отношению к 2009 г. экспорт к концу 2012 г. в страны В4 увеличился на 67 млн долларов США, а импорт на более, чем 137 млн долларов США. Однако, рост экспорта был вдвое ниже от роста импорта.

Как выше было упомянуто, на уровень молдавского экспорта оказывает влияние структура национальной экономики, а на уровень молдавского импорта — модель ее функционирования. И так, основой молдавской экономики является агропромышленный сектор, базирующийся на переработке сельскохозяйственного сырья и производстве пищевых продуктов, напитков. Доля промышленности в ВВП составляет 21,2%, сельское хозяйство — 14,1%, а сфера услуг — 64,7%.² В свою очередь, на уровень молдавского импорта влияет внутренний спрос, который молдавская экономика не в состоянии удовлетворить. Внутренний спрос растет за счет предоставленных Молдавии внешних кредитов и валютных поступлений от ее граждан из-за рубежа. Эти денежные переводы граждане используют для приобретения товаров и оплаты услуг. В результате растет торговля, в которой более 60% потребительской корзины составляет импорт. Рост импорта стимулирует рост налогов на импорт. В свою очередь внеш-

¹ Там же. С. 5.

² Moldova. The World Factbook. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/md.html>

ние кредиты используются для приобретения сырья, машин и оборудования за рубежом.¹

В период 2013–2015 торговые обороты между Молдовой и странами В4 вновь начали снижаться. В данном случае одним из влияющих факторов было ухудшение ситуации в реальном секторе экономики Молдавии уже в конце 2012 года. Производство в промышленности и в сельском хозяйстве снизилось соответственно на 3,1 и 22,4%, объем грузоперевозок сократился на 2,9%, уменьшились также масштабы строительства и инвестиций.² Вторым фактором, оказывающим влияние на внешний товарооборот Молдовы со странами В4, были имеющие место в Европе дефляционные процессы.³

Но несмотря на выше перечисленные факторы, влияющие на торговые отношения между Молдавией и странами В4, стороны увеличили торговую взаимозависимость (таб. 2).

Представленные данные подтверждают относительно высокую зависимость Молдавии от торговли со странами В4. В свою очередь страны В4 определяет довольно низкая зависимость от торговли с Молдавией. Из полученных данных следует, что для Молдавии главным торговым партнером является Польша, хотя торговля с Молдавией для Польши не определяется высокой зависимостью. Наиболее зависимой страной в торговле с Молдавией среди стран В4 является Венгрия, которая заметно нарастила в 2007–2017 гг. объемы товарооборота с молдавским партнером.

¹ Головатюк В. Развитие экономики Молдовы: результаты 2011 года и перспективы 2012 года. URL: http://www.newscom.md/rus/razvitie-ekonomiki-moldovi-rezul_tati-2011-goda-i-perspektivi-2012-goda.html

² Головатюк В. Внешняя торговля Молдовы в 2012 году. URL: <https://ava.md/2013/02/26/vneshnyaya-torgovlya-moldovy-v-2012-godu/>, (дата доступа: 26 февраля 2013).

³ Внешнеторговый оборот Молдовы снижается уже три года подряд (2016). URL: <http://moldovanews.md/11052016/economika/126245.htm>, (дата доступа: 11 мая 2016).

Таблица 2. Торговая взаимозависимость Республики Молдовы и стран В4, (отношение торгового оборота Молдавии со странами В4 к их ВВП, в %)

	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
	Доля товарного оборота стран В4 в ВВП Молдавии									
Венгрию	1,17	1,45	1,20	1,24	1,76	1,62	1,45	1,14	1,12	1,32
Польшу	3,12	2,93	2,23	2,61	3,14	3,11	2,86	2,76	2,90	3,05
Словакию	0,58	0,54	0,37	0,37	0,41	0,39	0,39	0,37	0,37	0,37
Чехию	1,13	1,04	0,79	0,87	1,01	1,12	1,19	1,21	1,20	1,25
	Доля товарного оборота Молдавии в ВВП стран В4									
Венгрии	0,037	0,056	0,050	0,055	0,088	0,092	0,086	0,065	0,061	0,072
Польши	0,032	0,033	0,028	0,032	0,042	0,045	0,043	0,040	0,040	0,044
Словакии	0,030	0,033	0,023	0,024	0,029	0,031	0,031	0,030	0,028	0,028
Чехии	0,026	0,027	0,021	0,024	0,031	0,040	0,045	0,046	0,043	0,044

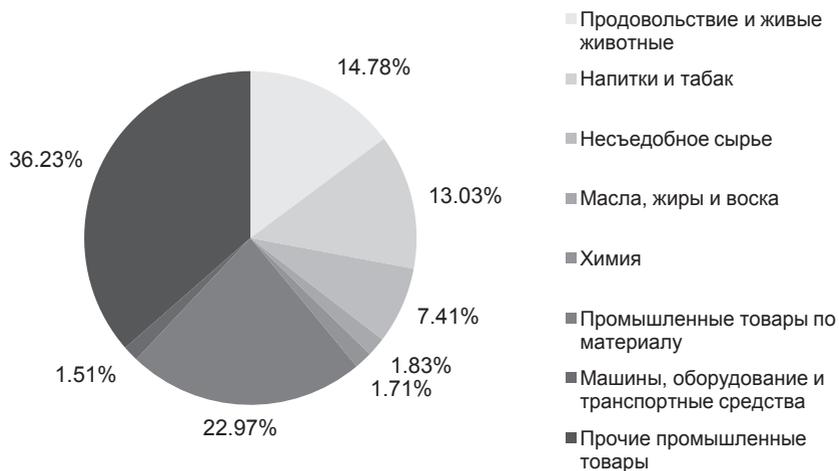
Источник: самостоятельные расчеты на основании данных UN Comtrade Database, <https://comtrade.un.org/data>, доступ 10.09.2017 и Word Bank, <http://databank.worldbank.org/>, (дата доступа 10.09.2017).

Кроме того, полученные данные указывают на существование осязаемого различия в экономическом развитии стран В4, с одной стороны, и Молдавии, с другой. Связано оно с величиной производимого отдельно взятыми странами Вишеградской Группы и Молдавией внутреннего валового продукта и уровня зависимости экономики партнеров от международной торговли.

Со всеми странами Вишеградской Группы Молдавия имеет отрицательное сальдо торговли. Большое влияние на данный фактор оказывает товарная структура молдавского экспорта и импорта (схема 1 и схема 2).

В исследуемом периоде 2007–2016 гг. в молдавском экспорте в страны В4 доминируют разного рода промышленные товары (60,71%). В мировом объеме молдавского экспорта экспорт данной категории товаров в страны В4 составляет 18,40%. Второе и третье места в товарной классификации молдавского экспорта занимают продовольственные товары (14,78%) и напитки (13,03%). Несмотря на то, что напитки немного

**Схема 1. Товарная структура молдавского экспорта в страны
Вишеградской Группы в 2007–2016 гг., в %**

Источник: самостоятельные расчеты на основании данных United Nations Conference on Trade and Development. URL: <http://unctadstat.unctad.org/>, (дата доступа 10.09.2017).

**Схема 2. Товарная структура молдавского импорта из стран
Вишеградской Группы в 2007–2016 гг., в %**

Источник: самостоятельные расчеты на основании данных United Nations Conference on Trade and Development. URL: <http://unctadstat.unctad.org/>, (дата доступа 10.09.2017).

уступают группе продовольственных товаров, их доля экспорта в страны В4 в мировом объеме молдавского экспорта составляет 8,07%. В свою очередь доля продовольственных товаров в общем объеме молдавского экспорта равна 3,98%.¹

В молдавском импорте в страны В4 ведущее место занимают машины, оборудование и транспортные средства (30,49%), разного рода промышленные товары (34,39%), товары химической промышленности (17,93%) и продовольствие (11,83%). В свою очередь в мировом объеме молдавского импорта импорт промышленных товаров из стран В4 составляет 27,10%, а товары химической промышленности 9,98%.²

К примеру, согласно данным Национального Бюро Статистики Молдавии, главной статьей молдавского экспорта в Польшу в 2016 году была мебель (стулья) — 17,4 млн долларов США, одежда — \$12,1 млн, вино — \$8,5 млн, соки овощные и фруктовые — \$8,5 млн, семена подсолнечника — \$5,7 млн, этиловый спирт — \$4,1 млн, ткани хлопчатобумажные — \$1,4 млн, ковры — \$1,3 млн, газовые, жидкостные и электрические счетчики — 1,1 млн долларов США. В свою очередь Молдавия импортировала из Польши в основном пластмассы и изделия из них — 14,4 млн долларов США, древесину и деревянные изделия — \$5,5 млн, сахар — \$4,6 млн, ткани и текстиль — \$4,2 млн, керамические изделия — \$3,4 млн, лекарства — \$3,3 млн, мясо и мясные изделия — \$2,2 млн, косметику — \$2,2 млн, чай — \$1,6 млн, сыры — \$1,5 млн, сигареты — \$1,4 млн, краски и лаки — \$1,4 млн, шоколад — \$1,3 млн, духи и туалетную воду — 1,2 млн долларов США.

В 2016 году Молдавия в Венгрию экспортировала мебель — 4,1 млн долларов США, этиловый спирт — \$2,1 млн, стеклянные изделия — 0,6 млн и коаксиальные электрические

¹ UN Comtrade Database. URL: <https://comtrade.un.org/data>, (дата доступа: 10.09.2017).

² Ibid.

проводники — 0,5 млн. Из Венгрии Молдавия импортировала изделия из кожи — 16,8 млн долларов США, медикаменты — \$13,2 млн, санитарные и гигиенические изделия — \$6,4 млн, корм для животных — 3,6 млн, пластмассы и изделия из них — 2,8 млн, изоляционные фитинга из пластмассы — 2,6 млн, кукурузу — 1,6 млн, моющие средства — 1,5 млн и запчасти для транспортных средств — 1,3 млн.

В свою очередь в Чехию главной статьей молдавского экспорта были: мебель — 15,6 млн долларов США, вино — 9,0 млн и джемы — 1 млн долларов США. Главной статьей чешского экспорта в Молдавию были транспортные средства — 13,3 млн долларов США, коаксиальные электрические проводники — 2,7 млн, изоляционные фитинга из пластмассы — 2,5 млн, сахар — 2,1 млн, индикаторные наборы — 1,9 млн, свинцовая кислота — 1,4 млн, электроприборы — 1,1 млн, медикаменты — 1,1 млн и процессорные блоки — 1 млн долларов США.

В Словакию Молдавия экспортировала мебель и вино соответственно на сумму 2,4 и 1,7 млн долларов США. Главной статьей молдавского импорта из Словакии были текстильные изделия — 1,3 млн долларов США, медикаменты — 1,1 млн, бумага — на сумму 1 млн долларов США.

Беря во внимание данную структуру экспорта, следует заметить, что ассортимент молдавского импорта из стран В4 намного многообразнее, чем молдавский экспорт в страны Вишеградской Группы. Основной причиной является низкая конкурентоспособность молдавских товаров на рынках стран В4.

Молдова сотрудничает со странами Вишеградской Группы и в области внешних прямых инвестиций (таблица 3).

Среди стран В4 лидером по величине прямых иностранных инвестиций (ПИИ) является Венгрия. Ее доля ПИИ за период 2009–2016 гг. в общем объеме ПИИ стран В4

составляет 0,83%. Согласно данным Государственной регистрационной палаты Молдовы, в стране работают 59 предприятий с венгерским капиталом. Сумма инвестиций состав-

Таблица 3. Объем прямых иностранных инвестиций стран В4 в экономику Молдовы, (в млн долларов США)

	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	Доля (в %) в общем объеме ППИ поступающих в Молдавию (в среднем за 8 лет)
Венгрию	21,13	21,95	28,94	25,06	22,32	18,94	17,47	15,87	0,83
Польшу	0,06	-0,02	14,46	12,16	10,83	5,12	8,58	12,26	0,31
Словакию	0,51	0,37	0,60	0,40	0,47	0,57	0,44	0,90	0,02
Чехию	0,13	0,57	0,68	0,23	0,22	0,12	0,04	-0,71	0,01
Всего ППИ	21,83	22,87	44,68	37,85	33,84	24,75	26,53	28,32	1,16

Источник: самостоятельные расчеты на основании данных Национального Банка Республики Молдовы. URL: <http://bnm.md/>, (дата доступа: 10.09.2017).

ляет 90 млн. леев.¹ Венгерская сторона запустила программу «открытие на Восток», которая направлена на укрепление и расширение двусторонних экономических отношений со странами Восточной Европы, региона, в котором у Молдовы приоритетный статус. Кроме того, венгерский коммерческий банк «Eximbank» расширяет финансовые услуги в отношении компаний, которые экспортируют в Молдавию, а также налаживает прямые отношения с коммерческими банками Молдовы для предоставления финансовых инструментов импортерам и предприятиям Молдавии. Кроме того, Правительство Венгрии открыло кредитную линию в размере

¹ Венгрия открыла кредитную линию для экономических агентов Молдовы. URL: <https://point.md/ru/novosti/ekonomika/vengriya-otkrila-kreditnyuyu-liniyu-dlya-ekonomicheskikh-agentov-moldovi>, (дата доступа: 13 октября 2016).

60 млн евро для экономических агентов Молдовы, участвующих в реализации двусторонних проектов.¹

На второй позиции по уровню ПИИ в Молдавии находится Польша. Сегодня в Молдавии согласно данным польского Министерства Развития зарегистрировано 57 предприятий с польским капиталом. Польша инвестирует в основном в перерабатывающую промышленность.² Самым крупным польским инвестором является «Polski Cukier» с количеством вложенных средств более 15 млн долларов США.³ Кроме того на молдавском рынке присутствуют такие известные польские фирмы, как: Фабрика Красок и Лаков «Śnieżka», «Amika Wronki», «Sanitec Koło», «Pruszyński Sp. z o.o», Fabryka Obrabiarek «Rafamet», «Centrozap», «Opoczno-trade», «Philips-Polska», «Volvo-Polska», «Goodyear — Dunlop-Polska», фабрики мебели: «Jarocin», «Kler», «Forte», производители медикаментов, медицинского оборудования, косметики и гигиенических средств: «Polfa», «Polpharma», «Herbapol» и «Famed», сельскохозяйственные фирмы: «Duda» и «Animex», продуктов питания: «Hortex», «Społem» и «Mokate» и транспортной отрасли.⁴ Объем польского капитала, вложенного остальными предприятиями в молдавский рынок, составляет около 500 тыс. долларов США.⁵

Самой новой польской инвестиционной инициативой в Молдавии, начиная с сентября 2017 года, является произ-

¹ Венгрия предоставит 60 млн евро компаниям из Молдовы. URL: http://financialfamily.ru/index.php?s_id=news&e_id=20306, (дата доступа: 12.10.2017).

² Mołdawia. Informacja o stosunkach gospodarczych z Polską. Notatka Departamentu Współpracy Międzynarodowej Ministerstwa Rozwoju z lipca 2016. URL: https://www.mr.gov.pl/media/21638/KW_Moldawia_28_06_2016.pdf

³ Кто главный польский инвестор в Молдове? URL: <http://1news.md/economica/33276-kto-glavnyy-polskiy-investor-v-moldove.html>, (дата доступа: 16 июня 2017).

⁴ Możliwości inwestycyjne a klimat gospodarczy w Republice Mołdawii, cz. IV. URL: <http://www.institutintl.pl/pl/aktualnosci/item/520-mozliwosci-inwestycyjne-a-klimat-gospodarczy-w-republice-moldawii-cz-iv>, (дата доступа: 10 марта 2014).

⁵ Mołdawia. URL: http://rig.katowice.pl/files/Wspolpraca_Międzynarodowa/19.Moldawia.pdf, (дата доступа: 15.10.2017).

водство вакуумных солнечных батарей. В проекте технологического трансфера под названием «Укрепление локальных возможностей по производству солнечных батарей» кроме польской фирмы Makroterm, в проекте участвует местный производитель — фирма Raut, Молдавское Агентство Энергетической Эффективности и международная организация UNIDO (являющаяся органом ООН по вопросам промышленного развития).¹

В Молдове уже действуют 53 компании с чешским капиталом, инвестиции составляют 6 млн долларов.² Чехия готова оказывать Молдавии помощь для внедрения современных технологий в области сельского хозяйства, реализации секторальных реформ, в области строительства и регионального развития. В 2014 году Чехия предоставила Молдавии 600 тыс. долларов США на создание реестра виноградарства и виноделия страны.³

Словацкие прямые иностранные инвестиции в Молдавии невелики. Самым крупным словацким инвестором в Молдавии является фирма «АРМ» занимающаяся производством покрытий для автомобилей.⁴

Основные мотивы инвестирования в молдавскую экономику стран В4 заключаются в следующем:

— геополитическое положение Республики Молдова, являющейся прямым коридором к рынкам стран СНГ и Евросоюза;

¹ Sieroń A. Makroterm wspiera produkcję kolektorów słonecznych w Mołdawii. URL: <https://polskiprzemysl.com.pl/wiadomosci/prozniowa-technologie-solarna/>, (дата доступа: 12 октября 2017).

² Молдова и Чехия углубят торгово-экономические отношения. URL: http://www.noi.md/ru/news_id/221186, (дата доступа: 10 мая 2017).

³ Молдова и Чехия активизируют экономические отношения. URL: <http://www.ipn.md/ru/economie-business/62037>, (дата доступа: 22 мая 2014).

⁴ Аксёничкова А. Иностранные инвестиции: ситуация в Молдове. URL: <http://brw.md/inostrannye-investitsii-situatsiya-v-moldove/>, (дата доступа: 24 января 2017).

— членство в СЕФТА (Соглашение о Свободной торговле в Центральной Европе) и ВТО (Всемирной торговой организации);

— зона свободной торговли с Европейским Союзом;

— участие в конвенции об избежании двойного налогообложения с 36 странами;

— существование 7-и свободных экономических зон (СЭЗ), а также международного свободного порта «Джурджулешть» и международного свободного аэропорта «Мэркулешть»;

— привлекательный, щадящий для инвесторов режим налогообложения, в том числе нулевая ставка подоходного налога для компаний;

— плодородные почвы — 80% территории страны составляет чернозем;

— наличие образованной, владеющей несколькими языками, в некоторых случаях квалифицированной и более дешевой рабочей силы, способной быстро обучаться и адаптироваться к новым условиям труда;

— узкий рынок сбыта, и в тоже время низкий уровень конкуренции;

— готовность властей к сотрудничеству.

Страны Вишеградской Группы тесно сотрудничают с Молдавией и в полной мере поддерживают стремления республики по приближению к Европейскому Союзу. Молдавия, как страна, вовлеченная в программу «Восточного Партнерства», во внешней политике стран В4 занимает приоритетное место. Следовательно, тесные политические отношения начали перетекать в деловые интересы. Молдавия заключила Соглашение об ассоциации с Европейским Союзом, а это означает, что широко понимаемое экономическое сотрудничество между Вишеградской группой и Молдавией будет все более тесным. Представленные выше статистические данные об объемах взаимного товарооборота и прямых иностранных инвестиций

в экономику Молдавии в ближайшем будущем будут определяться растущей динамикой. Способствовать этому будут: предоставляемые Молдавией условия сотрудничества с внешними партнерами, наработанный в предыдущих годах опыт совместного сотрудничества и полученные друг о друге знания.

Karolina Kotulewicz-Wisinska

FOREIGN ECONOMIC RELATIONS OF THE VISEGRAD GROUP AND THE REPUBLIC OF MOLDOVA

The article is dedicated to the problem of economic cooperation between the countries of the Visegrad Group and the Republic of Moldova in the period 2007–2016. The main thesis is that the program of the «Eastern Partnership» and the conclusion of an association agreement with the European Union on association with the EU, contributes to strengthening economic cooperation between the countries of the Visegrad Group and Moldova. This is confirmed by the statistical data of the trade turnover and foreign direct investments given in the article.

Michal Vit¹

COOPERATION FRAMEWORK BETWEEN THE CZECH REPUBLIC AND V4 TOWARDS WESTERN BALKAN

From the perspective of post-communist country, region of Western Balkan (further as WB) was and still is of the high priority for the Czech foreign policy. Considering the long term emphasis of foreign policy on democratic transition of former communist countries and being based on cultural and geographical closeness, WB region is of a natural interest for Czech foreign policy on both bilateral and European level. Nevertheless, after the Czech Republic joined the EU, there was constant decline of political interest towards this region. This fact has two explanations: firstly, it is generation change of those who brought the Czech Republic to the EU and understood that the EU integration process is primarily transformative tool. Secondly, the WB was dismissed from the political agenda of the EU level after the EU enlargement in the 2004 and 2006. Due to these facts past decade since 2006 was a time of severe political turbulences within the EU, and the contribution of the Czech Republic to the EU enlargement aims was rather limited.²

As it was mentioned above, rhetorically Western Balkan remains a priority of the Czech foreign policy, on practise we see constant decline of political support towards this dimension of the Czech establishment. After the 2017 general election, only two political parties explicitly mentioned EU enlargement towards WB as a key element of the Czech foreign policy. Nevertheless, both KDU-ČSL (Christian Democratic Party) and TOP 09 barely entered the parliament gaining less than 6% of electoral support. In the current composition of Lower Chamber of the parliament, there is not any member of parliament declaring among his/her priorities

¹ Вит Михал — научный сотрудник чешского аналитического центра EUROPEUM.

² Different perspective can be found here: <http://www.iir.cz/article/ceska-republika-s-szbp-sbop-od-pasivni-absorpce-k-aktivni-transformaci-ceske-zahranicni-politiky>

the EU enlargement towards WB region as such. This picture of a real state of affairs could be completed by the fact that among the political leadership of the Ministry of Foreign Affairs,¹ there could not be detected any strong sign for political cooperation with this region. If we analyse the political priorities of the current Czech government composed of ANO Movement and ČSSD (social democrats) with tolerance of KSČM (communist party), than there is also missing any specific emphasis towards WB.²

This development might be particularly dangerous in context of rising complexity of international politics in the territory of WB. Rising interest of China, Gulf countries as well as unclear aims of Russia in the region obviously trying to replace or to become complementary to the already existing presence of the EU countries and the US. This statement requires solid knowledge of the current political development as well as of political and economic interest towards the WB region. It also means that there is only limited analytical ability to distinguish relevant and rather rhetorical involvement of above mentioned countries. However recently published analysis of Bulgarian think tank Centre for the Study of Democracy shows in multiple cases significant involvement of Russia and Russian financial capital in economic structures of individual Balkan countries.³ This is the case mainly of petroleum industry⁴ and in some areas also railway system and few single projects such as coal power plants.⁵

¹ See more details here: <http://www.iir.cz/article/ceska-republika-s-szbp-sbop-od-pasivni-absorpc-k-aktivni-transformaci-ceske-zahranicni-politiky> https://www.mzv.cz/jnp/cz/zahranicni_vztahy/analyzy_a_koncepce/koncepce_zahranicni_politiky_cr.html

² Details can be found here: <https://www.vlada.cz/cz/jednani-vlady/programove-prohlaseni-vlady-162319/>

³ For more details see: <http://www.csd.bg/artShow.php?id=18228>

⁴ Such as involvement of Gazprom company in NIS company more details here: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2016-02-24/gazprom-neft-s-nis-sees-difficult-2016-as-cheap-oil-hurts-profit> and more details here: <http://www.balkaninsight.com/en/article/russia-investments-face-losses-in-bosnia-04-16-2018>

⁵ Examples of presence of Russia in Balkans here: NIS and Gazprom cooperation <https://www.ekapija.com/en/news/1686151/nis-and-basf-sign-agreement-on-cooperation-aiming-to-improve->

At the same time, there are several indicators that real and economic presence of Russia in WB does not correspond the very vocal fears of de facto Russian presence in the region.¹ This underline the fact that it is hard to determine any comprehensive strategy of Russia towards WB region. However, the rhetorical interest aims to create imagination that such a policy exists and is being very effectively executed. In this context, it is important to add that there is significant lack of interest and knowledge of such an important economic stakeholder in the WB region as China. Given the fact that China continuously develops its activities and to some extent also soft power in Central and East European region, the interest towards China is very limited. Since China is engaged in Central European countries in both high level political projects and through private joint ventures in private capital, there should be also interest to analyse what China's involvement means for WB. At this point, one very important element should be underlined: China is synonym for real money that local political elites will benefit from.² This is something that limits Visegrad involvement significantly and therefore seeks different framework of rather political cooperation. Nevertheless, this cooperation will never become crucial for WB countries in order to be motivation for economic and political reforms.³

Hand in hand with migrant crisis the need for finding new modus operandi with WB countries became necessary. Starting from day to day business like protection of the borders or boosting

oil-lubricant power plant Ugljevik in Bosnia <https://seenews.com/news/comsar-energy-past-deadline-to-find-contractor-to-build-ugljevik-3-tpp-in-bosnia-report-572856> or involvement of Russian railways in construction of railway between Novi Sad and Stara Pazova here <https://www.ekapija.com/en/news/1940879/new-annex-to-russian-loan-for-stara-pazova-novi-sad-railway-worth>

¹ See solid analysis of Russian presence in the region here: <http://carnegie.ru/2017/12/12/ru-pub-74975>

² More details here: <http://www.europeum.org/articles/detail/1677/the-good-the-bad-and-the-ugly-chinese-influence-in-the-western-balkans>

³ For better context see <http://www.balkaninsight.com/en/article/china-s-balkan-gifts-come-with-strings-attached-03-19-2018> or here http://www.ecfr.eu/publications/summary/do_the_western_balkans_face_a_coming_russian_storm

political cooperation such as very frequent visits of Czech political representatives in Macedonia starting from 2015.¹ Beginning with 2014 the scope of security affairs cooperation has significantly increased — not just as a matter of bilateral cooperation but also as joint regional approach of V4 towards Western Balkans.² Beyond police cooperation there has been strategy adopted in the 2013 summarizing Czech foreign policy towards Western Balkan. Its main scope of interest focus on correlation of the Czech foreign policy with goals of the EU enlargement policy tackling such directions as increasing rule of law, economic cooperation, activities of civil society as well as assistance provided through Czech Development Agency (as an institution of Ministry of Foreign Affairs of the Czech Republic).³ The overall political strategy of the Czech Republic towards Western Balkan became part of political and economic initiative of Germany launched in the 2014 under title Berlin Process. The Czech Republic hand in hand with other V4 countries has accommodated the foreign policy strategy its policy within framework of Berlin Process supporting political and economic assistance to Western Balkan countries.⁴

When it comes to economic cooperation between WB and Czech Republic as a spillover of integration and mutual cooperation, one should be aware of the following: despite proclaimed political support based on shared cultural similarities, there exist only very limited economic exchange for example only 1% of the Czech export heads to Serbia.⁵ Just for illustration, the Czech

¹ See for example <https://domaci.ihned.cz/c1-65216850-cesko-posle-sto-milionu-na-pomocemim-postizenych-migraci-prvnich-20-milionu-ziska-recko-a-makedonie>

² Details here: <https://europeanwesternbalkans.com/2017/10/11/visegrad-group-supports-eu-membership-bid-western-balkans/>

³ More details here: https://www.mzv.cz/representation_brussels/en/news_and_media/czech_aid_for_western_balkan_countries.html

⁴ See more details here: https://www.mzv.cz/jnp/cz/zahranicni_vztahy/cr_v_evrope/zapadni_balkan/index.html

⁵ See more details here: <http://www.businessinfo.cz/cs/zahranicni-obchod-eu/teritorialni-informace-zeme/srbsko.html>

Export Bank (EGAP) evaluate potential investments of private sector in Bosnia and Herzegovina and no eligible for insurance.¹ In addition to this, no significant investment of the Czech companies has been executed in past years. The Czech energy concern ČEZ has recently withdrawn its investments in Albania and Bosnia and Herzegovina and no Czech billionaire had made any investment in the region in the past 5 years.² The only new investment might be considered the takeover of Telenor assets in the region as a part on insurance business of the PPF Group.³ Despite the fact the Czech Development Agency (CDA) operates via projects conducted by private companies in Kosovo, Serbia, and Bosnia and Herzegovina, the overall economic results are under relevant threshold. Projects conducted by CDA target projects like waste management in Serbia and Kosovo. As a follow up of these project, companies often continue their works on projects conducted by local municipalities. These projects are rather low profile with very limited possibility for significant extension and rely on cooperation with public administration. From this perspective, WB region has very little relevancy for the Czech private sector as well as for mutual trade as such. Since there is no specific element of foreign policy strategy towards WB in terms of support of economic exchange, the trade relations remain low.

In this context, V4 cannot compare its' economic attractiveness with Chinese, which means limited transformation strength. This means that mutual relations will be further on based mainly on political cooperation which oscillates between short political goals and latent support of EU integration with vague commitments on both sides. There is very limited rational basis for boosting cooperation between WB and V4 when it comes to eco-

¹ See details here: <https://www.egap.cz/cs/zeme/ba>

² See more details here: <https://www.motejleškocodopole.com/definitivni-rozlucka-cez-v-bosnea-hercegovine-s-prodlouzenou-arbitrazi-o-padesat-milionu-eur/>

³ See details here: <http://www.ceskenoviny.cz/zpravy/ppf-koupila-aktiva-telenoru-ve-ctyrech-zemich-za-71-miliard-kc/1600294>

conomic dimension — WB countries are being locked into well-established system of national oligarchy controlling majority of economic turnout. Naturally expected spill over effect of boosted economic cooperation into political cooperation simply does not work.

It is important to add that political basis of cooperation of V4 with the region of WB is very divergent and driven by short term goals. As migrant crisis showed, political leaders of V4 countries prefer to support local autocratic leaders instead of promoting democratic stability in the region.

Michal Vut

ПРЕДЕЛЫ СОТРУДНИЧЕСТВА ЧЕШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ И ВИШЕГРАДСКОЙ ЧЕТВЕРКИ С ЗАПАДНЫМИ БАЛКАНАМИ

В работе рассматривается степень заинтересованности стран Вишеградской четверки в сотрудничестве со странами Западных Балканах с фокусом на Чешскую республику. Прежде всего, обращается внимание на экономические отношения, которые противопоставляются политическим заявлениям, и поэтому менее привлекательны в вопросе активизации политического сотрудничества, способствующего успехам в процессе европейской интеграции. Автор также указывает на то, что Китай в современном научном дискурсе в должной степени не анализируется как решающий фактор политического и экономического развития современных Западных Балкан.

*Павел Кандель*¹

ЗАПАДНЫЕ БАЛКАНЫ МЕЖДУ «СТАРОЙ» И «НОВОЙ ЕВРОПОЙ»

Достаточно сопоставить два документа: последний «Евробарометр»² и новейшую Стратегию ЕС по Западным Балканам («Перспективы доверительного расширения и активизации взаимодействия ЕС с Западными Балканами»)³, чтобы увидеть проблему, обозначенную в заголовке. Целью Стратегии провозглашено расширение Евросоюза в этом регионе. Между тем осенью 2017 г. его поддерживали 42% граждан Евросоюза, а 47% — выступали против. При этом наибольшее число сторонников расширения в государствах Центральной и Юго-Восточной Европы, а противников — в странах Западной Европы. Скажем, в ФРГ, которая является одним из главных инициаторов новой балканской стратегии ЕС, за расширение — лишь 28%, тогда как против — 63%. И хотя принятие новой Стратегии вроде бы должно свидетельствовать о едином подходе к идее расширения, в действительности лидеры государств западной и восточной части Союза относятся к увеличению числа новых членов с разной степенью энтузиазма и готовности, преследуя далеко не совпадающие цели. Для Брюсселя и западноевропейских лидеров основной мотив потенциального расширения — внешнеполитический. Неопределенный по времени финал этого процесса обуславливается полным выполнением странами-кандидатами предъявляемых требований, а един-

¹ Кандель Павел Ефимович — к. и. н., ведущий научный сотрудник Института Европы РАН.

² Standard Eurobarometer 88. Nov. 2017. URL: <http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Survey/getSurveyDetail/instruments/STANDARD/surveyKy/2143>

³ A credible enlargement perspective for and enhanced EU engagement with the Western Balkans. URL: https://ec.europa.eu/commission/publications/eu-western-balkans-strategy-credible-enlargement-perspective_en

ственная в документе конкретная дата — 2025 г., как срок возможного приема в ЕС Сербии и Черногории, считается лишь примерным ориентиром и стимулом. Расширение рассматривают как «геополитическую инвестицию», призванную закрепить за ЕС важный геополитический и геоэкономический перекресток, оградив его от растущего влияния соперников и конкурентов. Список таковых варьируется исходя из вкусов и конъюнктуры, но в нем обычно значатся Россия, Китай, Турция, Саудовская Аравия, Катар, ОАЭ. Для политиков из Центральной и Юго-Восточной Европы мотивация скорее «внутрисоюзная»: балканское расширение прирастит «Новую Европу» за счет «Старой», а потому они призывают поспешить с приемом новых членов.

У стран «Новой Европы» довольно противоречивая позиция. С одной стороны, они решительно против «Европы двух скоростей», о чем совместно заявляли неоднократно. С другой, они категорически не согласны следовать нынешней миграционной политике ЕС и проявлять солидарность с Западной Европой. На фоне нарастающих противоречий со «старой Европой» вырисовывается угроза, а для кого-то желательная перспектива, создания внутри Евросоюза некоего неформального «мини-ЕС» или «расширенной Вишеградской группы», что объективно нанесет удар сплоченности Евросоюза и приведет как раз к тому разлому на «две Европы», которого вроде желали бы избежать. Наиболее популярны идеи нового формирования внутри ЕС в Варшаве, (где они больше известны под названием «Троеморье» или «Междуморье»), куда относят государства Центральной и Юго-Восточной Европы, включая Прибалтику и экс-Югославию). Проект идеально соответствует вековой польской мечте о лидерстве в ЦВЕ и консолидации региона для противостояния России и повышения собственного удельного веса в отношениях с Брюсселем и Вашингтоном.

Так, лидер правящей в Польше партии «Право и справедливость» Я. Качиньский заявил, что главная задача внешней политики Польши — укрепление влияния страны на международной арене за счет создания надежных региональных связей в рамках Вишеградской группы и инициативы Междуморья: «Речь идет... о создании таких политических конструкций в Центральной и Восточной Европе, которые будут укреплять эту позицию».¹

Формально проект «Троеморья» был запущен Хорватией в 2015 г. с целью координации газораспределительных и газотранспортных мощностей с участием Хорватии, Чехии, Венгрии, Словакии, Словении, Болгарии, Румынии, Эстонии, Латвии, Литвы и Польши. Он призван ослабить зависимость Европы от российского газа и служить одной из альтернатив «Северному потоку-2» и «Турецкому потоку». На самом деле инициатива Загреба является попыткой реализации идей, изложенных еще в сентябре 2014 г. Атлантическим советом в докладе «Формируя Европу: от коридора Север-Юг к энергетическому, транспортному и телекоммуникационному союзу». «Американские уши» данной затеи видны уже из того, что сама Хорватия (принятая в ЕС в 2013 г. с «мусорным» рейтингом «по протекции», семь лет находившаяся в рецессии, и в 2016 г. с трудом выходящая из политического кризиса) просто не имела такого экономического и политического веса, а ее недавно избранный президент такого авторитета, чтобы собрать столь многочисленных партнеров. Между тем, 25–26 августа 2016 г. в хорватском Дубровнике состоялся первый официальный форум участников «Инициативы трёх морей» — «Укрепление Европы: соединяя Север и Юг». Форум собрал представителей 12 стран-членов Европейского союза (Австрии, Болгарии, Венгрии, Латвии, Литвы,

¹ ИТАР-ТАСС. «Пульс планеты. Европа». 14.11.2017.

Польши, Румынии, Словакии, Словении, Хорватии, Чехии, Эстонии), а также Албании, Македонии, Черногории, Косово, Турции, Китая и США. 6–7 июля 2017 г. в Варшаве состоялась вторая встреча участников «в верхах», которую почтил присутствием и благословил Д. Трамп. Американское одобрение концепции «Троеморья» вполне соответствует курсу на диверсификацию источников энергоснабжения региона и Европы в целом за счет наращивания поставок сжиженного газа из США. Полезна Вашингтону и эксплуатация антироссийских страхов и фобий в регионе для укрепления восточного фланга НАТО и наращивания государствами региона оборонных расходов. Усиление проамериканского лобби внутри ЕС как инструмента давления на Брюссель и Берлин, хоть и не декларируется прямо, но наверняка встречается с сочувствием в США.

Между тем, «Троеморье» включает в себя страны с очень разными экономическими и политическими интересами. В его составе и государства, входящие в еврозону, и те, кто к ней не принадлежат, члены «Шенгена» и пока не допущенные туда. Страны «Троеморья» не одинаково видят политику ЕС в отношении России. Вместе с тем очевидно, где наблюдается совпадение интересов многих стран региона и возможные их ситуативные альянсы по ряду проблем. Все они занимают единую негативную позицию по отношению к миграционной политике Брюсселя, достаточно высока их степень солидарности в вопросе об укреплении восточного фланга НАТО, все страны региона (да и вне его) соперничают за внимание Пекина, который и будет выбирать предпочтительных партнеров. Но лидерские претензии Польши и действия ее властей, задорно умножающих число конфликтов с Брюсселем и Берлином, не вызывают энтузиазма в Чехии, Словакии и Словении. За смягчение или отмену антироссийских санкций, кроме этих 3 стран, выступает и Венгрия. Стоит добавить,

что Словению и Хорватию разделяет до сих пор не законченный спор о морской границе в Пиранском заливе. Любляна, в отличие от Загреба, дорожит экономическими связями с Россией. При общей наклонности правящих партий Польши, Венгрии и Хорватии к «культурной контрреволюции» и националистической риторике, и стремлении на этой основе «навести мосты» к Вене, распространение опыта «Вишеградской четверки» на весь регион от Балтики до Адриатики вряд ли реализуемо.

Примечательна в этой связи встреча руководителей Венгрии и Австрии. Венгерский премьер В. Орбан заявил, «что в ближайшие 10 лет необходимо усиливать успешное развитие Центральной Европы, чтобы этот регион внутри ЕС играл решающее значение». Констатируя, что участники Вишеградской четверки не хотят расширять ее, он назвал «Вишеградскую группу плюс» подходящим форматом для развития отношений с Австрией. Австрийский канцлер С. Курц добавил: любые разговоры о возможном присоединении Вены к этому объединению фигурируют только в средствах массовой информации.¹ Однако, Вена не только решительно воспротивилась строительству АЭС «Пакш» в Венгрии, но и предложила сократить в новом бюджетном плане ЕС на 2021–27 гг. средства из европейских фондов таким нетто получателям как Венгрия и Польша.² Подобный подход явно встретит сочувствие и других доноров ЕС: ФРГ, Франция, Италия, Нидерланды, Швеция, Бельгия, Дания и Финляндия. Так, Германия предложила пересмотреть подход к распределению общеевропейского бюджета: средства «структурных и инвестиционных» фондов должны направляться правительствам тех стран, которые «взяли на себя

¹ Там же. 30.01.2018.

² Bundeskanzler Kurz will EU-Mittel für Osteuropa kürzen. URL: <https://derstandard.at/2000073542675/Bundeskanzler-Kurz-will-EU-Mittel-fuer-Osteuropa-kuerzen>

ответственность за прием и интеграцию мигрантов», а также обусловить субсидии тем, насколько государство «соблюдает фундаментальные принципы верховенства права»,¹ против чего, естественно, поспешили выступить Польша, Венгрия и Румыния, которые подвергаются Брюсселем критике именно по этому вопросу. Председатель Еврокомиссии Ж.-К. Юнкер вообще предположил, что придется урезать две самые капиталоемкие европейские программы: общую аграрную политику и политику сбалансированного развития регионов.² В свою очередь прибалтийские республики призывали ЕС запланировать необходимые средства для успешной реализации многосторонних инфраструктурных проектов в своем регионе, для выравнивания дотаций фермерам Западной и Восточной Европы, на продолжение финансирования вывода из эксплуатации Игналинской АЭС в Литве, а также на охрану внешних границ ЕС и новые вызовы безопасности в кибернетической и информационной сферах.³

Все это предвещает ожесточенную схватку за бюджет, которой обычно и сопровождается его принятие. В поединке между «Старой» и «Новой» Европой за финансовые ресурсы Стратегия ЕС для Западных Балкан рискует оказаться жертвой. Парадоксальная ситуация, при которой члены Евросоюза-реципиенты помощи числятся пылкими приверженцами его расширения, может смениться на противоположную. Когда потребуются пересмотреть размеры помощи, которую ныне получают из Брюсселя члены ЦВЕ и ЮВЕ, в пользу новых балканских собратьев, и вопрос о расширении перейдет в практическую плоскость, политические мотивы столкнутся с экономическими интересами, и неизвестно: чья возьмет? Тогда и станет ясно: кто в ЕС и насколько действительно готов к расширению.

¹ Там же. 21.02.2018.

² Там же. 23.02.2018.

³ Там же. 15.02.2018.

Pavel Kandel

WESTERN BALKANS BETWEEN «OLD» AND «NEW EUROPE»

The author starts his essay with comparison of two documents. One of them is the last «Eurobarometer» and another is the newest EU Strategy for the Western Balkans. The Strategy aims to expand the EU in this region. But the largest number of supporters of this region are citizens of the states of Central and South-Eastern Europe, and their opponents are in Western Europe. For Brussels and Western European leaders, the main goal of the Strategy is geopolitical one — to secure for the EU an important geopolitical and geo-economic crossroads and to protect them from rivals. For the politicians of Central and South-Eastern Europe the motivation is different and could be characterized as an «intra-union». They consider that the Balkan enlargement will strengthen the «New Europe» at the expense of the «Old» one. The countries of «New Europe» have a rather contradictory approach. They are resolutely against the «Europe of two speeds», nevertheless they do not mind setting up an informal «mini-EU» or an «extended Visegrad group» inside the EU. Objectively, this will hit the EU's cohesion. The author considers that in the battle for the EU budget for 2021–2027 between the «Old» and «New» Europe political motivations of both sides will face their own economic interests. Therefore it will soon become clear: who of EU-countries and to what degree is really ready to expand the European Union.

*Анджей Габарта*¹

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СТРАН ВИШЕГРАДСКОЙ ГРУППЫ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ²

Общность стран Вишеградской группы обусловлена не только культурными, социальными, историческими особенностями, но и экономическими. В XVI веке в период формирования раннекапиталистических отношений в Европе, регионы, находящиеся восточнее реки Эльбы, на территории которых позже сформировались нынешние государства Центральной Европы, выбрали экстенсивный путь развития, базирующийся на дальнейшем ужесточении крепостного права. Впоследствии это стало одним из основных факторов социально-экономического отставания стран региона от ведущих экономик Западной Европы после обретения ими независимости в начале XX в. Другой особенностью, характерной преимущественно для стран Центральной Европы, стал выбор социалистической модели экономического развития после окончания Второй мировой войны.

Несмотря на первоначальные успехи в восстановлении экономики в послевоенный период на основе командно-административных методов регулирования национального хозяйства и проведения индустриализации, страны региона к концу XX века столкнулись с кризисом социально-экономической парадигмы и необходимостью поиска новой социально-экономической модели.

¹ Габарта Анджей Артурович — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Отдела исследований Центральной и Восточной Европы Института Европы РАН, доцент кафедры Мировой экономики МГИМО МИД России.

² *Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 17-07-00016 «Россия и Центральная Европа: проблемы и перспективы взаимоотношений в условиях мирового политического кризиса».*

На протяжении 1990–2000 гг. страны Вишеградской группы были катализатором перемен в своём регионе. За довольно короткий промежуток времени они совершили трансформацию своих политических систем и социально-экономических моделей. Благодаря грамотной экономической политике им удалось в относительно сжатые сроки перейти от социалистической экономической модели к эффективному рыночному хозяйству. Кульминацией их экономических преобразований условно можно считать их вступление в Европейский Союз в 2004 г. Помимо успехов в экономической трансформации, также заслуживает внимания опыт Вишеградской группы в модернизации социальных институтов.¹

В отличие от стран Балтии, где господствует радикальная, неолиберальная парадигма, и Словении, для которой свойственен неокорпоративизм, для стран Вишеградской Европы характерна встроенная неолиберальная модель (*embedded neoliberalism*), заключающаяся в поиске компромисса между рыночным механизмом, элементами патерналистского государства и протекционизмом.

Ощутимое влияние на социально-экономическое развитие оказали два ключевых фактора: желание интегрироваться в европейское интеграционное объединение и приток иностранного капитала.

Ради членства в Европейском Союзе страны Вишеградской Европы вынуждены были заимствовать политические, социальные и экономические институты, сложившиеся в ЕС.

Вступление стран Вишеградской группы в ЕС означало, что трансформация социально-экономических моделей и формирование модели рыночной экономики завершилось. Другое дело, что, несмотря на формальное отнесение их к группе развитых государств на основании признака

¹ Габарта А. А. Опыт региональной интеграции и сотрудничества в рамках Вишеградской группы // Современная Европа. 2015. № 6. С. 77.

рыночности имплементируемой модели, реально формируемые социально-экономические модели вишеградских стран демонстрируют ряд отличий от «идеальной» модели.¹

Отличительной особенностью социально-экономического развития стран Вишеградской Европы является ориентация на внешние источники экономического роста, в результате чего произошла переориентация промышленного производства с внутреннего рынка на внешний. Этим можно объяснить высокий уровень открытости экономик и их вовлечённость в мировое хозяйство, интеграцию промышленного сектора стран данной группы в производственные звенья, прежде всего, европейских ТНК. Другой особенностью является возрастающая зависимость социально-экономического развития данных государств от конъюнктуры мировой экономики и экономических циклов партнёров по интеграционному объединению ЕС, что особенно заметно в периоды экономических кризисов и финансовой нестабильности стран еврозоны.²

Формирование рыночных отношений в странах региона и процессы приватизации проходили более быстрыми темпами, чем формирование класса частных собственников. Поэтому современные бизнес элиты сформировались на основе находящихся у власти технократов, части интеллигентского сообщества и преуспевающих предпринимателей.

В странах Вишеградской группы сложился дуализм экономики, который заключается в существовании двух видов экономических агентов, представленных, с одной стороны, крупными предприятиями, находящимися в руках иностранных ТНК, а с другой стороны, низкопроизводительными отечественными предприятиями. Национальный капитал в стра-

¹ Вишеградская четвёрка в Европейском Союзе: дилеммы конвергенции / под ред. Л. Н. Шишлиной. М., 2017. С. 50.

² Габарта А. А. Особенности внешнейторговой и инвестиционной политики Польши // Современная Европа. 2016. № 6. С. 98.

нах Вишеградской Европы представлен преимущественно малыми и средними предприятиями.

Другой характерной чертой социально-экономического развития стран Вишеградской группы является подчинение экономического развития стран региона интересам ТНК. Особенно значима роль транснационального капитала в экспортных секторах экономики: промышленности и сфере услуг. В отличие от той же Великобритании, где капитал в экономику поступает по каналам фондового рынка, и от стран континентальной Европы, в которых экономические агенты финансируют свою деятельность через банковские займы, основным источником поступления капитала в странах Вишеградской Европы являются инвестиции, осуществляемые крупными иностранными ТНК.

На современном этапе иностранный капитал стал играть первостепенную роль в развитии экономик стран ЦВЕ. В 1993–2016 гг. среднегодовой объём притока прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в страны региона составил более 4,7 млрд долл. в год (4,5% ВВП региона), причём самый высокий показатель среди стран Вишеградской группы был у Польши — 8,9 млрд долл¹.

Объёмы привлечённых ПИИ в национальные экономики значительно увеличились после вступления этих стран в ЕС.

Прямые иностранные инвестиции преимущественно сконцентрированы в так называемом «вишеградском кластере», охватывающем юг Польши, всю Чехию, северо-запад Словакии и северо-восток Венгрии.

Однако, вопрос о влиянии ТНК на эффективность участия стран Вишеградской группы в международном разделении труда остаётся противоречивым.

¹ Рассчитано автором на основе статистических данных ЮНКТАД. URL: <http://unctadstat.unctad.org>, (дата обращения: 30.10.2017).

С одной стороны, размещение зарубежных производств крупных транснациональных корпораций (ТНК) на территории стран региона способствовало формированию производственных цепочек в промышленном производстве, модернизации обрабатывающей промышленности на основе импортных технологий, облагораживанию структуры товарного экспорта, ускорению темпов экономического роста.

С другой стороны, встраивание национальных компаний во внутрифирменную систему взаимоотношений в рамках ТНК ставит развитие торговых отношений в зависимость от политики ТНК. Благодаря притоку ПИИ произошёл трансфер технологий и, как результат, повысился среднетехнологический уровень производимой продукции. Но это не оказало почти никакого влияния на другие отрасли экономики. Связь между крупными предприятиями, которые являются филиалами зарубежных ТНК, и национальными производителями остаётся слабой.

Таким образом, экономики стран ЦВЕ поставлены в подчинённое положение интересам крупных ТНК. Их несамостоятельность выражается в зависимости от принятия решений транснационального капитала. В странах региона сформировалась очень специфическая структура корпоративного управления. Ключевые решения принимаются в штаб-квартирах крупных иностранных компаний, которые затем спускаются в филиалы ТНК, расположенные в странах региона¹.

Под влиянием ТНК страны Вишеградской Европы специализируются на производстве сложных товаров длительного пользования, используя при этом квалифицированную и недорогую рабочую силу.

¹ Глинкина С.П. К вопросу о разнообразии моделей капитализма, или что мы построили в результате трансформации: доклад. М.: Институт экономики РАН. 2016. С. 22.

Другой чертой стран Вишеградской группы является наличие неформальных институтов, коррупция, nepoтизм при назначении менеджеров и госслужащих на высокие должности в госсекторе и органах государственной администрации.

Несмотря на формальное перемещение в группу развитых государств, экономикам данных стран присущ ряд проблем, среди которых необходимо отметить низкий уровень доходов, относительно высокий уровень безработицы, а также наличие диспропорций в структуре занятости по сравнению со «старыми странами ЕС» (ЕС-15).

Таблица 1. Основные макроэкономические показатели стран Вишеградской группы, %

	2016 г.	2017 г.*	2018 г.**	2019 г.**
Польша				
Прирост ВВП	2,9	4,2	3,8	3,4
Норма безработицы	6,2	5,0	4,2	4,0
Государственный долг по отношению к ВВП	54,1	53,2	53,0	53,0
Баланс государственного бюджета по отношению к ВВП	-2,2	-2,1	-2,3	-2,5
Чехия				
Прирост ВВП	2,6	4,3	3,0	2,9
Норма безработицы	4,0	3,0	2,9	2,9
Государственный долг по отношению к ВВП	36,8	34,6	33,3	32,5
Баланс государственного бюджета по отношению к ВВП	0,9	0,8	0,4	0,1
Словакия				
Прирост ВВП	3,3	3,3	3,8	4,0
Норма безработицы	9,7	8,3	7,4	6,6
Государственный долг по отношению к ВВП	51,8	50,6	49,9	47,2
Баланс государственного бюджета по отношению к ВВП	-2,0	-1,6	-0,2	-0,6
Венгрия				
Прирост ВВП	2,2	3,7	3,6	3,1
Норма безработицы	5,1	4,2	4,0	4,0
Государственный долг по отношению к ВВП	73,9	72,6	71,5	69,4
Баланс государственного бюджета по отношению к ВВП	-2,0	-3,2	-3,6	-3,5

* Оценка.

** Прогноз.

Источник: European Economic Forecast. — Spring 2017. — P. 79, 107, 115, 123.

Социально-экономическое развитие стран Вишеградской группы в 1991–2016 гг., несмотря на наличие общих черт с другими развивающимися странами, имеет целый ряд отличий, которые позволяют выделить их в отдельную группу.

Структура экономик стран Вишеградской группы отличается от показателей развитых стран. Доля сельского хозяйства в большинстве стран региона выше, чем в развитых странах и составляет около 3%, причём самый высокий показатель в Венгрии — 4,3%, а самый низкий в Чехии — 2,6%. Удельный вес сферы услуг в формировании ВВП также достаточно мал по сравнению со странами ЕС-15 и, в среднем, по данному региону составляет 63%. Высокая доля промышленности (около 33%) свидетельствует о незавершенности стадии перехода их экономик к постиндустриальному обществу.¹

Структура занятости в странах Вишеградской группы также отличается от стран ЕС-15. Средний показатель занятости в сельском хозяйстве среди стран региона составляет около 6% занятого населения, причём самый высокий показатель в Польше — 12,6%. В промышленности стран региона трудится около 34% населения данных стран, самый высокий показатель отмечен в Чехии – 38%. В сфере услуг занято 60%. Самый высокий показатель занятых в этой области у Венгрии – 65%. Диспропорция между вкладом отдельных отраслей экономики в создание ВВП и уровнем занятости в них говорит о недостаточной эффективности экономик стран Вишеградской группы.²

Слабой стороной стран Вишеградской группы является относительно низкий уровень доходов населения, который почти в два раза меньше, чем средний показатель для стран

¹ Габарта А. А. Опыт региональной интеграции и сотрудничества в рамках Вишеградской группы // Современная Европа. 2015. № 6. С. 79.

² Рассчитано автором на основе статистических данных Всемирного банка. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/> (дата обращения: 30.10.2017).

ЕС-28. В 2004 г. ВВП на душу населения, посчитанный по паритету покупательской способности, в странах региона составлял около 61% от общеевропейского показателя – около 16 тыс. долл. США. К 2016 г. странам Вишеградской группы удалось незначительно сократить разрыв. Подушевой ВВП стран региона составлял около 75% от общеевропейского показателя – более 30 тыс. долл. США.¹

Страны Вишеграда занимают схожие места в международных рейтингах. В странах группы очень высок уровень человеческого развития (средний показатель ИЧР для региона составляет — 0,85). Если проанализировать составные элементы данного индекса, то средняя ожидаемая продолжительность жизни в странах региона составляет 77 лет, совокупный показатель ожидаемой продолжительности обучения — 11,8 лет, средняя величина ВНД на душу населения по ППС — 25,1 тыс. долл. США. Из вышеупомянутых показателей у стран Вишеградской группы низок только последний — уровень доходов населения.² Степень расслоения общества в странах Вишеградской группы не очень велика (средний коэффициент Джини составляет 0,3).³

По лёгкости ведения бизнеса (рейтинг «Doing Business 2017» Всемирного Банка) страны Вишеградской четвёрки расположились в первой половине рейтинга и, за исключением Венгрии, занимают достаточно высокие места: Польша — 24, Чехия — 27, Словакия – 33, Венгрия – 41. Такое положение дел свидетельствует о высокой степени зрелости и конкурентоспособности экономик стран региона.⁴

¹ Там же.

² Рассчитано автором на основе статистических данных Программы развития ООН (ПРООН). URL: <http://hdr.undp.org/en/content/table-1-human-development-index-and-its-components/> (дата обращения: 30.10.2017).

³ Там же.

⁴ Рассчитано автором на основе статистических данных Всемирного банка. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/> (дата обращения: 30.10.2017).

Согласно методологии, изложенной в докладе «Глобальная конкурентоспособность», публикуемой Всемирным экономическим форумом, страны Вишеградской группы находятся на этапе перехода от стадии экономики, движимой эффективностью, к стадии, движимой инновациями. Это означает, что для увеличения конкурентоспособности национальных экономик, странам региона уже недостаточно достигнутых ими высоких показателей в системе высшего образования, наличия эффективного товарного рынка, рынка труда, развитого финансового рынка. Дальнейший рост конкурентоспособности может быть достигнут только за счёт развития инноваций и новых технологий и их внедрения в национальные хозяйства. В последние два десятилетия в большинстве стран региона основой экономического роста было промышленное производство. Приток иностранного капитала в реальные секторы экономики в сочетании с дешёвой и квалифицированной рабочей силой способствовали росту эффективности и производительности промышленных производств. Однако, в долгосрочной перспективе использование «ценовой конкуренции» в сочетании с низким налоговым бременем как фактора экономического роста невозможно. Страны Вишеградской группы уже достигли своего предельного уровня. Дальнейшее развитие экономики и её рост представляется возможным только при условии перехода к экономике, основанной на знаниях, росте доли наукоёмких производств в структуре промышленности. Согласно докладу «Глобальная конкурентоспособность», только Чехии удалось перейти к стадии экономики, движимой инновациями.¹

В странах Вишеградской Европы сложилась очень своеобразная система участия в международном обмене знаниями. С одной стороны, приход ТНК в страны региона означает

¹ Польша: политика, экономика, общество / Воротников В. В., Габарта А. А., Дымщиц Н. С., Лесная Г. М., Мальгин А. В. М., 2016. С. 79.

трансферт знаний, необходимый для запуска своих предприятий, с другой стороны, разработка новых, передовых технологий остаётся в странах своего базирования. Таким образом, доступ к новым технологиям ограничен. Их трансферт происходит только в рамках подразделений ТНК, не оказывая существенного воздействия на местные инновационные центры.

Страны Вишеградской Европы после 2004 г. стали экспортерами квалифицированной рабочей силы. Основной причиной оттока рабочей силы стали диспропорции в социально-экономическом развитии этой группы стран по сравнению со «старыми» членами ЕС (ЕС-15), проявившиеся в уровне доходов населения. Другой важной причиной трудовой миграции стал высокий уровень безработицы.¹

Отток рабочей силы оказал воздействие на рынок труда и занятость в странах региона.² Из-за отъезда квалифицированной молодой рабочей силы стал наблюдаться её дефицит. Это негативно сказывается на модернизационном потенциале стран, ухудшается качество рабочей силы, а как следствие, замедляются темпы экономического роста.

В последнее время всё более актуальным становится вопрос о завершённости формирования социально-экономических моделей на либеральной основе. Победа консервативно-популистских сил на выборах в странах Вишеградской Европы ставит это утверждение под сомнение.

Победа партий «Право и Справедливость» в Польше, «ФИДЕС» в Венгрии и «Акции недовольных граждан» в Чехии свидетельствует о несогласии большей части общества на продолжение прежнего, неолиберального кур-

¹ Воротников В.В., Габарта А.А. Влияние трудовой миграции на социально-экономическое развитие Польши и стран Прибалтики // Современная Европа. 2016. №6. С. 126.

² Габарта А.А., Дрыночкин А.В. Экономика стран Вишеградской группы: учеб. пособие / А.В. Дрыночкин, А.А. Габарта. М.: МГИМО-Университет. 2018. С. 244.

са в национальном хозяйстве. Вышеупомянутые политические силы ставят под сомнение экономические достижения последних 25 лет.

Сложившаяся в период трансформации социально-экономическая модель, в рамках которой индивидуализм превратился в инструмент идеологического оправдания экономической политики новой элиты власти, а устоявшиеся в обществе ценности, рассматривались политическими элитами как второстепенные, изжившие себя пережитки прошлого, вызывает в обществе отторжение.

В странах Вишеградской группы необходимо преодоление изъянов неолиберальной парадигмы, и, прежде всего, «космополитического капитализма», который оставил за бортом многие слои общества. Победившие в последнее время консервативно-популистские силы декларируют желание избавиться от модели зависимого рыночного капитализма. Ставится цель переместить акцент в социально-экономическом развитии с внешних факторов на внутренние, а также покончить с зависимостью и подчинённым положением по отношению к транснациональному капиталу. Реализации этих амбициозных целей планируется достичь через усиление отечественных, а зачастую государственных компаний в экономике стран региона. Предполагается повысить конкурентные преимущества отечественного капитала через повышение налогообложения иностранных банков и крупных розничных сетей. Консервативно-популистские партии очень настороженно относятся к брюссельской бюрократии и её инициативам. С большим скептицизмом воспринимаются идеи дальнейшего углубления и передачи прав наднациональным органам в рамках европейского объединения.

Консервативно-популистские партии стремятся уделять большое внимание социальным аспектам развития общества. Для нивелирования социальных диспропорций, а так-

же для поддержки семейной политики всё бóльшие средства перераспределяются посредством государственных бюджетов.

Немногим более 25 лет – это очень короткий промежуток времени для того, чтобы утверждать, что в странах Вишеградской группы окончательно сформировалась своя уникальная социально-экономическая модель. Автор склонен утверждать, что процесс формирования всё ещё продолжается.

Andrzej Habarta

CHARACTERISTIC FEATURES OF MODERN SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE VISEGRAD GROUP COUNTRIES

The article covers the problem of special characteristics of social and economic development in the countries of the Visegrad Group at the present time. In a rather short period of time the countries of the region transformed their political systems and socio-economic models. Their accession to the EU in 2004 is conventionally considered as the culmination of their economic transformation.

A distinguishing feature of the social and economic models of the countries of the Visegrad Group is their orientation towards external resources of economic growth during the past 30 years resulting in reorientation of the industrial production from domestic market to the external one.

There has established a dualism of economy in the Visegrad states. It implies the existence of two types of economic agents that are represented, on the one hand, by large-scale corporations which are in the hands of foreign transnational corporations and, on the other hand, by low productive national companies.

Despite the formal displacement to the group of developed countries, various problems are inherent in the economies of that region, including low income, relatively high unemployment rate and maladjustments in the structure of employment in comparison with «the old countries of the EU».

*Егор Сергеев*¹

ДИНАМИКА ОСНОВНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ФИСКАЛЬНЫХ СИСТЕМ СТРАН ВИШЕГРАДСКОЙ ГРУППЫ В ПОСТКРИЗИСНЫЙ ПЕРИОД

Выход из кризиса в странах ЕС сопровождался относительно новой практикой воздействия наднационального фискального регулирования на национальные бюджетные системы. Данная статья представляет обзор основных изменений ключевых показателей налогово-бюджетных систем стран Вишеградской группы (В4) произошедших под воздействием мер наднационального регулирования.

Наднациональное фискальное регулирование в ЕС

Под наднациональным фискальным регулированием в ЕС (аналогом можно считать английский термин *fiscal governance*) автор понимает систему воздействия наднациональных мер на национальную налогово-бюджетную политику. Более подробно данный феномен рассматривается в других работах.² Отметим лишь, что в соответствии с Договором о функционировании Европейского союза (ДФЕС), а также Пактом стабильности и роста (ПСР) страны-члены ЕС должны иметь сбалансированный бюджет (дефицит не должен превышать 3% ВВП, а госдолг — 60% ВВП). В случае невыполнения этих условий Европейская комиссия может инициировать против страны т.н. процедуру чрезмерного дефицита бюджета (ПЧД), которая даже может приводить к санкци-

¹ Сергеев Егор Александрович — преподаватель кафедры мировой экономики МГИМО МИД России

² Сергеев Е. А. Фискальное регулирование в интеграционных объединениях: общая характеристика [Электронный ресурс] // Мировое и национальное хозяйство. 2017. №1. С. 8. URL: <http://mirec.ru/2017-01/fiscal-regulation-in-integration-groupings-general-features> (дата обращения: 12.02.2018)

ям за неисполнение требований по стабилизации бюджета. На практике это означает, что под действием наднациональных требований страна должна осуществить консолидацию национального бюджета.

Проблема воздействия фискального регулирования

Ключевой проблемой при рассмотрении консолидаций бюджета остаётся, конечно, воздействие фискального сжатия на экономический рост. В данной же статье предлагается сосредоточиться на рассмотрении влияния наднациональных требований по осуществлению консолидации бюджета на структуру налогово-бюджетных систем стран Вишеградской четвёрки. Такой анализ представляется необходимым ввиду важности ключевых характеристик, устройства и принципов работы фискальной системы для всей социально-экономической модели страны. В этой связи главным становится вопрос о том, смогло ли наднациональное фискальное регулирование изменить ключевые элементы налогово-бюджетных систем стран Вишеградской группы. Под ключевыми элементами фискальной системы понимается набор из главных показателей, характеризующих её масштабы (доля госрасходов и доходов бюджета в ВВП), общее бремя (налоговая нагрузка как отношение налогов к ВВП, налоговая нагрузка на бизнес и налоговый клин), а также степень дифференциации в рамках группы (произошло ли сближение или отдаление ключевых показателей в рассматриваемой группе). Как представляется, рассмотрение этой совокупности показателей позволит проследить насколько глубоко посткризисная практика фискального регулирования в ЕС смогла повлиять на устройство фискальных систем стран В4. Отметим, однако, некорректность утверждения о том, что изменения в налогово-бюджетных системах стран

В4 объясняются исключительно действием ПЧД. Определённую роль играли и другие факторы (например, общая макроэкономическая конъюнктура), тем не менее действие ПЧД и вынужденная консолидация бюджета представляются ключевыми факторами, поскольку они определяли тренд налогово-бюджетной политики в рассматриваемых странах в 2009–2015 гг.

Процедура чрезмерного дефицита бюджета и страны В4

Европейская комиссия инициировала процедуру чрезмерного дефицита бюджета против стран Вишеградской группы в 2009 г. (одновременно Совет ЕС вынес соответствующие Решения о наличии чрезмерного дефицита), поскольку все государства нарушили критерий дефицита бюджета в рамках Пакта стабильности и роста (3% ВВП). Исключение составила Венгрия, процедура против которой была начата в 2004 г. Тем не менее, в 2009 г. последовала новая Рекомендация Европейской комиссии, которую можно считать новым этапом ПЧД против Венгрии. Не вдаваясь в подробности, отметим, что все страны В4 осуществили консолидации национальных бюджетов в соответствии с наднациональными требованиями. Правда, против Польши и Венгрии было вынесено Решение Совета ЕС о непринятии эффективных мер, что говорит о несоблюдении этими странами указанных сроков для коррекции дефицита. Тем не менее, ПЧД против всех стран В4 были прекращены к 2015 г., а восстановление целевых показателей дефицита было не столько следствием улучшения общей макроэкономической конъюнктуры, сколько активных консолидационных мероприятий.¹ Этот факт говорит о достаточно большом влиянии ПЧД, ведь страны всё же

¹ Комиссарова Ж.Н., Сергеев Е.А. Процедура чрезмерного дефицита бюджета в странах Вишеградской группы // Вестник РУДН. Серия: Экономика. 2018. Т. 26. №2. С. 246–257.

пошли на консолидацию. Как представляется, во многом этому способствовал риск потери поступлений из структурных фондов ЕС (такие санкции предусмотрены в ДФЕС).

Краткий обзор пакетов консолидационных мероприятий приведён в таблице 1. Как видно, основной упор страны В4 делали на изменения в пенсионных системах (Венгрия осуществила полную, Польша — частичную национализацию пенсионной системы; Словакия также изменила соотношение взносов в солидарную и накопительную часть пенсий, Чехия не внесла серьёзных изменений в пенсионную систему), косвенного налогообложения (в основном в сторону

Табл. 1. ПЧД против стран В4

	Период действия ПЧД	Количество решений ЕС	Основные меры консолидации	Объём заявленных мер, % ВВП*
Чехия	2009–2014	1 (о наличии чрезмерного дефицита)	— оптимизация расходов (сокращение социальных, оборонных, сельскохозяйственных, региональных расходов) — увеличение косвенного налогообложения	4,9
Венгрия	2004–2013	2 (о наличии чрезмерного дефицита и о неприятии эффективных мер)	— полная национализация пенсионных сбережений — увеличение НДС (до 27%) — увеличение ставки налога на доходы юридических лиц — транзакционный налог	5,7
Польша	2009–2015	2 (о наличии чрезмерного дефицита и о неприятии эффективных мер)	— частичная национализация пенсионных сбережений — увеличение НДС (до 23%) — приватизация	3,5
Словакия	2009–2014	1 (о наличии чрезмерного дефицита)	— сокращение госаппарата и уменьшение зарплат госсектора — увеличение НДС (до 20%) — повышение налоговой нагрузки для физических и юридических лиц с высокими доходами	3,4

* Restoring Public Finance, 2012 Update. — Paris: OECD Publishing, 2012.

Источник: составлено автором

повышения НДС). Ряд стран достаточно серьезно реформировали расходные положения бюджета (Чехия и Словакия). Из всех стран на наиболее серьезные изменения прямого налогообложения пошла лишь Венгрия.

Налогово-бюджетные системы стран В4

Выделение налогово-бюджетных систем новых стран-членов ЕС (НСЧ) в общем и стран В4 в частности на фоне старых стран-членов ЕС основывается на ряде предпосылок. В данном случае имеет смысл следовать за выводами, разработанными в работе МВФ.¹ В целом, НСЧ обладают сравнительно менее развитыми налогово-бюджетными системами, что выражается в меньшем масштабе госрасходов относительно ВВП, сравнительно меньшей налоговой нагрузке, а также значительно бóльшей доле косвенного налогообложения в структуре доходов. Государство здесь играет несколько меньшую роль в инвестиционном процессе, а уровень его вмешательства, как правило, не превышает среднеевропейского. Целесообразность отдельного рассмотрения Вишеградской группы обуславливается тем, что эти страны обладают определённой политической и экономической общностью², представляют собой институционально оформленный субрегиональный блок, а также группу стран, наиболее успешно прошедших путь экономической трансформации.³ Следовательно, интересно проследить, насколько сплочённым можно считать эту группу с точки зрения разброса ключевых показателей налогово-бюджетных систем,

¹ Central, Eastern, and Southeastern Europe Reconciling Fiscal Consolidation and Growth // Regional Economic Issues, November 2015. — IMF, 2015.

² Дрыночкин А. В., Сергеев Е. А. Бенилюкс и Вишеградская группа: опыт сопоставления // Современная Европа. 2016. № 6. С. 53–62.

³ Габарта А. А. Социально-экономическая модель стран Центральной Европы // Современная Европа. 2017. № 7. С. 105.

а также насколько изменилась степень сплочённости в В4 за время действия ПЧД (с большой степенью условности можно говорить о номинальной конвергенции или дивергенции в странах В4, то есть о сближении или удалении ключевых показателей налогово-бюджетной сферы). Для выделения основных черт стран Вишеградской группы на фоне старых стран-членов ЕС, рассмотрения степени внутренней дифференциации в субрегиональной группировке В4, а также для прослеживания динамики изменений целесообразно рассмотреть указанные ранее показатели налогово-бюджетной системы и сравнить их с агрегированными показателями в среднем по ЕС.

Масштабы и сбалансированность налогово-бюджетной системы

При анализе масштабов и сбалансированности налогово-бюджетных систем стран В4, исходя из данных табл. 2, можно сделать ряд выводов:

1. Госрасходы в странах В4 играют меньшую роль, нежели в среднем по ЕС-15 и ЕС-28. Это говорит о несколько меньшем вмешательстве государства в экономику, а также о потенциальной свободе манёвра при проведении стимулирующей налогово-бюджетной политике в будущем. Исключение в данном списке составляет Венгрия. Отношение госрасходов к ВВП, а также динамика данного показателя находятся практически на одном уровне со средним показателем по ЕС. Динамика показателя госрасходов к ВВП в период действия ПЧД оказывается отрицательной во всех странах В4, кроме Словакии, при этом наиболее радикальное сокращение наблюдаем в Чехии. Также стоит отметить, что в 2008 г. (до введения ПЧД) госрасходы в В4 характеризовались несколько большей неоднородностью, нежели,

например, в 2014 г.: разница между максимальным значением и минимальным в 2008 г. составляла 11,7 п. п., а в 2015 г. — 7,1 п. п. (7,7 п. п. в 2017 г.), при этом максимальное значение госрасходов в 2008 г. оказалось больше минимального в 1,32 раза, а в 2014 г. — в 1,17 раза.

2. Отмечаем рост доходов консолидированного бюджета во всех странах В4, кроме Польши (по сравнению с 2008 г. доходы бюджета относительно ВВП несколько сократились). Также отметим, что показатели доходов в странах В4 стали несколько ближе друг к другу. Наибольшие изменения относительно доходов бюджета произошли в Словакии. В рамках В4, как и в случае с расходами, наблюдается некоторое сближение показателей доходов к ВВП.

3. Уровни дефицита бюджета в странах В4 оказались почти наравне с общеевропейскими и в 2009 г., и в ходе стабилизации бюджетов. Тем не менее, показатели Чехии и Словакии несколько выделяются на фоне среднего по ЕС в 2009 г. Польша была близка к выполнению критерия уже в 2012 г., однако негативная макроэкономическая конъюнктура не позволила стране значительно сократить дефицит к 2013 г., и в результате ПЧД была закрыта только в 2015 г. Отдельно необходимо заметить, что все страны В4 вернулись к сбалансированному бюджету, что говорит о действенности наднационального регулирования.

4. Противоположное можно утверждать, учитывая, что все страны В4 (кроме Венгрии) вышли из ПЧД с уровнем государственного долга выше, нежели до процедуры. С точки зрения наднационального фискального регулирования контроль за дефицитами бюджета необходим именно для того, чтобы избежать накопления высокого госдолга. Тем не менее, существующие на данный момент показатели не являются критическими (за исключением Венгрии) и оказываются значительно меньшими, нежели в среднем по ЕС.

Табл. 2. Основные показатели налогово-бюджетных систем В4

	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
<i>Госрасходы, % ВВП</i>										
Чехия	40,6	44,2	43,5	43,0	44,5	42,6	42,4	41,7	39,4	38,8
Венгрия	48,6	50,4	49,2	49,4	48,5	49,3	49,4	50,1	46,5	46,5
Польша	44,3	45,0	45,8	43,9	42,9	42,6	42,3	41,6	41,1	41,2
Словакия	36,9	44,1	42,1	40,8	40,6	41,4	42,0	45,2	41,5	40,4
ЕС-28	46,2	50,1	49,9	48,6	48,9	48,6	48,0	47,0	46,3	45,8
ЕС-15	46,6	50,5	50,4	49,0	49,5	49,2	48,5	47,4	46,8	46,4
<i>Доходы консолидированного бюджета, % ВВП</i>										
Чехия	38,7	38,7	39,3	40,3	40,5	41,4	40,3	41,1	40,2	40,4
Венгрия	44,9	45,8	44,8	44,0	46,1	46,7	46,8	48,2	44,9	44,5
Польша	40,7	37,8	38,5	39,1	39,1	38,5	38,6	38,9	38,8	39,6
Словакия	34,5	36,3	34,7	36,5	36,3	38,7	39,3	42,5	39,3	39,4
ЕС-28	43,7	43,5	43,5	44,0	44,7	45,3	45,1	44,7	44,7	44,9
ЕС-15	44,2	43,9	44,0	44,5	45,2	45,9	45,6	45,1	45,2	45,4
<i>Баланс консолидированного бюджета, % ВВП</i>										
Чехия	-2,0	-5,5	-4,2	-2,7	-3,9	-1,2	-2,1	-0,6	0,7	1,6
Венгрия	-3,7	-4,5	-4,5	-5,4	-2,4	-2,6	-2,6	-1,9	-1,7	-2,0
Польша	-3,6	-7,3	-7,3	-4,8	-3,7	-4,1	-3,6	-2,6	-2,3	-1,7
Словакия	-2,4	-7,8	-7,5	-4,3	-4,3	-2,7	-2,7	-2,7	-2,2	-1,0
ЕС-28	-2,5	-6,6	-6,4	-4,6	-4,3	-3,3	-2,9	-2,3	-1,6	-0,9
ЕС-15	-2,4	-6,6	-6,4	-4,6	-4,3	-3,3	-2,9	-2,4	-1,6	-0,9
<i>Госдолг, % ВВП</i>										
Чехия	28,3	33,6	37,4	39,8	44,5	44,9	42,2	40,0	36,8	34,6
Венгрия	71,6	77,8	80,2	80,5	78,4	77,1	76,6	76,7	76,0	73,6
Польша	46,3	49,4	53,1	54,1	53,7	55,7	50,3	51,1	54,2	50,6
Словакия	28,5	36,3	41,2	43,7	52,2	54,7	53,5	52,3	51,8	50,9
ЕС-28	60,8	73,4	78,9	81,5	83,9	85,8	86,5	84,5	83,3	81,6

Источник: данные Евростат

Общее бремя налогово-бюджетной системы

Строго говоря, анализ масштабов и сбалансированности налогово-бюджетных систем даёт лишь ограниченное представление о главных изменениях, происходящих в налогово-бюджетных системах стран. Мы можем констатировать лишь, что ключевые показатели в странах В4 несколько приблизились друг к другу. Поскольку весомую часть консолидацион-

ных мероприятий здесь составляли меры, связанные с налогами, представляется логичным также рассмотреть основные показатели, отражающие тяжесть налогообложения. Среди них можно выделить налоговое бремя (нагрузка) как отношение собираемых налогов к ВВП, налоговую нагрузку на бизнес (отношение налогов, выплачиваемых бизнесом, к прибыли), а также налоговый клин в методологии ОЭСР (как отношение налогов, выплачиваемых наёмным работником, к затратам на оплату труда), показывающий, насколько существующая налоговая система искажает рынок труда.

Табл. 2. Налоговое бремя в странах В4, % ВВП

	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Чехия	33,5	32,3	32,5	33,3	33,7	34,1	33,1	33,3	34,0
Венгрия	39,6	39,1	37,5	36,4	38,5	38,1	38,2	39,0	39,4
Польша	34,1	31,2	31,4	31,9	32,1	31,9	32,0	32,4	33,6
Словакия	29,0	28,9	28,1	28,6	28,3	30,2	31,2	32,3	32,7
ЕС-22*	36,1	35,7	35,7	36,0	36,6	37,1	37,3	37,2	37,6

* Страны ЕС, входящие в ОЭСР.

Источник: ОЭСР, расчёты автора

В целом, всем странам В4 удалось сдержать рост налогового бремени в период действия ПЧД (см. табл. 2). Наибольший рост показателя можно отметить в Словакии (страна несколько приблизилась к уровню других стран В4), однако он происходит уже после завершения ПЧД в ответ на увеличение госрасходов для поддержания дефицита ниже целевого уровня. Интересным представляется опыт Венгрии. Налоговое бремя здесь значительно выше даже средневропейского уровня. Попытки правительства регулировать прямое налогообложение в ходе консолидации (в основном все страны В4 использовали инструменты, связанные с косвенными налогами) привели к значительным потерям в собираемости налогов (отсюда и падение показателя налогового бре-

мени в 2010–2011 гг.) В целом, налоговое бремя по итогам действия ПЧД в данных странах изменилось незначительно. При этом опять же можно констатировать некоторое сближение показателей по итогам действия ПЧД.

Табл. 3. Налоговая нагрузка на бизнес, % прибыли

	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Чехия	53,1	51,1	50,0	50,0	50,0	50,0	50,4	50,4	50,0	50,0
Венгрия	56,6	56,6	54,6	52,0	49,8	49,3	48,0	48,4	46,5	46,5
Польша	45,1	42,2	40,6	40,1	40,3	40,1	40,1	40,3	40,4	40,5
Словакия	48,5	49,4	50,0	50,2	50,2	49,8	51,8	51,7	51,6	51,6
ЕС-28	43,8	43,0	42,7	41,9	42,2	42,0	42,2	41,5	41,3	40,6

Источник: Всемирный банк

Однако подобного нельзя сказать о налоговой нагрузке на бизнес (см. табл. 3). Во всех странах В4 (кроме Словакии) она существенно сократилась (оставаясь несколько выше среднеевропейского уровня, исключение из чего составляет лишь Польша). Увеличение налоговой нагрузки на бизнес в Словакии говорит о том, что корпоративный сектор стал одним из источников повышения доходов бюджета для выполнения наднациональных требований по консолидации. При этом остальные страны В4 пытались сократить налоговую нагрузку на бизнес, чтобы не допустить налоговой конкуренции с другими юрисдикциями.

В табл. 4. приведена динамика изменений налогового клина в странах В4. Наибольшие изменения произошли в Венгрии, где в результате мероприятий по поддержке рынка труда (прогрессивная шкала налогообложения была заменена на плоскую) данный показатель приблизился к среднеевропейскому. В Чехии и Польше значимых изменений данного показателя не произошло. В Словакии наблюдался рост налогового клина, что говорит о возможном негативном влиянии мер по консолидации бюджета на сбалансированность рынка

труда (хотя этот показатель остаётся на средневропейском уровне).

Табл. 4. Налоговый клин в странах В4, % затрат на оплату труда

	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Чехия	43,44	42,01	42,13	42,61	42,45	42,44	42,61	42,8	43,01	43,36
Венгрия	54,1	53,1	46,61	49,49	49,52	49,03	49,03	49,03	48,25	46,15
Польша	34,69	34,12	34,21	34,32	35,51	35,57	35,68	35,73	35,58	35,63
Словакия	38,84	37,71	37,92	38,83	39,62	41,13	41,25	41,37	41,52	41,6
ЕС-22	41,79	41,3	41,23	41,8	41,98	42,16	42,03	41,84	41,71	41,53

Источник: данные ОЭСР

Стоит отметить, что разброс налоговых показателей в странах В4 больше, чем в случае анализа общих показателей госрасходов, доходов бюджета и т.д. Это позволяет сделать определённый вывод, что несмотря на кажущееся сходство фискальных систем рассматриваемых стран, в каждой из них есть своя специфика, связанная с рынком труда, спецификой налогообложения бизнеса и т.д. Тем не менее, и в этом случае можно констатировать некоторое сближение численных показателей, характеризующих налоговую нагрузку в экономике.

Выводы

Анализ ключевых показателей фискальных систем в странах В4 показал, что в них не произошло существенных изменений относительно доли госрасходов и доходов в ВВП после начала действия ПЧД. Наиболее существенные изменения произошли в Словакии (показатели страны приблизились к остальным странам В4). Это говорит о том, что страны В4 в целом сохранили основные черты своих социально-экономических моделей в фискальном аспекте. Несколько иную картину демонстрируют показатели, связанные с налого-

вым бременем. Так, страны В4 снизили налоговую нагрузку на бизнес, исключением из чего стала Словакия. Также произошло определённое изменение показателя налогового клина. В целом, можно констатировать, что, несмотря на некоторые различия в фискальных системах стран В4, произошло некоторое сближение основных показателей фискальной сферы в рассматриваемых странах после действия ПЧД и осуществления консолидаций бюджета.

Egor Sergeev

FISCAL SYSTEMS OF VISEGRÁD COUNTRIES IN A POST-CRISIS PERIOD: STATISTICAL TRENDS

This article analyses key statistical trends in fiscal systems of Visegrád countries after they accomplished fiscal consolidations in accordance with the rules of supranational fiscal governance. One could conclude that no major changes were brought to fiscal systems of countries concerned (but for tax burden), while some indicators converged after consolidations.

*Наталья Коровицына*¹

ОСОБЕННОСТИ ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ (НА ПРИМЕРЕ ПОЛЬШИ)²

Спустя почти четыре десятилетия после революции Солидарности 1980 г. можно судить, насколько правомерно печальное, прочно утвердившееся представление о ней как о «лебединой песне польского романтизма». Именно тогда произошла первая восточноевропейская революция сознания, опиравшаяся на единственное в Восточной Европе массовое общественное движение периода перестройки.³ Оно зародилось среди рабочих Гданьской судовой верфи, со сменой систем практически прекративших свое существование, как и значительная часть «бунтарского» польского рабочего класса. Социокультурный смысл той революции сводился к стремительному переходу к антиэгалитарным и материалистическим воззрениям поляков, практически равносильным гибели этой нации. «А есть ли жизнь после перехода?» — задавались вопросом в 90-е годы XX в. некоторые польские социологи, лучшие работы которых были созданы в предшествующее десятилетие — время «золотого века» польской социологической школы.

В отличие, например, от более прагматичной, экономически ориентированной венгерской социологии и самой социальной реальности этой страны, польская общественная теория больше концентрируется на процессах изменений

¹ Коровицына Наталья Васильевна — д. и. н., ведущий научный сотрудник Отдела исследований Центральной и Восточной Европы Института Европы РАН.

² *Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 17-07-00016 «Россия и Центральная Европа: проблемы и перспективы взаимоотношений в условиях мирового политического кризиса».*

³ Коровицына Н. В. Первая восточноевропейская революция сознания (польская ретроспектива) // Революции и реформы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: 20 лет спустя. М.; РОССПЭН, 2011. С. 497–491.

в ментальной сфере, а общественная практика последней имела характер специфической для региона Центральной и Восточной Европы, включая Россию, «тихой революции» (*silent revolution*). Восточноевропейский тип культурной революции не только на одно поколение запаздывал, но и, как эмпирически подтверждено, содержательно «отклонялся» от западного пути постмодернизации общества и его известных интерпретаций американцем Р. Инглхартом. Изучение сдвигов в духовной сфере польскими социологами крайне плодотворно для понимания культурных последствий экономических и политических перемен после 1989 г. в посткоммунистическом регионе в целом и итогов евроинтеграции центральноевропейцев после 2004 г.

Ценностные сдвиги периода перехода от социализма к капитализму и вестернизации повсеместно в восточноевропейском регионе обусловлены тремя важнейшими революциями: потребительской, демографической и духовной.¹ Кроме того, в результате демократической революции масштабные и неоднозначные изменения произошли в сфере политического сознания населения. Трансформировались все стороны жизни общества восточноевропейского типа — семья, труд, мораль, религия, гражданственность. Важнейшим источником анализа сдвигов в ментальности младоевропейцев служат многообразные данные международного проекта «Европейское исследование ценностей» (далее — ЕИЦ) за 1990, 1999 и 2008 гг. Труд энциклопедического характера под редакцией известного польского обществоведа Александры Ясиньской-Кани (Институт социологии Варшавского университета) «Ценности и перемены: изменения ценностей

¹ Коровицына Н.В. Ценности чешского общества в изменяющемся мире // Новая и новейшая история. 2016. №2. С. 72–79.

поляков в объединяющейся Европе»,¹ опирающийся на ЕИЦ, достоин отдельного детального рассмотрения, поскольку, пожалуй, он не имеет содержательных и методологических аналогов в нашей стране.

Исследование динамики системы ценностей поляков в рассматриваемом сборнике начинается с темы **семьи**. И это связано не только с приоритетным значением семьи в ценностной иерархии традиционалистического польского народа, но и с сущностью либеральной трансформации Восточной Европы. Этот регион ускоренной, догоняющей модернизации с середины прошлого века прошел три ее четвертьвековых периода: индустриализация (1950–1960-е годы), урбанизация (1970–1980-е годы) и демографическая революция (1990-е — первое десятилетие 2000-х годов). Смена типа естественного воспроизводства населения и трансформация семьи по пути т. н. второго демографического перехода (на Западе начавшегося на рубеже 60–70-х годов, на Востоке — на два десятилетия позже) явились ключевыми процессами либерализации или демократизации Восточной Европы после 1989 г., ее вестернизации.² По-польски это явление назвали формированием «нового сентиментального порядка» сферы семейной жизни.

Данные ЕИЦ действительно свидетельствуют о произошедшей значительной модификации института супружества в Польше в последнюю четверть века. Так, например, с утверждением, что «брак является устаревшей институцией» в 2008 г. соглашалось 18% опрошенных, в то время как в 1990 г., т. е. 18 лет назад — втрое меньше. Кроме того, постепенно (с 73% до 65%) уменьшается доля людей, считаю-

¹ Wartości i zmiany: przemiana wartości Polaków w jednoczącej się Europie (2014) / red. Aleksandra Jasińska-Kania. Warszawa: Naukowe Scholar.

² Коровицына Н. В. Процессы трансформации чешской семьи в середине XX — начале XXI века // Новая и новейшая история. 2014. № 1. С. 194–205.

сих брак необходимым условием счастливой жизни. Довольно много — 70% — опрошенных признают теперь незарегистрированные союзы, особенно с детьми.¹ Формировались соответствующие времени образцы материнства, модифицирующие традиционный, особенно в XIX в. — эпоху шляхетской Польши, облик «польской матери», одновременно служащей благу Отчизны и преданной семье. Можно встретить представление о «менеджерском матриархате», существующем в этой стране, когда женщина, жертвуя собой, контролирует жизнь своей семьи. Подобную модель материнства называют «идеалистически-героической», а её центральную фигуру — «суперженщиной» и «суперматерью», со времени социализма несущей двойную нагрузку — домашнюю и производственную. Изменился ли этот образ в период второго демографического перехода по-польски?

Авторы исследования под руководством А. Ясиньской-Кани приходят к выводу, что семейная жизнь за два прошедших десятилетия претерпела значительные перемены в сторону, прежде всего, индивидуализации. Однако, по мнению польских социологов, это еще не означало «кризиса семьи». Имеющиеся данные опровергают тезис о движении польской семьи — по крайней мере, в плоскости декларативной — в сторону западной модели с отличительным для нее «демократизмом» или «свободой» отдельных ее членов. И хотя сдвиги в представлениях людей очевидны, как свидетельствуют результаты чешских социологических исследований, заявления и реальное поведение могут не только расходиться, но и взаимно противоречить. Так, высокообразованные слои чешского общества со второй половины 1990-х гг. всё чаще действуют по принципу «передовые взгляды — традиционное поведение». Вербально соглашаясь с новыми, счита-

¹ Wartości i zmiany... S. 51.

ющимися прогрессивными установками, они лично для себя предпочитают наиболее консервативные формы семейной жизни и оказываются в стороне от процессов трансформации демографического режима. Настоящим же объектом новых веяний (феномен матерей-одиночек и незарегистрированных союзов) являются в Чехии женщины с наиболее низким уровнем образования и социального положения, для которых смысл жизни, по их признанию, напротив, все больше сводится к семье. Однако 80% их первых детей рождается вне брака и в большинстве случаев даже вне партнерского союза с отцом ребенка, тогда как среди высокообразованных ровно столько же состоит в браке на момент рождения ребенка.¹ Обнаруженная чехами сильная негативная зависимость нетрадиционных форм семьи от социально-экономического положения людей, значительно превосходящая влияние сдвигов в ценностных ориентациях, говорит не столько о сходстве общеевропейских тенденций развития, сколько о различиях в динамике демографического поведения западной и восточной частей Европы, в самой их сущности.

Преимущественно негативные аспекты перемен, выражающиеся в появлении экономических барьеров при создании семьи и обзаведении потомством в условиях кризисного развития (чехи сравнивают происходящие в демографической сфере процессы с аналогичными процессами в стране в 1930-е гг.) проявились в своего рода демографическом шоке в регионе Восточной Европы 1990-х гг. Это был период резкого роста социальных неравенств и формирования массовых слоев общества, длительное время существующих на социальные пособия. Демографический шок конца XX в.

¹ Chaloupková J., Soukupová, E. Postoje k manželství, nesezdanému soužití a rodičovství mimo manželství. // *Mimomanželská plodnost v ČR*, Pr.: Sociologický ústav AV ČR, 2007, S. 47; Hamplová D. Uvod. // *Mimomanželská plodnost v České republice po roce 1989: sociální a ekonomické souvislosti*, Pr.: Sociologický ústav AV ČR, S. 8.

выразился в резком спаде рождаемости и брачности, скачкообразном росте числа внебрачных рождений.

Несмотря на эти процессы, значение семьи в жизни поляков остается «крайне важным» для 90% опрошенных. Понимаемая под семьей супружеская пара с детьми как традиционная модель брачного союза особенно широко признается в Восточной Европе и, прежде всего, в Польше. По данным ЕИЦ, в Западной Европе и тем более скандинавских странах популярность этой модели гораздо меньше — 54% в 2008 г. Одобрение семьи из одного родителя как главный процесс современной семейной трансформации распространено, прежде всего, в скандинавской группе стран и практически не касается восточноевропейцев.¹ Среди них свыше 80% опрошенных считает, что у женщины должны быть дети для её самореализации в жизни, тогда как для западноевропейцев аналогичный показатель вдвое ниже, не превышая 40%. Очевидно трудностями современного существования в целом восточноевропейской и, в частности, польской семьи объясняется тот факт, что, несмотря на большое значение в ней детей, жизненная удовлетворенность людей, имеющих их, чаще бывает ощутимо ниже по сравнению с бездетными. В Западной Европе и прежде всего скандинавских странах ситуация противоположная. Современных восточноевропейских женщин даже называют жертвами господствующих в обществе культурных норм, которые предписывают им иметь детей. Следование этим нормам в существующей ситуации не приносит им счастья. Еще одно наблюдение, касающееся только восточноевропейской семьи, — наличие ребенка при отсутствии партнера также снижает уровень удовлетворенности, особенно женщин. Дети не компенсируют им

¹ Wartości i zmiany..., S. 53.

недостаток супруга, а, напротив, создают повод для недовольства.¹

Заключительный вывод из анализа семейных ценностей: во многих отношениях нынешние представления поляков по-прежнему гораздо больше похожи на восточно-, чем западноевропейские.

Труд явился той сферой жизни поляков, которая в последние 25 лет претерпела наибольшие перемены. Как и семья, труд, — их важнейшая жизненная ценность. Она «крайне важна» для 56% и «скорее важна» — для 35%.² 81% хотело бы привить трудолюбие своим детям. В то же время, это ценность, которая на протяжении последних двух десятилетий скорее теряет, чем наращивает свое значение в странах региона. Ослабление значения труда в жизни восточноевропейцев считается очень важным процессом. Несомненные сдвиги в этой сфере тесно связаны с переходом к рыночной экономике и освоением людьми новых норм жизни. Примечательно, что оценка важности труда снижалась при значительном росте уровня безработицы, при её фактическом появлении в странах региона после 1989 г.

Любопытна динамика оценок причин бедности. Тенденции её различны для 1990-х и первого десятилетия 2000-х гг. В период осуществления рыночных реформ сокращалось убеждение, что бедность является порождением субъективных факторов (лени и недостатка силы воли) и росло — объективных, т. е. общественной несправедливости как главной причины социальных бед. Эта тенденция радикально изменилась в начале нового века, когда негативные общественные процессы периода реформ в условиях развернувшейся евроинтеграции оказались в значительной степени ослабленными

¹ Hamplová D. Proč potřebujeme rodinu, práci a přátele. Štěstí ze sociologické perspektivy, Pr.: Sociologický ústav AV ČR, 2015, S. 99.

² Wartości i zmiany..., S. 63.

или даже получили возвратную направленность. В отличие от поляков, другие народы региона как правило все больше видели причины бедности скорее в социальных факторах, чем в индивидуальных, как в начале общественной трансформации.¹

По сравнению с западноевропейскими странами Польша остается наиболее национально ориентированной в вопросе необходимости приоритетного трудоустройства жителей страны перед иностранными рабочими и наиболее патриархальной в вопросе преимущественного трудоустройства мужчин перед женщинами при недостатке рабочих мест.

Не менее интересны выводы, полученные из анализа динамики **моральных и религиозных** ценностей после 1989 г. Эта проблематика традиционно является ключевой для польской социологии в силу её наибольшей значимости для католической Польши. Во втором десятилетии системных сдвигов исследователями фиксировалось отчетливое ослабление нравственности как инструмента общественного контроля в стране, политизация морального дискурса и быстрорастущая релятивизация моральных ценностей вплоть до определения существующей ситуации как «моральной паники» или «моральной революции» после вступления в Евросоюз. Оказывается, согласно данным ЕИЦ, на рубеже XX–XXI вв. в большинстве европейских стран свыше половины опрошенных высказывало мнение, что не существует установленных на все случаи жизни принципов, позволяющих отличить добро от зла, которые в свою очередь строго ситуативны. И только Польша в 1999 г. была единственной страной в Европе, где преобладало (51 %) убеждение о существовании четких и несомненных моральных принципов, касающихся каждого человека и любой ситуации. Причем

¹ Strapcova K. Vnimanie príčin chudoby na Slovensku // Chudoba v slovenskej spoločnosti a vzťah slovenskej spoločnosti k chudobe, Br., 2006, S. 265.

к 2008 г. доля таких людей возросла до 53%,¹ т.е. моральный релятивизм в Польше в отличие от других стран Европы пока не является преобладающим. По сравнению с другими государствами Вишеградской четверки уровень морального релятивизма в Польше, особенно в среде многочисленных верующих, самый низкий. А в целом в Восточной Европе он ниже по сравнению с западноевропейцами. Таким образом, конкретные данные опровергают миф об упадке морали и эрозии нравственного сознания в современной Польше, хотя постепенно в этой сфере в начале нового века наблюдались некоторые сдвиги. Польское общество, не прошедшее через глубокие культурные перемены, аналогичные обществам западного типа, демонстрирует и поныне выраженный консерватизм.

Хотя для большинства поляков Костел уже не служит проводником по жизни, а религия теряет свое значение, они по-прежнему считают себя католиками и людьми религиозными. Это во многом обусловлено дефицитом альтернативных форм идентичности, укореняющих людей в общественной жизни. А религия по-прежнему остается единственной системой, структурирующей повседневную жизнь поляков и придающей ей смысл.

Совокупность сдвигов в сфере **политики и гражданского общества**, раскрывает их истинную сущность в посткоммунистическом мире.

Данные 2009 г. демонстрируют крайне низкий престиж власти в современной Польше. Она характеризуется как некомпетентная, не заслуживающая доверия, не служащая людям и не воплощающая принципы равенства. По этим показателям в прошедшие 20-летие наблюдалась значительная понижающая тенденция. Так, доверие к государственной власти

¹ Wartości i zmiany... S. 111.

сократилось с 78,8% в 1989 г. до 30,7% в 2008 г., в парламент — с 78,9% до 19,0%, в правительство — в 1995–2008 гг. с 38,7% до 21,8%.¹ С этими тенденциями коррелирует динамика оценок системы правления в Польше, которая остается систематически негативной. В то же время ожидания людей по отношению к государственной власти в период трансформации не сокращались, поддержка государственного интервенционализма оставалась сильной. В сфере занятости трудящихся ответственность государства считается несомненной.

Ожидания в сфере уменьшения различий в доходах особенно показательны. По мнению поляков, государство должно обеспечивать равенство — абсолютную общественную ценность для безусловно эгалитарно ориентированного населения страны. Решительная поддержка сокращения материальных различий в рассматриваемый период возросла на 20 процентных пунктов. И сам этот постулат не подвергался сомнению, его сторонниками являлось 61,5% в 1988 г. и 84,6% в 2006 г.² Необходимость ликвидации материального неравенства сочеталась в сознании людей с растущей ориентацией на равенство доходов. От решительного отказа от экономического эгалитаризма периода социализма в начале периода трансформации совершился переход польского общества — и не только его — ко все большему принятию принципов материального равенства. Это был сдвиг от широко распространенного сознания несправедливости довольно слабых различий в оплате низко- и высококвалифицированного труда к существованию ситуации резкой дифференциации оплаты труда, далеко не всегда легитимной. Таким образом, польским обществом принимаются постулаты широкой сферы ответственности государства.

¹ Ibid. S. 215.

² Ibid. S. 221.

Как свидетельствуют данные ЕИЦ, не только Польша, но и Восточная Европа в целом «правее» Западной. «Парадоксальный человек» (Ж.Т. Тощенко), не так давно повернувшийся к рынку и свободе, ценит выше их, демонстрируя традиционно больший этатизм, доверие к государственной форме собственности и ожидание активной роли государства в общественных делах. Восточноевропейская модель гражданственности отличается от западноевропейской, скандинавской и американской также сочетанием сильного политического отчуждения, низкого доверия власти, с одной стороны, и ожиданием более широких функций государства, большей от них зависимости и низкой предприимчивостью. Негативный образ власти и политиков приобретает в посткоммунистическом мире все большее значение в условиях завышенных общественных ожиданий от государства. Но для Польши синдром «парадоксального человека», обнаруженный в России, наиболее характерен.

Особенностью политической самоидентификации поляков является соединение мировоззренческого традиционализма с левыми взглядами в экономической сфере, что сами они и называют консерватизмом. В противовес политическим взглядам западного типа польский консерватизм отличается соединением традиционных обычаев и религиозности с поддержкой государственной интервенции в сфере экономики. Любопытно, что самоидентификация поляков по право-левой политической шкале определяется исключительно степенью тяготения к мировоззренческому либерализму и не связана с экономическими взглядами. Даже сторонники партий левого толка в такой же степени исповедуют одновременно моральный консерватизм и экономический либерализм, как большинство общества. Таким образом, экономический либерализм негативно коррелируется с левыми политическими взглядами только в странах Западной Евро-

пы, тогда как в Восточной Европе отсутствует связь между декларируемыми левыми воззрениями и экономическим либерализмом.¹ Отождествление себя с левыми или правыми зависит у поляков от выбора политической партии. В результате складывается ситуация, противоречащая классической политической теории, согласно которой политическая идентичность должна определять политическое поведение личности, а не наоборот. Особенность современной Восточной Европы заключается в предопределенности самоидентификации политическим выбором. Это соответствует тезису о том, что в постсоциалистических странах деление на правых и левых не опирается на стабильные мировоззренческие представления. В этом регионе совершенно отличные от Запада формы политической идентичности.

Жители Восточной Европы в целом меньше, чем западноевропейцы, интересуются политикой, она для них — даже членов политических партий и людей, активно в них работающих, — реже «крайне важна». На Западе более активны сторонники большей роли государства, недовольные своей жизнью, тогда как на Востоке — напротив, сторонники рынка, «правых», довольные своей жизнью и ситуацией в стране. Т. е. в первом случае люди недовольные своими действиями пытаются поправить положение, а во втором — с политикой связаны, скорее, бенефициары перемен. Аналогичная польской закономерность отмечалась чешскими и словацкими социологами.² По их данным, люди высокообразованные и наиболее удовлетворенные развитием демократии проявляют почти вдвое большее, чем все население, стремление участвовать в разрешенных демонстрациях. Неудовлетворенность непосредственно не связана с протестным поведе-

¹ Ibid. S. 265.

² Kusá Z. Politika a spravovanie krajiny. Výskum európskych hodnot. 1990-1999-2008: slovenská a česká spoločnosť: analitická publikácia. Br.: Sociologický ústav SAV, 2009, S. 120–160.

нием, которое служит скорее выражением потребности дальнейшего улучшения собственного положения. Готовность участвовать в протестном движении демонстрируют люди образованные, толерантные, во всех отношениях либерально-ориентированные, наибольшие противники традиционных ценностей и сторонники — постматериалистических, релятивистских, наименее религиозные, но более склонные к оккультизму, продемократически настроенные и, наконец, особенно негативно оценивающие социализм и позитивно — перемены после 1989 г. и верующие в свободный рынок как их главное идеологическое содержание.

Так какой же культурный смысл скрывается за понятием Великая перемена, первоначально называвшемся «переход к демократии» или шире — «общественная трансформация», а также «возвращение в Европу»? Провозглашавшийся универсальный характер, т. н. «имитационной модели трансформации», основывался на идеализации капиталистического Запада, якобы представляющего из себя целостное пространство, куда до периода социализма будто бы входила и Польша. В постсоциалистический период сфера культуры действительно приобрела ключевое значение в жизни восточноевропейцев, став ареной противостояния национальных и импортированных с Запада ценностей. Событиями «культурной войны» можно считать изменение системы ценностей поляков и в целом восточноевропейцев в период их вестернизации. В период трансформации они входили с более важными ценностями семьи, труда и религии в их жизни и менее важными — друзей, знакомых, свободного времени. В последующем происходила унификация восточноевропейской системы ценностей с западноевропейской. Она выразилась в эрозии традиционного образа семьи, росте значения друзей и знакомых за счет семейных связей, напротив, снижении важности изначально намного более значимых для жите-

лей посткоммунистического региона показателей трудовых ценностей. Причем уровень их удовлетворенности трудом и ощущение степени свободы в принятии решений в процессе труда стали ниже западноевропейских, а восприятие труда как ценности инструментальной — дающей заработок — значительно важней, чем в среднем по Европе. В основе этого процесса был распад существовавшей при социализме идеологии труда и переход к доминированию потребительской идеологии. С процессами секуляризации, хотя и медленными, дезинтегрировалось и единство церкви, религии, культуры и общества. Данные ЕИЦ 1990, 1999 и 2008 гг. свидетельствуют о снижении участия в политике и интереса к ней. Демократия признается, но её функционирование воспринимается во всех посткоммунистических странах негативно. Европейская идентичность центральноевропейцев в целом крайне низка, большая часть их считает, что она существует только для заинтересованных — тех, кто получают выгоду от её существования. Вместе с тем общности европейской культуры и истории придается меньшее значение.¹

В посткоммунистических странах в 1990-е гг. на первый план вышли самосохранение и безопасность. Там значительно реже, чем в Западной Европе, проявляется удовлетворенность различными аспектами жизни, потребность в общественно-политической активности, доверие и толерантность, поддержка демократии. Страны Центральной Европы — Польша, Чехия, Словакия, Венгрия, а также Словения расположены на границе Западной и Восточной Европы не только в географическом, но и ценностном смысле: между преимущественно традиционалистической (наиболее сильной в Польше), светско-рационалистической (приоритетно —

¹ Nikischer R. Teritoriální identita obyvatel střední Evropy: komparativní analýza zemí Visegrádské čtyřky // Národní identity a identifikace. Česká republika. Visegrádská čtyřka. Evropská unie, Pr., Sociologický ústav AV ČR, 2015, S. 61.

Чехия), материалистической (особенно в Венгрии) и постматериалистической (чаще в Чехии и Словении) культурами.¹

Важно подчеркнуть, что вопреки всё ещё бытующим в либеральной среде — и в России, и в Польше — суждениям о прошедшей период посткоммунистической трансформации центральноевропейской действительности как эталонно-превосходящей и совершенно отличной от российских реалий, конкретные социологические исследования наших ближайших западных соседей демонстрируют многочисленные общерегиональные параллели и идентичности.

Natalia Korovitsyna

SPECIFIC FEATURES OF POSTCOMMUNIST DYNAMICS OF SOCIETAL VALUES (POLISH CASE)

Author analyses a broad spectrum of values and orientations of population «to the East from Elba». Results of the social transformation occurred after the velvet revolutions — at time of transition from socialism to capitalist — are really unique. They present a combined reflection of the basic features of this transition, characteristic for East-European type of societies — practically unknown for Russians and inaccessible for domestic scholars after «velvet» revolutions. This is why in Russia after 1989, Poland had been considered as a part of Western civilization and capitalist formation. Author destroys the myth of postsocialist epoch and substantiates the gravitation of studied group of countries more towards East-European civilization, being quite stable in front of challenges towards westernization. From the point of view of culture, they are more inclined towards traditional socially oriented national conservatism.

¹ Wartości i zmiany... S. 337.

Об авторах

Бажан Анатолий, доктор экономических наук, заведующий Отделом экономических исследований Института Европы РАН.

Болгова Ирина, кандидат исторических наук, доцент Кафедры прикладного анализа международных проблем МГИМО МИД России.

Ведерников Михаил, кандидат исторических наук, научный сотрудник Вишеградского центра и Отдела исследований Центральной и Восточной Европы ИЕ РАН.

Вит Михал, научный сотрудник чешского аналитического центра EUROPEUM.

Габарта Анджей, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Отдела исследований Центральной и Восточной Европы Института Европы РАН.

Гандл Владимир, научный сотрудник Института международных исследований Факультета социальных наук Карлова университета.

Гонта Иво, аспирант Дипломатической академии МИД России по направлению «Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития».

Кандель Павел, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела черноморско-средиземноморских исследований Института Европы РАН, руководитель Центра этнополитических и межгосударственных конфликтов.

Коровицына Наталья, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела исследований Центральной и Восточной Европы Института Европы РАН.

Котулевич-Вишиньска Каролина, кандидат экономических наук, доцент Кафедры политических наук Краковского экономического университета.

Лисякевич Рафаль, кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук Краковского экономического университета.

Саморуков Максим, заместитель главного редактора Carnegie.ru, Московский центр Карнеги.

Сергеев Егор, преподаватель кафедры мировой экономики МГИМО МИД России.

Шишелина Любовь, доктор исторических наук, заведующая Отделом исследований Центральной и Восточной Европы Института Европы РАН.

Юшков Игорь, старший преподаватель Финансового университета при Правительстве РФ, ведущий аналитик «Фонда национальной энергетической безопасности».

About authors

Bazhan Anatoly, Dr. of economic sciences, Head of Economic research department at Institute of Europe RAS.

Bolgova Irina, Ph. D, Associate professor of Moscow State Institute of International Relations (University).

Habarta Andrzej, PhD, leading scientific researcher at Institute of Europe RAS.

Handl Vladimir, lecturer at the Institute of International Studies, Faculty of Social Sciences, Charles University in Prague.

Hopta Ivo, post-graduate student at Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow).

Kandel Pavel, PhD, Head of the Centre of ethno-political and interstate conflicts at the Institute of Europe RAS.

Korovitsyna Natalia, Dr. of historic sciences, leading research fellow of Department for the Studies of Central and Eastern Europe at Institute of Europe RAS.

Kotulewicz-Wisinska Karolina, PhD, Department of Political Science, Faculty of Economics and International Relations of the Krakow University of Economics.

Lisiakiewicz Rafal, PhD, Department of Political Science, Faculty of Economics and International Relations of the Krakow University of Economics.

Maxim Samorukov, Deputy editor of Carnegie.ru

Sergeev Egor, lecturer of Department of World Economy, Moscow State Institute of International Relations (University).

Shishelina Lyubov, Dr. of historic sciences, Head of Department for the Studies of Central and Eastern Europe, director of the Visegrad Centre at the Institute of Europe RAS.

Vedernikov Michail, PhD, research fellow at Institute of Europe RAS.

Vít Michal, research fellow, EUROPEUM Institute for European Policy.

Yushkov Igor, lecturer at the Financial University under the Government of the Russian Federation, Leading Analyst of the National Energy Security Fund.

ОТНОШЕНИЯ СТРАН ВИШЕГРАДСКОЙ ЧЕТВЕРКИ И РОССИИ В НОВЫХ ЕВРОПЕЙСКИХ РЕАЛЬНОСТЯХ

*Сборник статей участников
XII международной научной конференции*

***«Россия и Центральная Европа
в новых геополитических реальностях»***

Москва, 30 ноября 2017 года

Подписано в печать 28.09.2018. Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 11,39. Тираж 300 экз. Заказ №

Отпечатано в типографии «Технология ЦД»
119606, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 84, корп. 2